ПИОНЕР

10 1987
ISSN 0130–8009

Фотография С. САФОНОВОЙ.

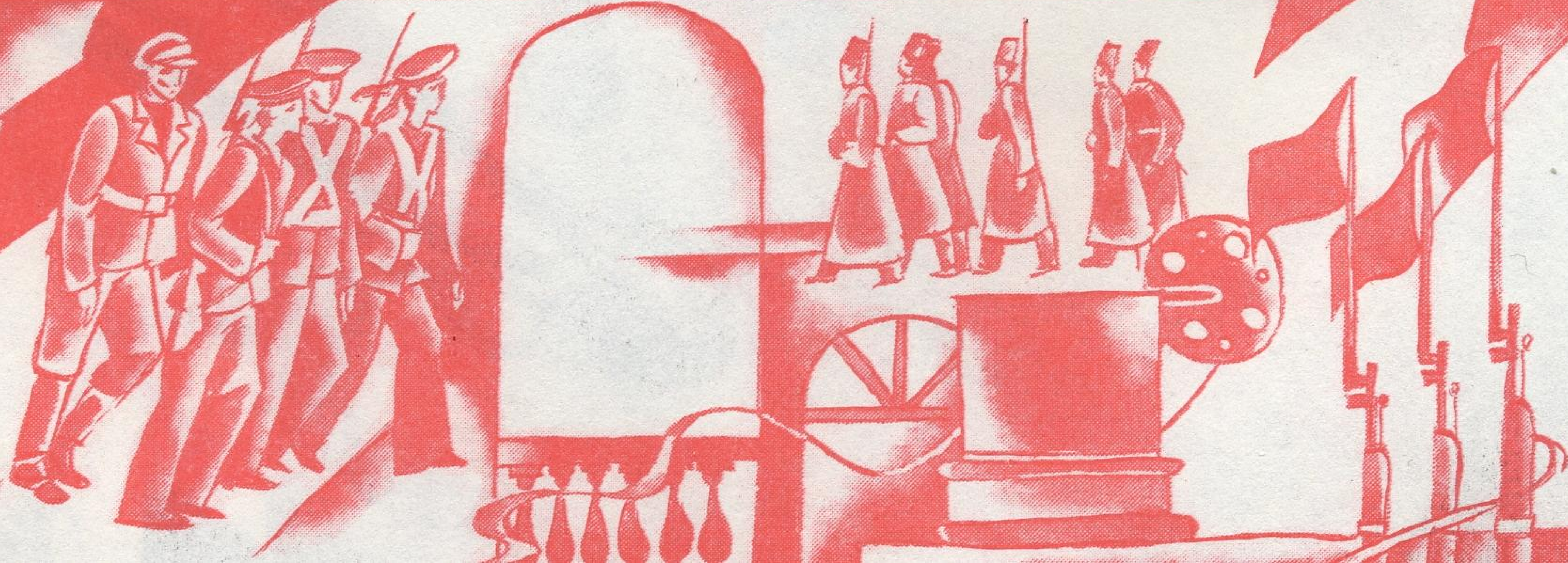
Вот вы открыли календарь революции десятого месяца семнадцатого года. На первой странице — фотография Смольного. Всем вам хорошо знакомое здание. Архитектор Джакомо Кваренги выстроил его в лучших традициях русского классицизма. П-образный желто-белый фасад, в центре которого над аркадой возвышается восьмиколонный портик, а по бокам два изящных и строгих флигеля, соединенные небольшой изогнутой оградой. В этом пространстве — между главным фасадом, флигелями и оградой — парадный двор. Когда-то сюда подкатывали возки, пролетки, кареты, а чуть позже и авто — привозили для обучения в Смольный институт «благородных девиц» — дочек из именитых и не очень именитых, но непременно дворянских фамилий.

Но мне представляется нечто совсем иное. Помните?

Матросы
в бомбы
играют, как в мячики.
От гуда
дрожит
взбудораженный Смольный.
В патронных лентах
внизу пулеметчики...
Кто мчит с приказом,
кто в куче спорящих,
Кто щелкал
затвором
на левом колене.
Сюда
с того конца коридорища
бочком
пошел
незаметный Ленин.

Да, Смольный навсегда останется для нас великим памятником истории, потому что именно здесь было совершено одно из самых справедливых действ мировой истории.

В Смольном закладывались основы мирной политики, и по сей день незыблемые для народа, страны, партии. В Смольном зарождались те ленинские нормы, что были, есть и будут эталоном нашей жизни. В Смольном начинался первый день творения новой эпохи.

«СВОЕЮ СОБСТВЕННОЙ РУКОЙ»

Итак, 25 октября...

0 часов 15 минут. Командующий Петроградским военным округом Полковников телеграфирует в штаб Северного фронта: «Положение в городе угрожающее. Уличных выступлений нет, но идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются. Юнкера сдают караулы без сопротивления, казаки, несмотря на ряд приказаний, до сих пор из казарм не выступили».

1 час 25 минут. Революционные части взяли почтамт;

2.00. — заняты Николаевский вокзал и главная электростанция;

около 3.00 — в штаб округа прибыл Керенский. Выслушав доклад об успехах большевиков, вернулся в Зимний, чтобы вскоре навсегда бежать из Петрограда;

3.30 — крейсер «Аврора» встал на Неве у Николаевского моста. К этому времени все городские мосты в руках восставших;

к 6 часам утра заняты банк, ряд министерств и департаментов;

около 7 часов утра — Центральная телефонная станция, Варшавский вокзал...;

к 9 часам почти весь город в руках восставших. Последние часы доживают временщики в штабе округа, Мариинском и Зимнем дворцах;

около 10 часов утра Керенский бежит на автомобиле под американским флагом из охваченного восстанием Петрограда;

10.00 — В. И. Ленин пишет обращение «К гражданам России!», в котором от имени Военно-революционного комитета заявляет, что Временное правительство низложено...

Революция продолжает свое победоносное шествие.

Утром в Неву входят из Кронштадта минный заградитель «Амур», тральщик «Хокер» и буксиры с десантом революционных матросов. В морском канале стал на якорь броненосец «Заря свободы»;

13.00 — занят Мариинский дворец, где размещался Предпарламент;

14.35 — В. И. Ленин выступает на экстренном заседании Петроградского Совета, на котором заявляет о том, что Временное правительство низложено, и говорит о задачах, вставших перед Советской властью. Сразу же после этого заседания он выступает на собрании большевистской фракции II съезда Советов, говорит о тех задачах, которые необходимо решить на предстоящем съезде. До открытия съезда оставались считанные часы.

Зимний еще не взят.

Над Петроградом сгущались сумерки. С главной базы Балтийского флота — Гельсингфорса — прибыли с десантом эсминцы «Самсон», «Забияка», учебное судно «Верный», сторожевой корабль «Ястреб».

К 18 часам взят штаб округа, Зимний в плотном кольце;

18.30 — Временному правительству предъявлен ультиматум сдаться без боя. Ответа нет. На Дворцовой площади не утихает перестрелка. Революционные войска усиливают натиск;

21.45 — по сигналу с Петропавловской крепости крейсер «Аврора» произвел исторический выстрел — призыв к началу штурма последнего оплота буржуазии;

22.45 — открылся II съезд Советов.

И уже ночью двадцать шестого октября в 2 часа 10 минут был штурмом взят Зимний.

Октябрьское вооруженное восстание, руководимое Лениным, партией большевиков, победило!

А в 5 часов утра съезд Советов провозглашает переход всей власти в стране в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Революция продолжала закреплять свою победу в декретах и законах. Принят ленинский Декрет о мире.

В шестом часу утра, 27 октября, съезд завершил свою работу. Он сформировал первое рабоче-крестьянское правительство — Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным.

На плечи Совнаркома сразу легла огромная ответственность за тысячи конкретных вопросов, требующих знания, умения, упорства, веры... Мне хочется тут привести слова одного из самых первых воззваний к народу нового российского правительства:

«Товарищи работницы и рабочие! Надвигается холодная зима. Она не должна застать наших детей в сырых подвалах. Посылайте детей в школы и дома социального обеспечения!»

Власть, которая с первых часов своего существования думала о детях своего народа, не могла не восторжествовать. Те, кто веками создавал богатство и величие страны, становились ее полновластными хозяевами.

После взятия Зимнего семнадцатилетний путиловец Володя Карасев вошел в Тронный зал, огляделся, увидел царский трон, сел на него и сказал: «Теперь мы наследники России!»

Владимир ЛУЦКИЙ.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Москва 1987 г. ● Издательство «Правда»

ГОД 1917-ый,

Мы:

«Дорогие товарищи, события так ясно предписывают нам нашу задачу, что промедление становится положительно ПРЕСТУПЛЕНИЕМ.(...)

Большевики не вправе ждать съезда Советов, они должны ВЗЯТЬ ВЛАСТЬ ТОТЧАС... Если нельзя взять власти без восстания, НАДО ИТТИ НА ВОССТАНИЕ ТОТЧАС... Победа обеспечена... Ждать — преступление перед революцией».

(Из письма В. И. Ленина в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам. 1 октября.)

«...2) Принято решение предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь».

(Из протокола заседания ЦК РСДРП(б). 3 октября.)

Они:

«Вчера открылся Предпарламент. Первое заседание прошло очень бледно за исключением скандала, устроенного большевиками, которые ушли из заседания, заявив, что в таком учреждении участвовать не желают... Большевики готовятся к предстоящему 20 октября съезду Советов рабочих депутатов, на котором они рассчитывают иметь большинство...»

(Из телеграммы министра иностранных дел М. И. Терещенко дипломатическим представителям России. 9 октября.)

Мы:

«Правительство Керенского губит страну. Доказав свою полную неспособность вести войну, оно не решается предложить мир. Русские контрреволюционеры готовятся сдать немцам Петроград — главную крепость революции...

Спасение Петрограда и страны — в переходе власти в руки Советов...»

(Из резолюции съезда Советов Северной области. 12 октября.)

«ЦК организует Военно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр входит в состав революционного Советского комитета» (то есть ВРК Петроградского Совета.— Ред.).

(Постановление ЦК РСДРП(б). 16 октября.)

Они:

«...Ввиду создавшегося тревожного настроения и ожидающегося выступления в Петрограде большевиков, нет сознательной силы сторонников Временного правительства, на которую можно было бы опереться».

(Телефонограмма начальника Рязанского гарнизона Яковлева в штаб Московского военного округа, 18 октября.)

ОКТЯБРЬ

Мы:

«Петроградскому Совету грозит прямая опасность, ночью контрреволюционные заговорщики пытались вызвать из окрестностей юнкеров и ударные батальоны в Петроград. Газеты «Солдат» и «Рабочий путь» закрыты. Предписывается привести полк в боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений.

Всякое промедление и замешательство будет рассматриваться как измена революции. Выслать двух представителей на делегатское собрание в Смольный.

Председатель Лазимир
Секретарь Антонов».

(Предписание Петроградского ВРК № 1 комиссарам и полковым комитетам. 24 октября.)

Они:

«1. Подготовляющееся в последние дни революционное выступление, имеющее целью захват власти... неминуемо влечет за собой срыв Учредительного собрания, новую военную катастрофу и гибель революции в обстановке паралича хозяйственной жизни и полного развала страны...

2. Для борьбы с активным проявлением анархии и погромного движения необходимо немедленное принятие мер к ликвидации и создания для этой цели в Петрограде «Комитета общественного спасения...»

(Из резолюции Предпарламента. 24 октября.)

Мы:

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

(Из письма В. И. Ленина членам ЦК РСДРП(б). 24 октября.)

Они:

Из сводки донесений начальника военно-политического отдела Ставки о настроении армии за время с 15 по 30 октября.

(Не подлежит оглашению)

«...Общее настроение армий продолжает быть напряженным, нервновыжидательным, каким оно было в первой половине месяца. Главными мотивами, определяющими настроения солдатских масс, по-прежнему является неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке. Кроме того, недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий, ввиду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат, накануне мира, угнетающе действуют на настроение и приводят к разочарованию».

Мы:

«Охрана революционного порядка в районах сосредотачивается в руках местных Советов рабочих и солдатских депутатов.

Должность комиссаров милиции упраздняется. Районным Советам депутатов предписывается выделить комиссаров по охране революционного порядка».

(Из предписания ВРК районным Советам Петрограда. 25 октября.)

«Революция восторжествовала!

Заняты все вокзалы, телеграф, телефонная станция, почтамт. Зимний дворец и штаб выключены из телефонной сети. Взят государственный банк. Зимний дворец, штаб и прилегающие пункты окружены. Ударные батальоны рассеяны. Юнкера парализованы. Броневики перешли на сторону революционного комитета. Казаки отказались подчиняться Временному правительству. Временное правительство низложено. Власть перешла в руки Революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

В Петрограде власть в руках Военно-революционного комитета Петроградского Совета. Единодушно восставшие солдаты и рабочие победили без всякого кровопролития. Правительство Керенского низложено. Комитет обращается с призывом к фронту и тылу не поддаваться провокации, а поддерживать Петроградский Совет и новую революционную власть, которая немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созовет Учредительное собрание. Власть на местах перешла в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов».

(Объявление о победе революции в Петрограде. 25 октября.

Сергей МАХОТИН

«Я больше не буду...»

Не выучил стих...
Не явился к обеду...
Вернулся домой с синяком...

Немедленно папа уткнулся в газету,
Как будто со мной не знаком.
И мама молчит, вытирая посуду,
И деду я вроде не внук.
Но стоит промолвить: «Я больше не буду»,—
Как все переменится вдруг.

Я знаю, что мама начнет улыбаться
И дед подмигнет невзначай,
А папа заметит: «Захочешь подраться,—
Заранее предупреждай».

Но что, если снова Литовченко Люду
Мальчишки окружат, дразня?!.
Нельзя мне ответить: я больше не буду.
Я буду!
Ругайте меня!

Про Юрку

Какие-то люди
Для смеху
По речке
Пустили котенка
На тонкой дощечке.

Но Юрка единственный
Был среди нас,
Кто прыгнул,
Поплыл
И несчастного спас.

Он часто
На речку
С уроков сбегал.
А я-то его
В стенгазете ругал...

Дина ТЕЛЕВИЦКАЯ

Вечер памяти декабристов

По небу, звездному полю,
Месяц плывет серебристый.
Вечер сегодня в школе
Памяти декабристов.
Сначала Князев в докладе
О них говорил горячо.
Читала стихи Надя.
Мы слайды смотрели еще,
Видели столько прекрасного!
Потом, как было обещано,
Ставим на сцене Некрасова,
Поэму «Русские женщины».
И я с генералом пылко
Спорю, веря в победу:
Я — Трубецкая, в ссылку,
За мужем, на каторгу еду.
Прошу лошадей — немедля!
Смелею с каждой минутой.
Туда! В необжитые земли,
В безлюдье и холод лютый!
А генерал тянет,
Чего-то не договаривает
(Седов в этой роли занят),
Грозит мне и уговаривает.
Такие рисует картины...
Как плохо мне будет жить.
Но вот монолог длинный
Окончен. Осталось — решить.
Осталось — ответить смело
И подписать «бумагу».
А я... Я вдруг онемела,
Ступить не могу ни шагу!
Стою ни мертва ни жива.
Мне кто-то из зала машет,
Подсказывает слова —
Ребята волнуются наши.

Но я не забыла слов,
Просто мне страшно стало:
Будь декабристом Орлов —
Я бы смогла? Подписала?

Марк **ВЕЙЦМАН**

Декламатор

Он все контрольные «катал»,
он нервы матери мотал,
а после — лучше всех со сцены
стихи о Родине читал.

Он в сквере елочку срубил,
он камнем пеночку убил,
но, в круг прожекторный вступая,
безмерно Родину любил.

И руку к сердцу прижимал,
и глазки к небу поднимал...
А зал ему усердно хлопал...
И ничего не понимал!

Если кто-нибудь в кого-нибудь...

Если кто-нибудь в кого-нибудь
влюбляется,
то на сбор макулатуры
не является,
и газетные подшивки
пропыленные
приволакивают только
невлюбленные.
И они же —
сочиняют сочинения,
и мудреные решают
уравнения,
и воспитывают
маленьких
крольчат.
...А влюбленные — вздыхают
и молчат...

Рисунок И. ПАНКОВА.

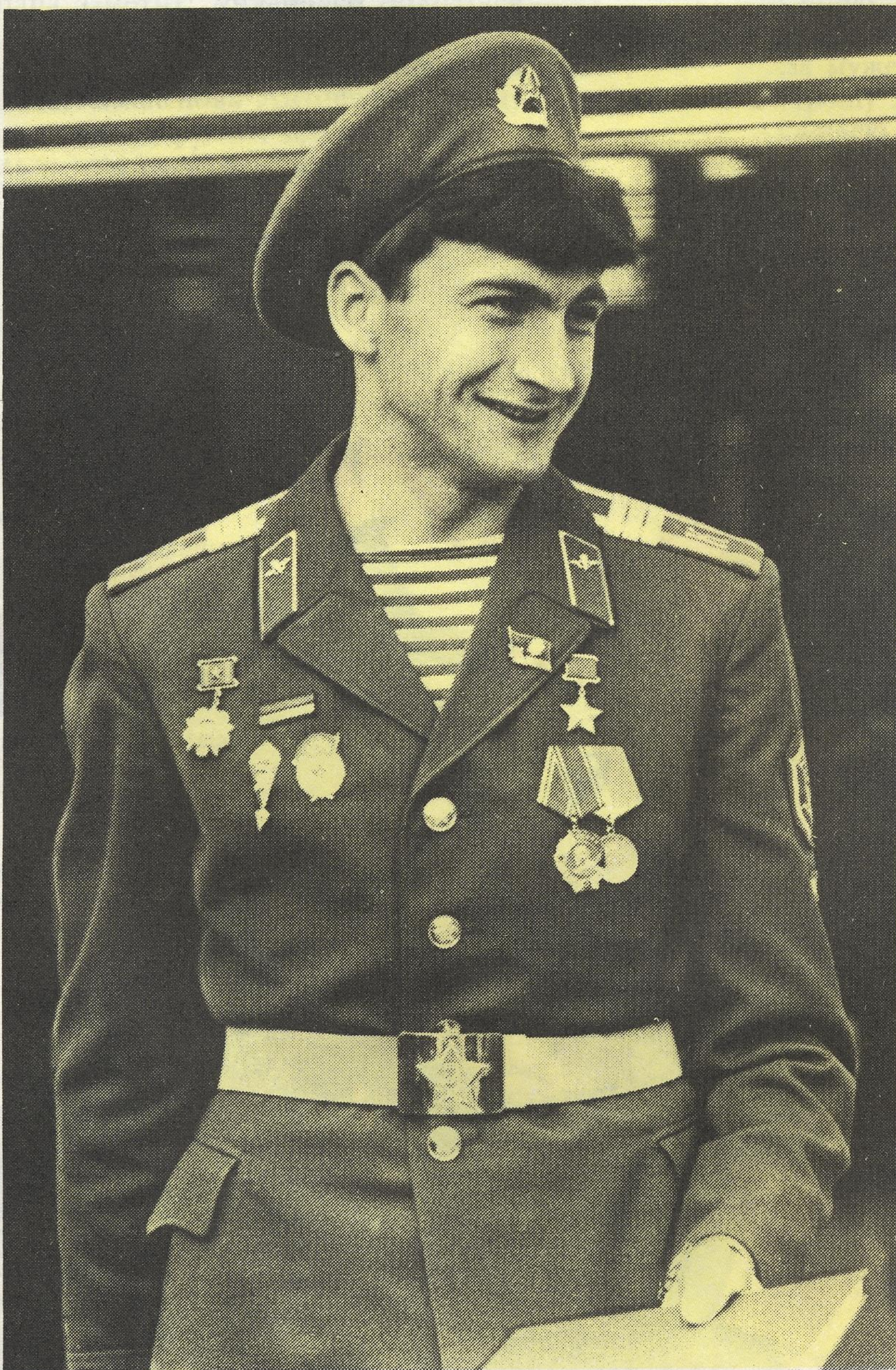

Много дал комсомол стране за шестьдесят девять лет своей истории. Но, наверное, самые большие достижения у него впереди. Время требует от молодежи смелых идей, открытий, изобретений, новых машин, компьютеров и спортивных рекордов... Требует подчас мужества и героизма.

*Именно эти качества проявляют молодые воины-комсомольцы, которые выполняют свой интернациональный долг в Афганистане. Одному из них — **Герою Советского Союза, делегату XX съезда комсомола, курсанту Рязанского командного воздушно-десантного училища Игорю ЧМУРОВУ** мы предоставляем слово.*

Игоря и всех его товарищей по комсомолу поздравляем с днем рождения ВЛКСМ.

МУЖСКАЯ ПРОФЕССИЯ

Наверное, многие мальчишки мечтают связать свою жизнь с армией. Это ведь самая мужественная, самая мужская профессия — защищать жизнь на Земле.

Мечтал об этом и я, когда учился в школе. После десятилетки поступал в Рязанское высшее воздушно-десантное училище. Но выяснилось, что одной мечты маловато,— нужно было лучше готовиться.

Теперь мой путь к мечте лежал через солдатскую службу. А этот путь, между прочим, самый верный. Попросился я в воздушно-десантные войска — а куда же еще!

Я знал, что мне предстоят два нелегких года, что в армии я пойму, верный ли путь выбрал. Не знал одного — что служить предстояло в Афганистане.

Сейчас, когда вернулся, меня часто спрашивают мальчишки: «Как там?» Отвечать на такой вопрос можно либо очень долго, либо очень коротко: «Там трудно».

Я видел, как горят, подожженные душманами, врагами революции, крестьянские кишлаки. Попадал в засады на горных дорогах. Провожал друзей в бой. Делил с ними все, что можно делить,— и невыносимую жару, и усталость, и короткий отдых.

А когда до конца службы оставались какие-то недели — самые, кстати, длинные из всех двух лет,— я и попал в тот бой.

...Очень тяжелый это был бой. Душманы прорывались к выходу из ущелья. Осколки снарядов и скал свистели над головой. Патроны в пулемете были на исходе, когда я заметил: душманы зашли нашему взводу в тыл. Бедро пронзила острая боль. И тут замолк пулемет, кончился боекомплект. Тишина. Последнее, что я запомнил,— лицо душмана, выглянувшего из-за скалы в нескольких шагах от меня. У меня еще оставалась граната... Вражеская атака захлебнулась.

Я счастлив, что вернулся домой... Счастлив, что исполнилась моя мечта — и я буду офицером-десантником. Счастлив, что мне выпала честь говорить от лица моих товарищей-солдат с высокой трибуны XX съезда комсомола.

Записал Н. ЛАММ.

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Лев КУЗЬМИН

РАННИЙ ЭКСПРЕСС

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в №№ 8, 9.

Рисунки В. ДУДКИНА.

А началось это с того, что, измучась неотвязной думой о возврате в Кыж, переполненный обидой и напрасными ожиданиями, Пашка все же заговорил!

Заговорил не на уроке, не с учительницей Гулей, а зашептался в одну из переменок с тем самым Степой Калинушкиным, соседом по парте.

В одну из переменок после звонка Пашка вдруг увидел: Степа так же, как он сам, отстранился от шумной в коридоре детской толпы, тихо, одиноко встал у подоконника. За окном на голой тополиной ветке жмется, ерошится на ветру воробьишко. Невзрачный такой воробьишко — городской, чумазенький.

И Пашка тоже к стеклу присунулся и вот тут быстро, вкось глянул на Степу — шепнул:

— А у меня в Кыжу есть чиж. Его зовут Юлькой. Вылитый артист. Певучий-распевучий и почти говорящий... Он живет теперь при бабушке. И мне с ними, с бабушкой и с Юлькой, было хорошо.

Пашкиной внезапной разговорчивости Степа сперва удивился. Удивился, ничего в первый миг не ответил. Только метнул на Пашку тоже быстрый взгляд.

Потом подумал, не удержал короткий вздох да и сам зашептал:

— А у меня нигде никто ни при ком не живет... Ты сам знаешь, меня привезли вместе со всеми нашими ребятами из детского дома, из села Балабанова... Но в детском доме, в угловом сарайчике были куры, были даже цыплята. Желтые и такие, знаешь, тепленькие. Мы их любили из рук кормить. Подставишь ладонь с крошками, а они к тебе по твоим пальцам карабкаются, и в ладонь: тюкитюк, тюки-тюк.

— Что ты! — так и всколыхнулся Пашка.— Кормить пичуг — ни с чем не сравнимо! Вот у нас с бабушкой... Вот у нас в Кыжу... Вот у нас с Русаковым...— И Пашку было уже от Степы Калинушкина не отлепить, пока он Степе не выложил про Кыж все. И про Русакова, и про его пичуг, и про сосны да крутые скалы, и, конечно же, про неумолчную, железную, рядом с влажной, утренней лесенкой, дорогу.

А когда Пашка рассказал Степе и про то, как Русаков распевал с чижиком о поездах, которые чем быстрей увозят людей вдаль, тем скорее эти люди возвращаются к дому, к друзьям, то от себя еще и добавил:

— Мы, Калинушка, сейчас тоже вроде как в какой-то дали... Нас тоже завезли сюда на поездах... А если так, то будет еще и поезд другой: скорый, алый. Называется — экспресс! И мы на нем, как Русаков, обязательно к родным домам вернемся. Мы возвратимся туда, где жили наши папы, мамы.

И теперь вдруг удивил не Пашка Степу, а Степа Пашку.

Степа вот только что, чуть не раскрыв рот, слушал рассказ о Кыже, слушал рассказ о Русакове, но после слов о папах-мамах вмиг угас. Он сразу переменился и не прошептал, не проговорил, а с горькой усмешкой прямо-таки проскрипел:

— Ха... Алый экспресс! На алом экспрессе мне ехать некуда. Ты забыл, что ли, откуда меня-то привезли?.. Где жили мои папа с мамой, я даже и не знаю. Они жили-были, да взяли и сплыли!

— Почему это? — распахнул во всю ширь глаза Пашка. И хотел было спросить: «Может, как у меня? Может, как мои? На работе, на посту что-нибудь стряслось?», но и тут же почувствовал, спрашивать больше не нужно ничего. Пашка, хотя и пребывал в интернате на затворническом положении, да все же приметил: о ком, о ком, а о родителях кое-кто из ребят предпочитает не говорить вообще. Или с нарочитою, даже со злой лихостью отрубают в ответ почти то же самое, что проскрипел Степа: «Были, да сплыли! Вам-то какая забота? Вам-то что?!»

Но и тем не менее теперь вот, когда Пашка со Степой уже разговорился, когда назвал Степу даже Калинушкой, отступиться ему от Степы было невозможно.

Он лишь повернул разговор иначе:

— Все равно, Калинушка, у тебя наверняка где-то есть кто-то... Ну, такой, как, например, у меня Русаков.

— Есть! — тут же воспрял Калинушка.— Есть, есть! Конечно, есть! В том нашем детском доме — завхоз Степаныч! Какой у тебя Русаков, я пока еще точно не знаю, а вот нашей Гули мой Степаныч не хуже ничуть. Только Гуля-то все же подходит больше девчонкам, а Степаныч — пускай он и не учитель, пускай не железнодорожник, но умеет поправлять крыши, вставлять стекла, чинить не хуже того слесаря батареи, а главное, запрягать лошадь. Он, когда ездил за продуктами на базу в район, всегда еще брал и меня с собой! Говорил: «Мне без второго мужика там не обойтись. А мы с тобой все ж таки почти тезки: я — Степаныч, ты — Степаныч! Пока выписываю продукты, присмотришь за лошадью...» И веришь, Зубарик, я присматривал!

— Верю! — еще ближе, еще сильней, всем сердцем потянулся к Степе Пашка. Потянулся и оттого, что тот тоже назвал его ласково Зубари-

В одну из переменок Пашка увидел:
Степа, как и он сам, одиноко встал у подоконника.
И Пашка тоже к стеклу присунулся.

ком, и оттого, что, оказывается, в их жизни многое совпадало:

— У меня — чиж, у тебя — цыплята.

— У тебя — экспресс, у меня — лошадь, конная подвода.

— Твой Степаныч, теперь понятно, тютелька в тютельку, как мой Русаков!

Совпадали у мальчиков и печали-желания. Степа очень ясно понимал, что детдомовский завхоз-тезка на своей громыхающей подводе в город, в интернат вряд ли уж когда прикатит, но в глубине души Степа очень бы этого хотел. А Пашка приезда Русакова не только хотел — он ждал, он верил. И вот из этого трудного ожидания и родился тайный сговор.

Сначала Пашка сказал Степе:

— Если Русакова все нет и нет, то давай сами сбежим в Кыж. Сами узнаем: там Русаков или не там. И как живут бабушка с Юлькой.

А вполне бывалый детдомовец, семилетний Степа ответил:

— Бегали у нас одни такие... Бегали, бегали, да никуда не добежали. То же самое выйдет и у нас... Думаешь, Гуля слепая? Или Косова слепая? Или другие воспитатели ничего не видят? Да не успеем мы до интернатской калитки домчаться, нас — гоп, стоп — за ушко и на красное солнышко! А еще: если бы я и побежал, то первым делом не в Кыж, а повидаться со Степанычем.

Ответ показался Пашке резонным. Только чуть кольнуло, что детдомовский, деревенский Степаныч был для Степы все же первее Русакова, первее Кыжа. Но, слегка пораздумав, Пашка не стал спорить и тут. Степа тем временем внес предложение свое:

— Нам бы не убегать, нам бы пока хоть воробушка изловить. Устроить где-нибудь потайную клетку, и этот воробушек стал бы тебе, как чиж, а мне, как цыпленок... Он бы тоже клевал у нас с ладошек: тюк-тюк-тюк!

— С воробьем не получится,— выступил в свою очередь знатоком Пашка.— Воробьи — хитрюги! Не идут ни в какую ловушку. У Русакова и то их не было. А вот цыпленочка заиметь было бы неплохо.

— Но как?

— Высидеть самим! — всего лишь иронически

усмехнулся Пашка, да очень желающий иметь цыпленочка Степа вот тут-то и углядел в шутке нешутейный смысл.

— А что? Всего и надо,— обрадовался он,— сбегать на кухню, стибрить сырое яичко! Запрятать за теплую батарею в нашей спальне, и там выпарится курочка или петушок. Как на птицефабрике! Степаныч мне об этой фабрике рассказывал, когда мы наезжали в район.

— Тогда добывай яичко и на меня. Да не тибри, а проси. Не то впопыхах раскокаешь... Скажи тете Поле-поварихе: живот, мол, ослаб. Она добрая, она поверит. Мне моя бабушка, как только что с животом — первым делом всегда давала сырое яичко... Но, чур, Степа: тайна эта только на двоих! Слово?

— Слово! — поклялся Степа.

И все же тайна меж них двоих держалась совсем недолго.

Когда Степе повезло на кухне, когда они с Пашкой, натрамбовав за теплую батарею в спальне всяких ненужных бумажек, устроили там оба яичка, то и тут же на эту свою «птицефабрику» принялись заглядывать беспрерывно.

Они боялись, что цыплята выпарятся без них, без должного присмотра, и на уроках не находили себе места. Они все отпрашивались из класса выйти: то один поднимал руку, то другой.

Гуля их отпускала, отпускала да наконец спросила:

— У вас — что? Нездоровье какое-нибудь?

И Степа, как тете Поле на кухне, едва было учительнице не брякнул: «Ага! Животы!», но быстро смекнул, что тогда придется шагать с Гулиной запиской в медицинский кабинет, и ответил:

— Теперь нездоровье прошло, теперь у нас только здоровье.

После этого заглядывать за батарею в спальне можно было лишь на переменках.

Но на переменках-то повсюду роились ребятишки, их глаза были позорче Гулиных. И вот, когда кончились все занятия, кончились прогулка и ужин, когда группа мальчиков первого «Б» укладывалась после отбоя спать, то не успел погаснуть свет, как тот мальчик, у которого Пашка отвоевывал свою парту, вдруг сказал таким же, как в тот раз, хмурым басом:

— Калинушкин жил с нами в детском доме вместе! Калинушкин приехал с нами сюда в интернат вместе! Калинушкин всегда был с нами заодно! А теперь? А теперь Калинушкин откололся. Он не только помог Зубареву захватить парту, у него теперь на двоих с Зубаревым спрятан от нас за батарею секрет. ...Этот Зубарь — он такой! Он со всеми помалкивает, делает вид, что ему никто не нужен, а с Калинушкиным: ля-ля-ля, ле-ле-ле! Первосортные притворы оба! Звонка сейчас никакого не будет, учительница не войдет, теперь в самый раз в потемках да втихую их обоих отлупцевать.

Спальня напряженно замерла. Притихли на своих постелях и Пашка со Степой. Кровати их были рядом, голова к голове. Степа едва слышно прошелестел:

— Что делать, Зубарик? Ото всей кучи нам нипочем не отбиться, да и у нас, детдомовских, взаправду всегда все вместе... Теперь, получается, я откололся в самом деле.

Пашка, чувствуя безвыходность положения, шепнул:

— Что ж... Прикалывайся обратно.

Но тот хмурый мальчик быструю, тихую перемолвку все равно услышал.

— Обратно? Это мы еще поглядим.

Тогда Степа вскочил в постели, встал на подушку, чуть не закричал криком:

— Эх, вы! Эх, вы! Чуть что, так грозиться! Чуть что, так обижаться! Да если хотите знать, мы старались и для вас. Ведь цыпленочки-то выведутся: будут сразу всем нам — как привет из нашего детского дома, а Пашке — как привет из Кыжа. Растолкуй им, Пашка, про Кыж! Растолкуй и про алый экспресс, и про Русакова.

И Пашка сначала нехотя, не очень связно, а потом все складней да складней стал рассказывать.

И в глухой осенней ночи, в интернатской спальне через напряженный голосок Пашки Зубарева почти как наяву зашумели все слышнее кыжские утренние сосны, запел чиж Юлька, засвистели поезда, и все это еще заманчивей, еще ярче заслонил своей приветной улыбкой пока еще мальчикам неизвестный, но уже ясно, что очень замечательный человек, Русаков.

Тот сердитый мальчик, которого, кстати, и звали-то довольно тоже хмуровато — Федя Тучкин,— так вот этот Федя Тучкин даже не вытерпел, перебил Пашку, сказал сам:

— Да-а... Твой Русаков — человек отличный! Вот с таким-то человеком я уж дружил бы так дружил!

— А я и дружил! И дружить еще буду! — благодарно, задорней прежнего завелся Пашка.

Когда же он продекламировал песенку Русакова да рассказал про алый экспресс, то мальчикам в спальне всем до единого почудилось, что где-то за бледно-серыми ночными окнами интерната, за сырыми и темными пространствами города им всем что-то очень приветное прокричал летящий впереди этого экспресса электровоз. Им каждому показалось, что это мчит Русаков в алом своем вагоне теперь не только к одному Пашке, а к каждому из них — возбужденных, бессонных и в общем-то еще очень и очень маленьких.

— Вот дела так дела! Вот это цыплята так цыплята! Ну и ну! — восторгнулся в полной, наконец, тиши Федя Тучкин. Он-то мигом понял всю связь одного с другим, он сказал Пашке со Степой:

— Как хотите, а принимайте с этой ночи в свой секрет и нас!

— Принимайте! — заволновались остальные мальчики.— Мы ваш секрет не выдадим!

8

Но в любом интернате, в любой школе у ребятишек, почти как в армии у солдат, имеется свой безо всяких проводов и приборов телеграф. К началу нового дня, еще спозаранку, про Пашкин и Степин секрет знали в первом «Б» и все девочки.

И, конечно же, во избежание слез, шума тоже были приняты в секретное общество.

Только девочки не захотели, чтобы цыплят выпарилась лишь одна-единственная пара. Девочки сказали:

— Лучше, если пушистики будут у всех!

А когда сказали, то, не задумываясь ни о каких последствиях, тоже зашныряли на кухню.

И вот что они там тете Поле говорили, как ее улещали — это секрет новый. Это секрет девочек.

Но не успел прозвенеть на занятия первый утренний звонок, а в обеих детских спальнях уже грелись не за одной, а за каждой батареей, в каждой там теплой хоронушке гладенькие, бело-розовые, с яркими штемпелями на боках яички.

Вот только с уроков секретчики, строго предупрежденные Пашкой и Степой, теперь не отпрашивались.

Каждый секретчик проверку своего тайничка оттягивал до перемены. Оттягивал терпеливо. Ну, а терпение это было такое, что на все прочее не оставалось уже сил.

И опять Гуля недоумевала:

— Что за чудо? Кого нынче не спрошу — все, как один, отвечают невпопад. Все будто меня даже и не слышат... Что произошло?

И одна девочка, которая, должно быть, любила Гулю крепче всех, заерзала. Сразу видно: решила подняться, решила кое-что Гуле объяснить. Возможно, чистую правду.

Тогда Пашка, сам для себя внезапно, вскочил первым:

— Если что и произошло, то, наверное, погода! Моя бабушка в Кыжу всегда говорит: «Голова тяжелая, никакое дело не спорится — опять эта разнесчастная погода...» Вот и у нас за окнами дождь!

Выступление Пашки изумило Гулю еще сильней. Только она теперь не насторожилась, а сказала:

— Дождь дождем, но вот день сегодня все равно поразительный. Молчит весь класс, зато начал вдруг говорить — да еще как! — Паша Зубарев. Молодец, Паша! Беседуй с нами почаще.

И тут Пашка сам, не плоше той девочки, едва не выпалил, что он и так давно со всеми беседует, что прошедшей ночью только то и делал, что беседовал-разговаривал с целой мальчишечьей компанией.

Но в этот момент ударил звонок с урока, и с той, наружной стороны, классную дверь открыла заведующая Косова.

Косова дверь отворила, на пороге встала; весь класс, грохнув крышками парт, вскочил на ноги.

— Спокойно, спокойно...— сказала Косова, повернулась в сторону Гули. — Прошу вас, Галина Борисовна, организованно, строем провести всех в комнату девочек.

Лицо Косовой было такое решительное, что Гуля, то есть Галина Борисовна, тут же и выстрои-

Когда ребята увидели возле своих кроватей молоденькую, всегда шуструю уборщицу Тасю, когда увидели там еще и повариху тетю Полю, то поняли — секретному обществу пришел конец.

ла ребятишек парами. И они единым строем прошествовали через коридор, через толпу других, тоже удивленных ребят, в спальню девочек.

Первышата шли, загодя чувствуя неладное.

А когда увидели возле своих кроватей молоденькую, всегда шуструю уборщицу Тасю, когда увидели там еще и повариху тетю Полю, то поняли — секретному сообществу пришел конец.

Тася лукаво постреливала глазами то на ребятишек, то на тетю Полю, то на отопительные батареи. Тетя Поля, грузная, круглолицая, до того растерянная, что крахмальный колпак ее съехал на ухо, нелепо перекладывала из руки в руку пустое кухонное сито.

Косова неспешным взором оглядела присутствующих, убедилась, что те, кому тут быть полагается, все на месте. Кивнула Тасе:

— Приступайте!

Тася живо запустила руку за ближайшую батарею, вынула беленькое яичко и, положив его тете Паше в сито, хихикнула:

— Ра-аз...

Потом последовало: «Два-а... Три... Четыре...», и так до той поры, пока не обошли все хоронушки в спальне девочек.

Затем Косова подала команду проследовать все тем же строем в спальню мальчиков, и там повторилось то же самое.

В мягком, с деревянным ободом, сите росла на руках тети Поли ослепительно чистая горка яичек, а сама тетя Поля смотрела на горку все растеряннее, а девочки и мальчики, в том числе Пашка со Степой, опускали головы все ниже.

Только Гуля ничегошеньки тут не поняла:

— К чему здесь яички? Ну, к чему?

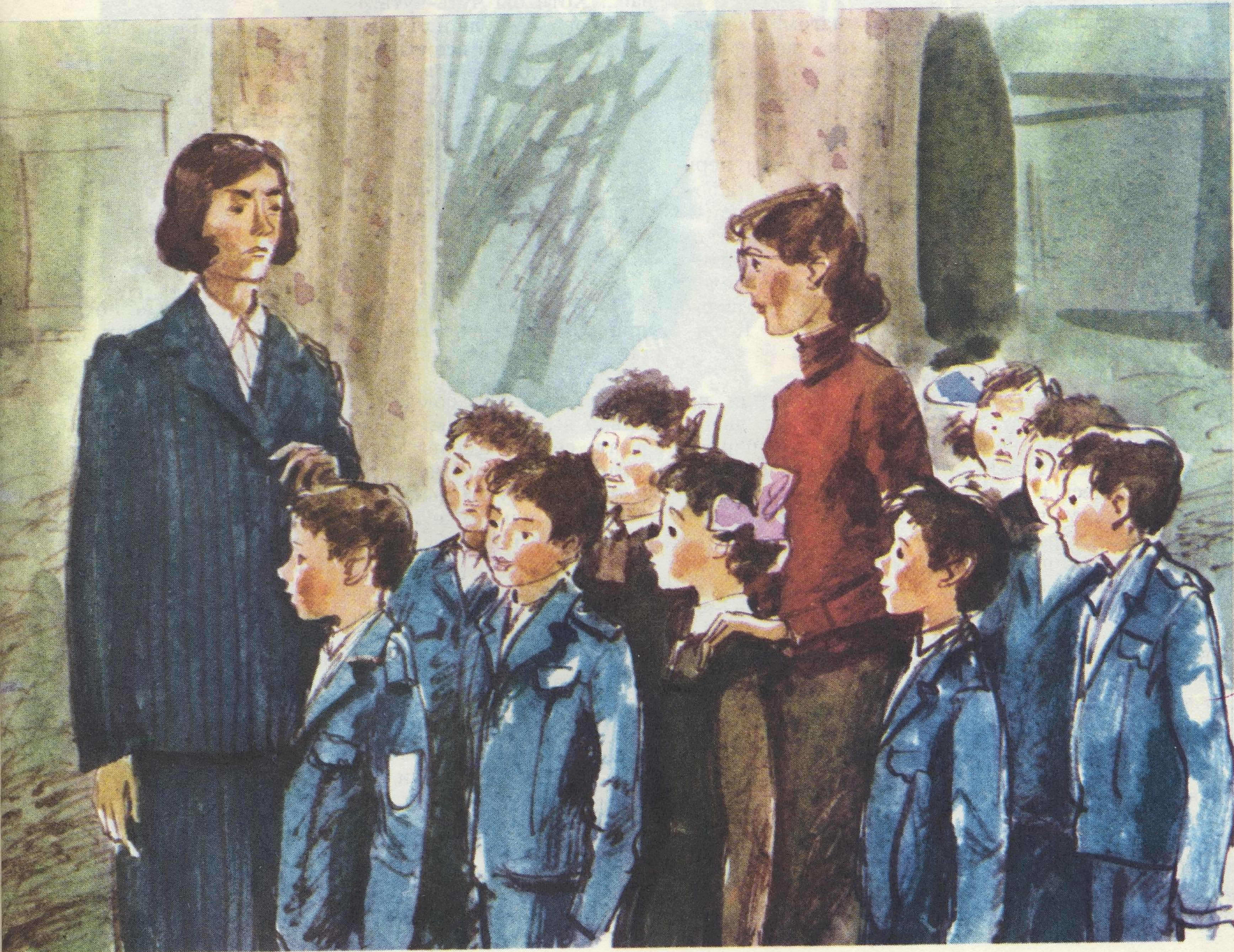
Когда же число забатарейных трофеев полностью сошлось с числом учеников первого «Б» класса, Косова тоже взяла слово:

— Вот и я хочу спросить: «К чему?» Но сначала спрошу нашу уважаемую тетю Полю: как вышло, что продукты, да еще и в неподготовленном виде, перекочевали из кухни в детские спальни? Кто их выдал?

— Так я сама! — попробовала развести руками, но чуть не обронила тяжелое сито, тетя Поля.— Как же не выдать? Как малышам отказать? Им все равно — полагается! А те вот девочки...— тетя Поля по-над полным ситом, по-над занятыми руками повела в сторону девочек круглым подбородком:— А те вот девочки, а может, и не те — их вон сколь по столовой-то вьется! — мне заявили: «Сегодня в первом «Б» классе День сырого яйца!» Ну, а если мне сказали: «День!», то я подумала: «Это кем-то назначено!» А если назначено: значит, выдала...

Тетя Поля прямо сказала и самим девочкам:

— Неужто вы вот так хотели кулинарному делу научиться? Неужто задумали яички испечь? Да на

батареях не испечешь! Только испортишь... Эх вы, кухарки!

И тогда девочки совсем потупились; они заунывно, на разные голоса давай признаваться:

— Мы не за этим... Мы думали, выпарятся живые цыпленочки.

— Кто-о? — опешила Косова.— Кто выпарится? Зачем?

А все утро сегодня удивлявшаяся Гуля вдруг перестала удивляться. Она тоненько прыснула, покачнулась и, держась за спинку Пашкиной кровати, зашлась таким неуемным смехом, что еще бы немного, то и, возможно, упала бы с ног.

Тетя Поля тоже колыхнулась весело. Уборщица Тася рассыпалась мелким хохотком, будто горохом. Но и все же первой опять пришла в себя Гуля. Она прямо на глазах Косовой кинулась обнимать совсем уже теперь зареванных девочек, прихватила в объятия и мальчиков, даже Пашку:

— Эх вы, глупые! Эх вы, недотепушки! Цыплятошники-заговорщики!

Но Косова опомнилась тоже, сразу поставила все на свои места.

Тете Поле с Тасей было велено:

— Возвращайтесь к своей повседневной работе!

Гуле было сказано:

— Ваш подопечный класс пошел на организованный обман. А вы как реагируете? Вы реагируете не-пе-да-го-гич-но! Впрочем, такой разговор обязан быть продолженным не здесь. Пройдемте, Галина Борисовна, в мой кабинет.

И, не сомневаясь, что Гуля пойдет, двинулась первой.

Косова пошла уверенным своим шагом. Она одним лишь твердым видом своим заставляла мальчиков и девочек расступаться, освобождать ей путь. Ну, а там, в конце этого точно нацеленного пути, в строгом кабинете, как представилось Пашке, ждало Гулю что-то плохое.

И вот как бы Пашка ни побаивался теперь Косовой, в нем неведомо в который уж раз сработала, как пружина, память о Кыже. И Пашка — сам крохотный, взъерошенный, весь сжатый в один тугой ком — выпрыгнул из строя ребятишек на освобожденную для Косовой дорогу. Вслед за Пашкой, готовясь шагнуть вперед, шевельнулся Федя Тучкин, шевельнулся Степа Калинушкин.

— В чем дело? — тормознула Косова.

Тормознула, замерла, и все вокруг замерли, да в эту самую минуту широко раскрытая дверь спальни раскрылась еще шире, и прямо с порога раздался совсем новый, совсем никогда еще не звучавший здесь, в интернате, голос:

— Дело в том, что Пашка Зубарев — неплохой друг! Он сам хороший друг, и рядом с ним, как я вижу, одни лишь добрые друзья!

И на Пашку напахнуло дождевою прохладой, осенней свежестью, и сзади на макушку ему вдруг так знакомо легла чья-то рука, что он дрогнул, развернулся, завизжал на весь интернат:

— Русаков! Русаков!

В тесной от людей спальне, в двух шагах от раскрытой двери рядом с Пашкой в самом деле стоял Русаков. Только Русаков не тот, привычный, а очень, очень праздничный. Сырой свой плащ он перевесил через руку, а сам был в новом сером в стрелочку костюме, при полосатом галстуке.

Но волосы у Русакова были все те же — как опаленные летним солнцем. Но лицо — все так же до коричневой смуглости обветренное. Кисти рук из-под белых обшлагов рубахи — темные, прежние, рабочие. Самое же удивительное: держал Русаков немного на отлете от себя, на весу за тонкое колечко клетку с чижом.

— Юлюшка! — взвизгнул снова Пашка.

Чиж качнулся на жердочке, отвесил поклон, вроде как Пашку признал.

— Пием ко-фе, пи-ем чай! — свистнул чиж, и все тут первышата загалдели, все ринулись, обтекая Косову и Гулю, к внезапному гостю:

— Русаков! Русаков! Русаков!

А тот опять сказал Косовой:

— Правильно я догадался: у вас тут полное содружество. Даже про меня с чижом дети знают. Наверняка оповестил Пашка. Выступал тут, поди, каждый день... Я сюда и в спально-то из коридора без приглашения заглянул как раз на этот дружный, приятный шум... Вы уж меня простите!

Русаков, почти точно как чиж, отвесил Косовой поклон, а она вопреки всем своим правилам, вопреки всей своей железной выдержке смутилась! Она впервые не знала, как ей поступить. Ей ведь неизвестно было, видел Русаков или не видел, что происходило тут минуту назад, и вот пришла в замешательство. И совсем уже не думая, что сейчас нарушит другое свое правило, что назовет ученика не сухо, по фамилии, а ласково, по имени, быстро-быстро произнесла:

— Как я понимаю, вы тоже друг Павлуши!

— Больше...

— Ох, интересно-то как! — не стерпела, вмешалась в разговор Гуля.— Вот бы ребятам услышать про Кыж не только от Паши, но и от самого от вас... Хотя бы чуть-чуть.

Косова глянула на Гулю, что-то скоренько в уме прикинула да и все свои правила пустилась нарушать подряд:

— Что ж... Разумеется, такого мероприятия в расписании нет, но мы расписание поправим.

— А с чижом можно в класс? — спросил Русаков.

— Раз вы с ним приехали, значит, можно.

9

Но и в классе опять все пошло не только не по правилам, даже не так, как хотела Гуля, не так, как сказала заведующая. И совсем по-другому, как думал Пашка.

Шагая в класс бок о бок с Русаковым, придерживая вместе с ним чижиную клетку, Пашка полагал: сейчас Косова и Гуля усадят Русакова за учительский стол рядом с собой, Русаков поставит на стол клетку с Юлькой да и сразу махнет Пашке: «Садись к нам тоже!» И вот они устроятся у всех на виду, и класс будет смотреть, какие они все трое — Русаков, Юлька, Пашка — друзья. Весь класс на них будет любоваться, а когда Русаков заговорит про Кыж, про экспресс, да Юлька еще ему подпоет, да еще Пашка сам подскажет чего-нибудь, то все так и захлопают в ладоши.

Все, даже Косова, захлопают тому небывалому в классе празднику, посреди которого он, Пашка Зубарев, чуть ли не главная фигура.

Главная, потому что затем Русаков поднимется, отвесит всем за хлопки поклон, как недавно отвешивал Косовой, да вот тут же и заявит: «А сейчас прощайся, Пашка, с классом! Наступило время ехать тебе домой, в Кыж!» И уж он, Пашка, после этого рассусоливать не будет, кланяться особо тоже никому не станет, разве вот одной Гуле, и вскочит, и гаркнет: «Прощай, интернат!»,

Русаков к Степе шагнул очень быстро и Степу приобнял, широченной ладонищей утер обе его мокрехонькие от слез щеки.

да и ринется в спальню собирать свои вещички.

Но вышло все совсем не так...

Еще когда выходили из спальни, еще на ходу в коридоре Пашка почувствовал: его от Русакова оттирают. Не то чтобы отпихивают силой, а именно этак помаленьку оттирают. Причем, как ни странно, энергичнее всех тут действуют девочки. И теснятся они не к чижу Юльке, на Юльку они почти не глядят, а лепятся прямо к Русакову. Те же, кто в толкотне прилепиться не сумел, те забегают наперед и, оглядываясь, устремляя на долгорослого Русакова сияющие глаза, все спрашивают и спрашивают: «А ты к нам надолго? А ты к нам навсегда? А ты с нами завтра и послезавтра еще побудешь?»

В этом галдеже, писке, толкотне все позабыли не только про Юльку, все позабыли даже про Пашку. Русаков, похоже, и тот Пашку из виду совсем выпустил. Раздосадованный Пашка стал толкаться тоже, да так вот все кучей и ввалились в класс.

В классе порядок наводить принялись Косова с Гулей. Но и здесь ребятишки поуспокоились только тогда, когда за дело взялся Русаков сам. Он сказал:

— От вашего шума чижик оглохнет! Смотрите, как присмирел. Усаживайтесь на свои места, тогда я отвечу на каждый ваш вопрос.

Все сразу послушались, сели. Пашка, деваться ему некуда, сел тоже на свое законное место рядом со Степой Калинушкиным.

Но сесть-то ребятишки сели, а все равно каждый тянул вверх руку, каждый с нетерпением приговаривал: «У меня есть вопрос! У меня есть вопрос!» От выкриков по классу катился гул.

Тогда Косова сказала:

— Какие могут быть вопросы, когда мы еще не услышали обещанного рассказа о железной дороге... Я думаю, рассказ начинать вполне пора.

А Гуля при Русакове отчего-то осмелела совсем, Гуля Косову поправила.

— Если вопросы есть, пусть ребята все же их задают.

— Точно! — кивнул Русаков.— Мне на вопросы отвечать даже легче.

— Чивли-чай! — подсвистнул Юлька.— Чивли-чай!

Класс дружно заулыбался, все принялись тянуть руки выше.

Русаков ребят оглядел, долго не мог ни на ком остановиться. Наконец его выбор пал на Степу Калинушкина, да и то потому, что Степа — единственный — руки своей не поднял.

Даже Пашка, который был все-таки уверен, что Русаков о нем обязательно и отдельно вспомнит, даже он, Пашка, поднял руку, чтобы спросить о бабушке, а вот Степа, как сел за парту, как глаза вниз опустил, так до сей поры и не ворохнулся.

— У тебя, малыш, разве вопросов нет? — спросил Русаков.

— Это не малыш, это Степа... Калинушка! — подсказал Пашка.

— Прошу прощения... У тебя, Степа, разве ни одного вопроса не имеется?

— Не смущайся, Степа, спрашивай...— подбодрила мальчугана Гуля.

— Когда с тобой разговаривают взрослые, молчать невежливо,— сказала Косова.

Тогда Степа набычился еще круче и, не поднимая от парты глаз, почти сердито пробубнил:

— К чему задавать-то? Мне и так все давно известно...

Русаков улыбнулся еще шире:

— Да ну! Так уж и все?

— Все! — упрямо бормотнул Степа.

А Гуля сказала:

— Ты, Степа, пожалуйста, встань и, пожалуйста, нам объясни, что же такое «все» тебе известно. Не тушуйся. Объясни толково. Ты же у меня один из лучших учеников.

— Объясни! Встань! — загудел еще громче класс.

Пашка подтолкнул приятеля под бок:

— Не трусь... Коля Русаков тебе ничего не сделает...

И тогда почти таким же решительным рывком, каким недавно выскакивал перед Косовой Пашка, Степа встал над своим местом.

Он поднялся, глянул Русакову напрямую в глаза да и выпалил:

— Зря ты к нам приехал! И братишкой меня называешь не по правде!

— Как?! — изумился Русаков, даже опустил клетку с чижом на пол.

— Как?! — выдохнул единым гулом класс, и сразу наступила жуткая тишина.

В этой тишине лишь явственно проговорила Косова:

— Что за грубость?

А Гуля побледнела точно так, как Степа, хотела к Степе побежать, потому что он уже навзрыд плакал, да Гулю опередил Русаков.

— Постойте, постойте, тут что-то совсем не то... Мы со Степой разберемся вдвоем, сами.

И, оставив примолкшего чижика вместе с клеткой на полу, он к Степе шагнул очень быстро и, опять руша все интернатские правила, Степу приобнял, Степу поднял, широченной ладонищей утер обе его уже мокрехонькие от слез щеки.

— Ты что? Ну, что? Почему это я приехал зря и почему это я тебя не могу назвать братишкой?

Степа ткнулся мокрым лицом в плечо Русакову, завсхлипывал, забубнил безо всякой теперь сердитости:

— Да потому что все-все неправда... Да потому что братишка у тебя только один Пашка. Ты сам о нем сказал: «Побратим»! И я знаю: ты приехал на своем алом экспрессе только лишь из-за него и уедешь в ваш хороший Кыж только с ним. А мы никто-никто никуда-никуда ни на чем не поедем... Мы вот и Пашку-то больше не увидим. А он мне, вот уж который день, стал — друг! Потому и выходит: даже на алом экспрессе ты уж к нам лучше бы и не приезжал! И пусть бы все оставалось у нас по-старому!

— Верно... Пускай бы по-старому...— вздохнул вслух сидящий совсем невдали Федя Тучкин, а класс насторожился тревожно.

Русаков Степу с рук опустил, взглянул на Пашку.

Взглянул, тронул за плечо:

— Не понимаю ни слова... Какой такой алый экспресс? И при чем здесь ты, Пашка?

Вздыхать теперь пришлось Пашке. Он, повинно глядя на Русакова, сказал:

— При том, Коля, я здесь, что про алый-то экспресс это я и придумал. Ждал тебя, ждал; маму вспоминал, папу вспоминал; а еще все помнил и помнил твою, с Юлькой, о друзьях песенку... И вот — придумал для себя и для ребят алый экспресс! Он мчится вперед и вперед, а на нем едешь в Кыж ты, и с тобой, может быть, мы все вместе... Но теперь придумка кончилась, и Степа, и Федя считают: ни на какой экспресс, ни в какой Кыж ты, конечно, весь класс взять не можешь...

Вот от этого им и грустно, вот от этого Степа и заплакал, и сказал, что все зря.

Чем подробней, чем повинней говорил Пашка, тем серьезнее слушал его Русаков. И тем внимательнее смотрели на Пашу и на Русакова ребятишки, тем сочувственней становилось лицо Гули. Даже Косова, как в самом начале, недоуменно повела плечами.

Русаков, после того как Пашка смолк, с целую долгую минуту, а может, и намного дольше, тоже озадаченно молчал.

Да вдруг и задал всем живо, весело вопрос:

— А собственно, почему все, что мечтается, не всегда должно сбываться?

И сам ответил тут же:

— Никакая мечта на свете не бывает зря! Пашкина задумка — не такая уж выдумка. Когда у вас первые каникулы?

— Почти через три недели...— не слишком смело, но все же с надеждой в голосе ответила Гуля.

— Через три! — стройно, куда Гули увереннейй, моментально все наперед сообразив, грянули ребятишки.

Ну, а Русаков их уверенность поддержал. Он произнес то, чего они и ожидали:

— Приглашаю вас каждого на каникулы в Кыж! Мой в Кыжу дом будет вашим домом хоть насколько!

— Постойте! — опомнилась и заведующая.— Что вы хотите этим сказать? Вы хотите сказать, что берете над первым «Б» свое личное шефство? Не так ли?

— Ну, если этому так надо называться, то пусть так и называется. Я не против. С вашего, конечно, доброго разрешения.

— Разрешите, Валентина Семеновна, разрешите... Ну, прошу вас! — сказала Гуля.

— Разрешите, Валентина Семеновна, разрешите! — закричал Пашка.

То же самое закричал вслед за Пашкой Степа, за Степой Федя, а там и девочки подхватили:

— Ох, разрешите, Валентина Семеновна!

И вот, может быть, впервые слыша свое собственное имя из уст ребятишек, Валентина Семеновна впервые в своей педагогической жизни развела руками. Развела, сказала:

— Хорошо, хорошо... Только, товарищ Русаков, под вашу ответственность. И только под вашу строжайшую ответственность, Галина Борисовна... Вы, Галина Борисовна, разумеется, обязаны поехать тоже в Кыж. Главным сопровождающим.

— Нам так еще лучше! — возликовал класс.

— А вот это будет всего прекраснее! — всколыхнулся еще живее Русаков.

Лишь сама Гуля тут не сказала ни слова.

Ну, а Пашка совсем зазвенел:

— В Кыжу не только Колин дом, в Кыжу теперь и бабушкин дом станет домом нашего первого «Б»!

И тут Пашка вспомнил про всеми забытого чижа, поднял клетку, спросил весело:

— Что мы будем делать, Юлька, в Кыжу все вместе?

— Пе-еть! — чувствуя всеобщее славное настроение, отозвался чиж. И выдал мотив всем уже известной, поведанной Пашкиным стараньем всем бывшим заговорщикам русаковской песенки:

Что так спешно поезда
С нами вдаль несутся?
Да затем, чтобы всегда,
Хоть откуда, хоть когда,
Нам к друзьям вернуться!

НОВЫЙ КОНКУРС РУБРИКИ «ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ «РВС»

Кто САМЫЙ **любопытный, энергичный, скромный?** Фотокорреспондент!

А кто САМЫЙ-САМЫЙ **любопытный, энергичный, скромный?** Юный фотокорреспондент!

Для юных фотокорреспондентов ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ «РВС»

ОБЪЯВЛЯЕТ ФОТОКОНКУРС «ЗЕНИТ»

Темы фоторабот — жизнь твоей школы и пионерской организации: пионерский поход, субботник, урок, перемена, праздник, сбор отряда, дружины, а также фотопортреты друзей, учителей, ветеранов, пионерских вожатых, шефов.

Юный фотокорреспондент! Присылай на наш конкурс ЧЕРНО-БЕЛЫЕ ГЛЯНЦЕВЫЕ ФОТОСНИМКИ РАЗМЕРОМ 13×18 см (с негативами) в НЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ. Если ты уже умеешь делать СЛАЙДЫ, присылай их на конкурс в НЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ тоже.

Теперь О САМОМ ИНТЕРЕСНОМ — о призах: I ПРЕМИЯ — фотоаппарат «Зенит-Е», II ПРЕМИЯ — фотоаппарат «Смена-8М», СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРЕМИЯ за лучший слайд — диапроектор «СВЕТ».

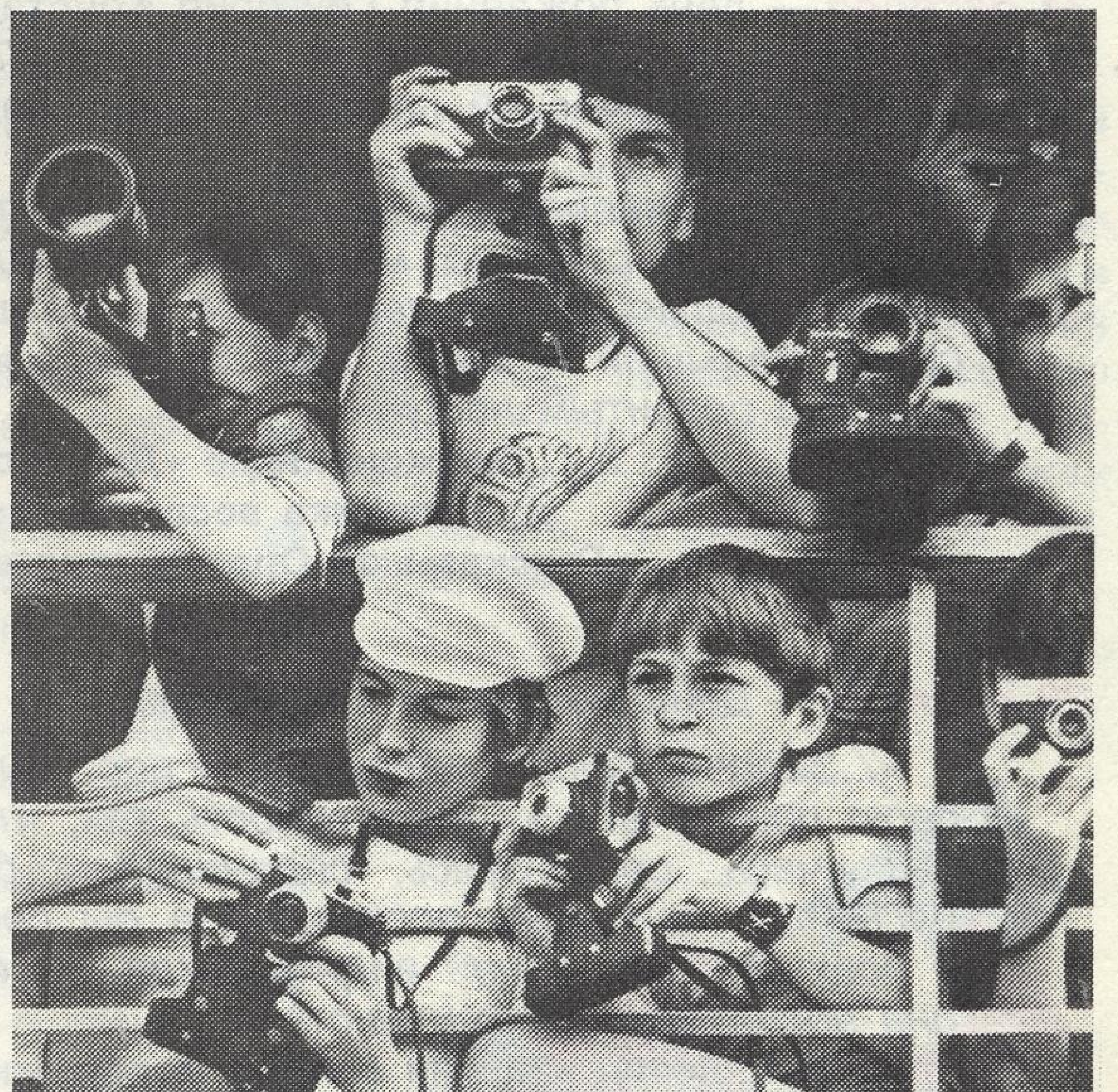
Работы отсылать до 1 февраля 1988 года.

Те фотоснимки и слайды, на которых НЕ БУДУТ указаны ИМЯ, ФАМИЛИЯ, КЛАСС, ШКОЛА, ДОМАШНИЙ АДРЕС автора, НА КОНКУРСЕ НЕ РАССМАТРИВАЮТСЯ.

В фотоконкурсе могут участвовать ДЕТСКИЕ ФОТОСТУДИИ.

И, естественно, лучшие работы мы опубликуем в рубрике «Юнкоровский пост «РВС».

Жюри.

Размышляем, Вникаем, Спорим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

4 октября — День учителя.

ПО-ЗДРА-ВЛЯ-ЕМ!

7 октября — День Конституции СССР.

Государственный герб СССР.

Государственный флаг СССР.

24 октября — день рождения Григория Константиновича (Серго) Орджоникидзе (1886—1937), деятеля Коммунистической партии и Советского государства.

«Серго ненавидел всякую несправедливость. Когда старшие мальчики избивали своих младших товарищей, Серго заступался за малышей и много раз возвращался домой с разбитым носом».

З. Г. Орджоникидзе «Детство», из сборника воспоминаний «Рассказы об Орджоникидзе».

29 октября — День рождения комсомола.

«...Задача Союза молодежи — поставить свою практическую деятельность так, чтобы, учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы себя и всех тех, кто в ней видит вождя, чтобы она воспитывала коммунистов».

В. И. Ленин «Задачи союзов молодежи».

ВОЗНИК ВОПРОС

Пишу не о веселом

Пишу я в «РВС» не о веселом. Дело в том, что в нашей школе нет пионерской дружины. На бумаге она существует, даже добивается фантастических результатов в учебе и общественной работе. Но реально...

Во-первых, бездействует совет дружины. Как?! А вот так: в конце предыдущего года выбрали совет дружины, и с тех пор никто из совета ничего не делает. Старшая пионерская вожатая раз в месяц собирает председателей совета отряда и в течение пяти минут рассказывает о предстоящем сборе макулатуры. Вот вся работа совета.

Во-вторых, считается, что в нашей дружине более 2000 активных пионеров, а на самом деле их 10... Я уверен, что такое положение и во многих школах. Почему?

1) Вступление в пионеры стало скучной обязаловкой; 2) уважение героев гражданской и Великой Отечественной войн, революционеров, чьи имена носят отряды, стало формальной традицией; 3) всем известно, что пионеры — это юные коммунисты. А разве все ребята 4—7-х классов нашей страны достойны этого звания?

Как сделать пионерскую организацию настоящей, боевой?

Я вношу предложение: считать всех пионеров вышедшими из пионерской организации. Тот, кто уверен, что он хочет стать пионером, должен подать заявление и пройти кандидатский срок. (Естественно, это надо делать там, где плохо поставлена пионерская работа. Хорошая работа в дружине или плохая — пусть решат сами пионеры.)

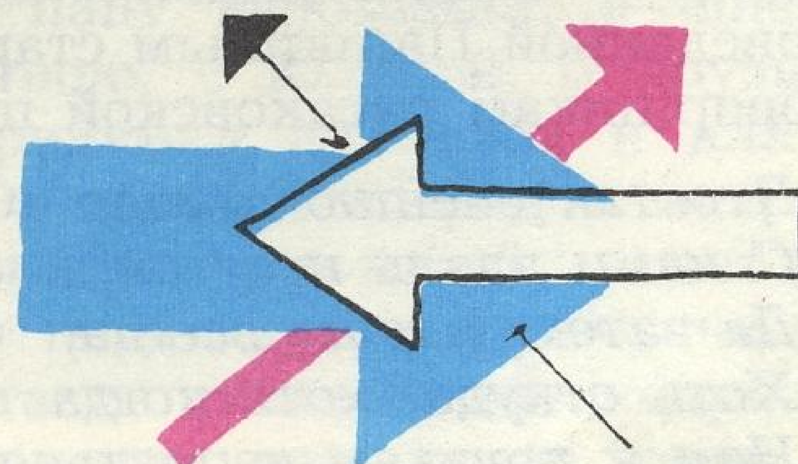
Прочитав мое письмо, вы ужаснетесь: что это с ним? Он, кажется, предлагает разрушить то, что создано? Но, «РВС», возьми на себя смелость: напечатай то, что не очень привычно.

Пусть нас, активистов, будет мало, но если в наших рядах останутся настоящие пионеры, мы сделаем больше, чем сегодняшние миллионы бездельников.

Михаил С., юнкор журнала «Пионер», г. Орел

От «Юнкоровского поста «РВС»:
Миша написал нам в редакцию одновременно с неизвестным автором, чье письмо мы печатали в № 8 нашего журнала для всеобщего обсуждения на IX Всесоюзном слете пионеров.

Только Миша оказался смелее: он не скрыл свои имя и фамилию, школу и город. Но мы решили не сообщать их: нет уверенности в том, что у Миши не

возникнут неприятности. Если же кто-то захочет задать Мише вопрос лично, напишите нам в редакцию, мы перешлем ему ваши письма.

По письму видно, что Мише дорога пионерская организация, именно поэтому он ставит такие острые вопросы. Мишино предложение «считать всех пионеров вышедшими из пионерской организации» нам кажется крайним. Не надо никого «распускать», но работу пионерской организации надо перестраивать. А вот как вы относитесь к кандидатскому стажу, нам было бы интересно узнать.

Юнкоры! Не боитесь высказать свое мнение? Тогда пишите нам в «Юнкоровский пост «РВС». На конверте поставьте девиз: **«Обсуждаем письмо Миши С.»**.

СЕЙЧАС СТАРТУЮ. — *Автор Леонид ЗЕЛЬЦЕР, 13 лет, республиканский Дворец пионеров и школьников БССР.*

СИТУАЦИЯ

В прошлом выпуске вы познакомились с ситуацией, в которой председатель совета отряда, члены отряда и классный руководитель показали, что они не знают прав и обязанностей пионеров.

Перечитайте описание этого конфликта еще раз и давайте вместе его разберем.

Во-первых, классный руководитель **не может снять** председателя совета отряда. Председателя выбирают на сборе отряда, и только **сбор отряда** может освободить его от этой должности.

Во-вторых, где все-таки обсуждалось плохое поведение мальчика: на классном часе, который проводит классный руководитель, или на сборе отряда, где хозяева — пионеры? Если мальчиком не довольны ребята, если он провинился как пионер, его проступок обсуждается на **сборе отряда.**

В-третьих, в пионерской организации нет такого наказания — вызвать родителей провинившегося пионера и пожаловаться им. Посмотрите в Положении о ВПО имени В. И. Ленина, какие наказания применяются к провинившемуся пионеру: обсуждение на сборе звена, отряда или дружины; замечание; предупреждение об исключении и исключение из организации.

В-четвертых, председатель совета отряда переживает, что поступила не по-пионерски, раз не смогла пожаловаться на члена своего отряда его маме. Как раз это по-пионерски: не жаловаться взрослым друг на друга, а разбираться самим.

В-пятых, классный руководитель не должен был кричать на девочку, даже если она не права. Тем более что в этом случае, как мы уже разобрали, не прав был учитель.

Надеемся, наши разъяснения помогут вам избежать подобных конфликтов в своем отряде.

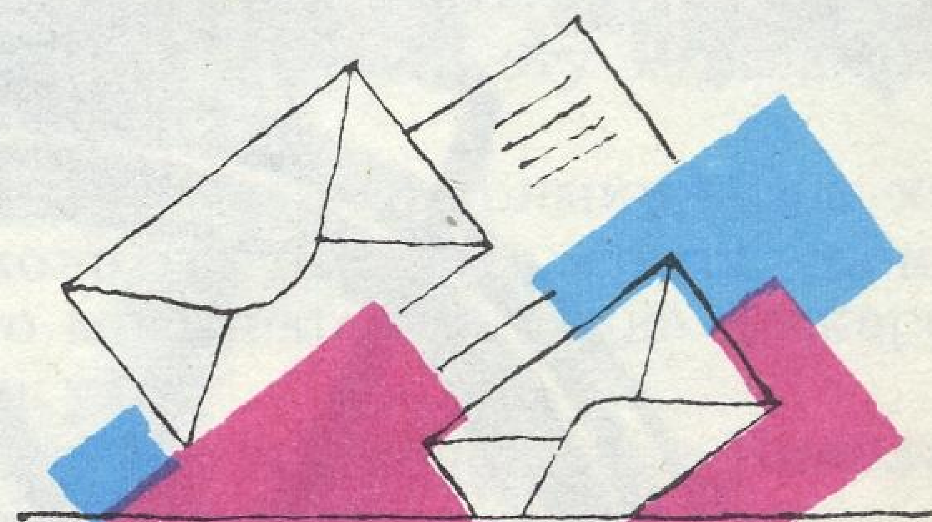
А если вы сталкиваетесь в отрядах с неразрешимыми ситуациями и вам нужна помощь «Юнкоровского поста «РВС», пишите нам, поможем. На конверте укажите: «SOS!».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Я — вожатая в младших классах. Кто хочет, чтобы я поделилась своим опытом работы, пишите: 654015, г. Новокузнецк, ул. Обнорского, д. 9, кв. 21, Лене Полугородниковой.

* * *

Наша пионерская дружина носит имя дважды Героя Советского Союза Ивана Даниловича Черняховского. Хотим переписываться с пионерами дружин, тоже носящих его имя. Наш адрес: 332315, Украинская ССР, Запорожская область, г. Мелитополь, ул. Дзержинского, д. 24.

Виктор Кава

Через всю ночь

Рисунки А. БОРИСОВА.

РАССКАЗ

1

Миколка сидел за столом и мучился над задачей. Такая хитрая попалась, будто пескари в их мелкой речке Бобрице. Когда-то, наверное, речка была широкой и полноводной, не случайно ее Бобрицей назвали, наверное, в ней бобры водились, а теперь, летом, курица ее вброд перейдет и хвоста не намочит. Путная рыба куда-то убежала, одни пескари водятся в песчаных вымоинах. Такие ловкие — кажется, уже накрыл пескаря кепкой в ямке, а засунешь руку под кепку — только воду схватишь... Взмокнешь, весь измучишься, пока хоть десяток наловишь на уху. Зато потом так приятно смотреть, как мать и брат Михайло уминают пахучую уху. А сам Миколка к рыбе равнодушен. И к мясу тоже. Ему лишь бы молоко было, груши, яблоки, ну, и конфеты, пряники... «И в кого ты удался?» — не перестает удивляться мать.

Сердито отложил ручку: надо думать о задаче, а его непонятно куда заносит. Правду говорит их учительница Екатерина Михайловна: «Если бы ты, Ревенко, был собраннее, не разбрасывал свои мысли, давно стал бы отличником». Впрочем, разве он их разбрасывает, они сами, только он сядет за стол учить уроки или за парту, мчатся во все стороны, будто всполошенные воробьи. Особенно когда такая крепкая, как кремешок, задача попадается или ведет урок биологии старенькая Степанида Никитовна. Она произнесет несколько фраз и дремлет. Степанида Никитовна давно должна была уйти на пенсию, но некем ее заменить — не хотят ехать молодые учителя в их глухое село.

Миколка через силу хотел повернуть голову к тетради, а голова сама крутнулась к окну, глаза жадно глянули на уже буреющий краснотал, за которым беззвучно-лениво текла Бобрица. Может, побежать к ней, может, удастся поймать хотя бы несколько пескарей?

Приедет мать завтра в полдень от своей сестры Мокрины, усталая, проголодавшаяся — не близкий свет, добираться ей далеко,— а в хате ухой пахнет... Удивится и обрадуется — она очень любит рыбу, а в сельмаг упорно завозят только замороженный хек...

Миколка поднялся, припал горячим от размышлений над задачей лбом к прохладному стеклу. И его неудержимо повлекло во двор. Потому что там, как говорит мать, блаженствовал божий день.

Словно сама природа вынуждала Миколку нарушить данное себе слово: сделать на завтра все уроки. Особенно по алгебре... В голубом небе, разрисованном следами реактивных самолетов, теплым, золотистым мячом неторопливо катилось солнце. В его осенних мягких лучах нежились, впитывали в себя последнее тепло травы, игольчатая озимь, желтая сурепка, обрадовавшаяся опустевшему огороду и выскочившая шустро из земли...

Из-за краснотала донесся такой знакомый азартный гвалт, что Миколкино сердце громко екнуло — это мальчишки или пескарей ловили, или в футбол играли на берегу.

Вскочил Миколка, уже потянулся рукой за пиджачком и опомнился. Нельзя ему завтра идти в школу, не решив задачу. Неужели он не справится с этой хитрой задачей? Во что бы то ни стало надо «раскусить» ее, чтобы перекрыть полученную позавчера двойку хотя бы четверкой. Ведь завтра вечером они с матерью будут писать письмо Михайлу на границу...

Сел за стол, устроился удобнее, взял шариковую ручку — ее подарил Михайло, когда уходил на воинскую службу. Обычная ручка, даже потертая немного, потому что брат носил ее везде с собой, даже на комбайн летом брал. У многих ребят лучше, новее. Недавно в сельмаг привезли такие хорошие ручки с надписью «Привет из Владивостока», все побежали их покупать — как же, вон аж откуда те ручки прибыли, а Миколка и с места не сдвинулся. Бережет он братову ручку, только стержни меняет. Потому что, когда возьмет ее, словно теплую руку брата пожмет.

А когда наконец задача решилась, Миколка подпрыгнул до потолка и запел свою любимую песню:

Главное, ребята, сердцем не стареть.
Песню, что придумали, до конца допеть!

Собственно, это любимая песня его брата Михайлы, он ее очень хорошо пел, когда брал в руки гитару. Ну, а теперь, когда брат в армии, она стала Миколкиной, эта бодрая песня. Правда, не так красиво она получается, как у Михайла,— и на гитаре он, Миколка, играть не умеет, да и гитару брат с собой забрал,— но когда Миколка поет ее при матери, то у нее глаза влажнеют...

Отложил ручку, вздохнул с облегчением. Теперь можно и на свежий воздух. Посмотрел на братову большую фотокарточку. Мысленно доложил: «Видишь, не такой уж у тебя плохой брат. Задачу решил, все уроки сделал, хотя и нелегко было...» Миколке показалось, что брат чуть подмигнул ему.

Солнце быстро катилось к закату, спряталось за пирамидальный тополь на краю огорода, только тоненькие лучики просеивались сквозь листья. Миколка вскочил. Ведь еще и погулять надо, кур да уток накормить, загнать на насест. Ой, голова тыквенная, а про пескарей совсем забыл!

Толкнул дверь в сени и чуть не сбил с ног почтальоншу тетку Марию. Быстрей извинился, широко распахнул дверь — входите, мол, дорогою гостьей будете, как всегда говорит мать, когда к ним пожалует почтальон. И даже улыбнулся от души, радостно — это ведь не иначе письмо от Михайла!

Тетка Мария почему-то тихо поздоровалась, медленно вошла в хату, внимательно осмотрелась, будто впервые сюда попала, спросила напряженно:

— А где мать?

— К сестре своей поехала в Кобижчу,— торопливо ответил Миколка и припал глазами к почтовой сумке: быстрее же доставайте письмо!

А тетка Мария и не смотрит на сумку.

Миколка насторожился. Какая-то не такая сегодня тетка Мария. То, бывало, когда придет письмо от Михайла, от ворот кричит об этом, высоко подняв конверт над головой. Иногда она остается послушать, что пишет Михайло. Теперь же как-то несмело вошла в хату и к сумке не притрагивается...

Тревожно ёкнуло сердце. Неужели какая беда случилась? Но он прогнал прочь эту мысль, как чужую курицу из огорода.

— Тетка Мария,— рубанул напрямик,— не ходите вокруг да около, а говорите сразу, зачем пришли, потому что мне некогда — надо пескарей наловить матери на уху.

Тетка Мария быстро зыркнула на Миколку и отвела глаза. Через силу спросила:

— Так мать твоя завтра после обеда будет? Я, наверное, к тому времени и загляну...

Пока она это говорила, ее рука, видимо, по старой почтальонской привычке полезла в сумку и достала какую-то серую продолговатую бумажку. Миколка тут же определил — телеграмма. Прикипел к ней взглядом. Кому телеграмма? Им? Отец ни разу, с тех пор, как уехал на заработки на Тюменщину — очень захотелось приобрести «Жигуленка»,— ни разу не прислал телеграммы. И Михайло только письма писал...

Миколка и сам не понял, как выхватил телеграмму, не успела тетка Мария и глазом моргнуть. Как-то сразу схватил взглядом строку: «Приезжайте Бородянск навестить вашего сына тчк госпиталь улица Ворошилова 6 тчк врач Соколов».

Тетка Мария качнулась вперед, чтоб забрать телеграмму, но тут же сообразила: поздно, мальчишка прочитал ее. Скорбно наклонила голову, снова села на лавку и страдающими глазами смотрела на побледневшего Миколку.

А в его голове закружила целая метелица жгучих мыслей.

«Почему Михайло здесь, в городе, а не на границе? Почему в госпитале?».

И внезапно будто молния сверкнула, даже глаза прищурил от ее режущего блеска.

«Это же он ранен... При задержании нарушителя...»

Тетка Мария привлекла Миколку к себе, обняла, погладила по разлохмаченному чубу, произнесла ласково:

— Да не переживай ты так. Может, заболел. Знает, что находится близко от нас, вот и хочет встретиться. Конечно же, очень соскучился по вас. Не переживай.

А у самой слезы покатились по щекам.

У Миколки из всех ее слов задержалось в памяти лишь одно — «очень». Он вздрогнул в теткиных руках. Это ведь брат очень сильно поранен, почему бы иначе он сам не написал, что в госпитале, письмо из Бородянска дольше двух дней не идет. А то — телеграмму, да еще и не он, а врач послал им...

А тетка между тем, утерев слезы, попробовала улыбнуться.

— Не дрожи, не мучь себя заранее. Ничего страшного не случилось. Давай-ка пойдем ко мне, переночуешь, поговорите с моим Васильком, посмотрите телевизор, а завтра с матерью поедете в город. Как раз в три часа дня чернобаевский автобус идет. Вот увидишь, ничего страшного не случилось...

Миколка вырвался из ее рук, хрипло произнес:

— Спасибо, тетка Мария, за приглашение и за телеграмму, но я дома останусь. Надо же курицу изловить, на завтра приготовить, чтоб было с чем к Михайлу ехать. Мать ведь только на порог станет, и снова нам выходить...

Тетка Мария пошла, тая вздохи да все оглядываясь на Миколку. А он на несколько минут окаменел посреди хаты. Казалось, кто-то внезапно положил ему на плечи тяжелый черный камень. Даже сердце защемило. Собрался с духом, повел плечами. Надо не переживать, а готовиться в далекую дорогу.

Какой бы гостинец брату повезти? Вот если бы ухи из пескарей... Но уже поздно их ловить. Пока разговаривал с теткой Марией, солнце скатилось к горизонту, теперь все пескари залезли в норы, дремлют. А если пирожки попробовать испечь? Михайло очень любит пирожки с маком. Не сумеет. Вон соседка тетка Мотря всю жизнь их печет, а все равно получаются они у нее большие, как тапочки, и не очень вкусные. Это мать как вытащит из печи жаровню — то пирожки такие маленькие, поджаристые, пахучие, что и глазами ел бы их... Но все равно надо сбегать к тетке Мотре и попросить напечь пирогов. Какие ни будут, но все-таки домашние.

Метнулся Миколка к двери, да и замер вдруг. «Разве врач давал бы телеграмму, если Михайлу не было плохо? Опустил бы себе письмо в ящик, и конец. А ведь ему пришлось идти на почту. А почта, наверное, у них так же, как и у нас, не близко, в центре... Значит, тот врач хотел, чтоб мы немедленно приехали. А я точу лясы с теткой Марией, к тетке Мотре разогнался, о пирожках думаю»...

Ехать, немедленно ехать в город!

«А на чем?» — словно шепнул кто-то над ухом. Действительно, на чем? Автобус давно ушел, наверное, уже в Бородянске. До железной дороги от них километров двадцать...

Не помнил, как оказался в сенях. В углу что-то блеснуло. И вмиг у Миколки прояснилось в голове. А на велосипеде? У него почти новый велосипед, только в прошлом году брат подарил, когда получил первую зарплату. Миколка его бережет, чистит, смазывает, и велосипед ездит у него как ни у кого из ребят: не дребезжит, не пищит, только урчит, когда очень разгонишь. Дорога до Бородянска не ахти какая далекая, всего-то тридцать пять километров, и наверняка сухая, потому что дождей давно не было.

Во дворе внимательно осмотрел велосипед, подкачал шины, подкрутил на всякий случай гайки, положил в велоаптечку ключи, приладил насос. Вернулся в хату, надел кепку, теплый пиджачок — все-таки сентябрь, ночи холодные, а дорога не близкая.

Вывел велосипед за ворота. Уже стал на педаль да и опомнился. А куры, а утки? Разбредутся по селу, не соберешь их потом. И, гляди, вышмыгнет лисица из камыша, не одной голову свернет. Ки-

нулся к речке, забрал уток, потом заманил просом в птичник кур. Запер птичник, взялся за руль да опять не сдвинулся с места. Вот так ехать к брату, с пустыми руками? Вернулся в хату, взял свой портфель, вынул из него книжки, накидал яблок, груш, подумал, отрезал большой ломоть хлеба — мать печет такой мягкий да душистый. Ну, а если еще хороший кусок сала... Достал из бочонка сало. На минутку стал посреди хаты. Что еще любит Михайло? Ага, вишневое варенье. Взял было банку — и поставил на место. Нет, не довезет он ее целой, ведь портфель будет мотаться на руле, долго ли треснуть стеклу?..

Пока собирался, солнце уже наклонилось к зубчатому горизонту, багряно разлилось по небосклону.

2

Когда Миколка выбрался за село, сумерки уже затягивали хаты влажной пеленой, чернили верхушки деревьев.

На минутку остановился под старинной дуплистой вербой с обожженной сердцевиной, которая скрипела даже в безветрие, будто жаловалась на свою горькую судьбу, оглянулся. И таким уютным, родным показалось ему село! Сонно мычали коровы, гремели ведра у колодца, тепло-призывно светились окна. А впереди, до самого горизонта, вилась белесая дорога, по сторонам ее раскинулась бескрайняя степь, кое-где заштрихованная кустарником. Тишина вокруг, в ушах звенит.

Миколка зябко поежился. Он знал, что дальше будет — не раз ездил с матерью в город.

Однажды автобус остановился у степной балки — что-то в моторе испортилось, шофер долго, чертыхаясь, копался в нем. Автобус стоял на узеньком переезде через балку. Хотя был белый день, но и при свете балка казалась хмурой, таинственной. Миколка глянул вниз — где-то далеко на дне что-то ворчало, кусты слегка покачивались, хотя ничего и никого не было видно... Поспешно отступил — кто знает, что там, в балке, водится...

Но, отбросив эти воспоминания, Миколка направил свой велосипед в немую степь. Долго мчался — аж шины гудели, как у мотоцикла, пока вконец не запыхался. А когда запыхался, то сбавил ход, оглянулся. Село, будто большой корабль в океане, отплывало в темень.

Дорога пошла под гору, не надо крутить педали, велосипед сам мчится вниз. По бокам дороги кукуруза. Вроде и ветра нет, а кукуруза неумолкаемо, сухо шелестит желтыми стеблями, будто в ней кто-то бежит быстро и неутомимо, ждет момента, чтоб неожиданно накинуться на одинокого беззащитного путешественника... Пришлось еще и педалями прискорить велосипед...

«Вот бесхозяйственники! — вдруг рассердился Миколка.— Вишь, початки с горем пополам собрали, даже нас, школьников, просили помочь, а стебли бросили на произвол судьбы, пусть гниют под дождем и снегом!»

Пока Миколка ругал нерасторопных хозяев, поле кукурузы кончилось. И велосипед привез Миколку в село. Маленькое, хат, наверное, как определил он на глаз, пятьдесят. И Миколка повинно подумал: «Напал на сельчан по глупости, а ведь вон их как мало, разве могут они управиться со всеми полями... Да и молодых не удержишь здесь за полы. У нас в селе и клуб, и оркестр, а все равно бегут в город...»

Село небольшое, но собак полно. Целой сворой увязались за велосипедистом. Одна так обнаглела, что схватила за штанину. Пришлось остановиться, пошвырять в собак комьями земли. Немного отстали, однако сопровождали до самой последней хаты. Уже его и темень поглотила, а собаки все слаженно брехали. Только и работы, что полаять на проезжих. Дармоеды!

До балки еще было далековато, но у Миколки уже начал закрадываться в грудь неприятный холодок. Ноги было взялись слабее крутить педали, но Миколка мысленно так прикрикнул на них, что они вмиг взбодрились.

Ближе и ближе балка. Хмурая, затаенная, неприветливая. От нее навстречу позднему велосипе-

дисту выбежали косматые кусты, корявые деревья.

А вон-вон... Будто из-под земли появился слева от дороги высокий дядько — когда он успел выскочить из кустов? Стоит крепко — две толстые ноги, на большой лохматой голове соломенная шляпа, правая рука, как семафор на железной дороге, отведена в сторону: мол, стой, мальчишка! Миколкины ноги сами нажали на тормоз, он аж пронзительно скрипнул. Миколка поспешно направил велосипед под куст, укололся, машинально отметил — боярышник. Положил велосипед на землю, сам сел рядом, долго не мог отдышаться. Едва заставил себя выглянуть. Тешил себя маленькой надеждой: может, тот дядько не заметил его и пошел себе прочь?

Дядько неподвижно стоял на месте, разве что голова в шляпе как будто бы чуть качалась, но так же властно торчала его рука... Что за ерунда? Неужели можно так долго держать руку на весу?..

Миколка гнал от себя навязчивую мысль, даже лоб потер крепко двумя пальцами, однако она все равно вертелась в его голове. А что, если это настоящий бандит? Умышленно замер, чтобы я подумал — куст обыкновенный. Но только я подъеду — скрутит меня и... Что будет дальше, Миколка боялся представить. «Что же делать? Что же делать?»

А что, если неслышно подкрасться к тому дядьку с тыла, посмотреть на него вблизи? Когда была у них «Зарница», сумел же он так тихо подползти к Тане Ковтун, которая охраняла «объект», что та даже ухом не повела, и когда он выкрикнул: «Руки вверх!» — заверещала так, будто ее резали тупым ножом.

Зашарил вокруг себя руками, ища какую-нибудь палку, но только тонкие веточки попадались. Пришлось снять насос с велосипеда, он тяжелый, если что, можно и стукнуть...

Ужом пополз от куста к кусту, осторожно убирая с пути хрусткие веточки, камешки больно впивались в тело. Но Миколкины глаза неотрывно следили за неподвижным человеком в шляпе.

И когда до него оставалось шагов пять, Миколка вскочил на ноги, вздохнул с облегчением. Чудак он заморский, трусишка, как и Таня. У дороги — теперь это было хорошо видно — стояла сосна с обрезанной верхушкой. Кто-то, наверное, на Новый год втихую срубил верхушку, а проезжающие мимо машины ободрали дерево, что так неосмотрительно приблизилось к дороге, вот Миколке и померещился дядько в шляпе с поднятой рукой. А вторая нога — это деревце, что тянулось вверх, рядом с сосновым стволом.

Веселый, бодрый, даже братову и свою песню хотелось запеть, Миколка вскочил в седло и погнал велосипед дальше. Включил ногой динамку, и яркий сноп света вырвался из фары, дорога стала видна, как на ладони. Кого ему бояться? Это ночь выдумывает всякие страхи, стоит спокойно присмотреться к ним, и все исчезнет...

Сперва Миколка не поверил собственным глазам, даже, отпустив руль, протер их обеими руками. Прямо на переезде через балку сидел... самый настоящий волк. Откуда он мог взяться? Давно их уже вывели, даже в газете писали, что надо их теперь специально разводить, чтоб уменьшить численность зайцев... Неужели этого и вправду специально развели? Так у них же гонять некого — зайцы тоже исчезли.

Сбавив ход велосипеда, поднял выше фару — может, и в этот раз мерещится? Волк тоже поднял голову, и его глаза вспыхнули зловеще-красно. Торчком поднялись острые уши, зашевелился хвост... Нет, это уже не выдумки, это что ни на есть самый настоящий волк. Миколка притормозил, фара уже едва светила. Может, волк все-таки испугается и скроется в зарослях балки? Ведь на него надвигается пусть не машина, но все же транспорт...

Однако волка будто приклеили к земле.

Миколка остановился. Снял насос, помахал им угрожающе. С запоздалым сожалением подумал: почему не взял с собой нож? У них дома есть такой, как сабля, им мать капусту рубит. Привязал бы к багажнику, тогда бы ему никакой волчище не был бы страшен...

Было темно, как в погребе, однако силуэт волка четко выделялся на фоне песчано-белой дороги. Он и не собирался удирать в балку.

Вот теперь Миколке стало по-настоящему страшно. Это ведь не шутка — прямо перед ним сидел на сужении дороги здоровенный волчище, рядом — таинственная глухая балка, где, может, сидят еще несколько таких здоровых, они только и ждут его сигнала, чтобы прийти на помощь. Если было бы просторнее, то можно бы попробовать объехать волка стороной. Выломал бы в лесу палку, как-нибудь отбился.

«А если вернуться? — скакнула в голове мысль. Вернуться в то село, где полно собак, дождаться там утра, а уж засветло снова двинуться в путь. Если ночью кто-нибудь проедет на машине, то можно и за ним увязаться».

Появилась эта утешительная мысль да и погасла, как велосипедная фара. Ну да, волк догонит его в два скачка. Как-то тетки Марии муж, дядько Дмитро, рассказывал: «Встретился мне однажды волк в степи. После войны это было, в пятьдесят третьем, тогда той нечисти много развелось, шастали по степям и балкам, как бандиты. Хорошо, что я не побежал — ноги отнялись, совсем не свои стали, будто протезы...— Он зябко передернул плечами, наверное, ему и до сих пор жутко было вспоминать ту ночь.— Стою столбом, гляжу на волка, а его глаза светятся, на меня уставился. И воет так, что меня по коже мороз продирает, будто с меня кожух сняли, однако не трогается с места... Вот так и смотрели друг на друга, пока не послышался скрип подводы — тогда уже начало небо светлеть,— и волк побежал в заросли».

Миколка оглянулся — может, и сейчас кто-нибудь будет ехать? Это после войны, рассказывают, да и в книжках об этом написано — и у Бориса Комара, и у Виктора Близнеца,— машин было совсем мало, даже лошадей всего несколько на колхоз, а, видишь, выручил все-таки возница дядька Дмитра... Неужели сейчас, когда полнехонько машин, мотоциклов, никто не двинется в путь среди ночи? Однако дорога лежала в тишине. Ниоткуда не доносилось ни единого звука, только громко сопел волчище. Лишь звезды, густо высыпавшие на осеннее холодеющее небо, сочувственно смотрели на Миколку, будто бы даже снизились, чтоб быть ближе к нему. Но чем они могли помочь?

И тогда Миколка сел на дорогу и горько заплакал. Как плакал вместе с матерью, когда уехал в армию Михайло. Было это вечером, они вернулись автобусом из района, где расстались с Михайлом, вошли в хату... И она показалась им совсем пустой: Михайло в армии, отец где-то в Сибири... Сели на лавку, помолчали немного, подержали,

сколько могли, слезы, а потом разом и расплакались...

Миколка всхлипывал, слезы капали на дорогу, и сквозь них прорывались слова:

— Ка-ак т-тебе н-не стыдно? Я к б-брату еду, он, н-наверное, р-ранен очень, он п-пограничник, ждет м-меня... А ты р-расселся на дороге, з-зубы на меня точишь...

Волк, видимо, удивился и плачу, и особенно Миколкиным острым словам, потому что склонил голову набок, завилял хвостом. И внезапно — оглушительно:

— Гав! Гав! Гав!

Да это же пес, только здоровенный!

— Ах, ты, поросенок немытый! — укоризненно произнес Миколка.— Как меня напугал... Чего тебя вынесло среди ночи на дорогу? Или из дома выгнали за какую шкоду? Так ты и рассердился, давай на других зло срывать?

Пес повинно гнул голову, хлопал хвостом. Неужели понял Миколкины слова? А что, как-то брат писал, что его овчарка, когда он загрипповал, села возле него, и слезы у нее на глазах... И этот пес, верно, не глупый, не такой, как те пустобрехи из маленького села.

Миколка поднял переднее колесо велосипеда, крутнул его. Джикнула динамка, засияла фара. И в ее лучах Миколка увидел, что пес, хотя и большой, но худой, чахлый. И не зловеще, а скорее умоляюще смотрели его глаза. Наверное, выгнали его хозяева. Или бросили, когда переезжали на новое место. Вот бессердечные!

Миколка вынул из портфеля хлеб, отломил кусок, подал псу. Тот сорвался с места. Хотя и голодный, но осторожно взял хлеб из Миколкиной руки, чтоб не зацепить ее острыми зубами, и мигом проглотил. Через минутку еще один кусок исчез в пасти.

— Все, хватит! — строго сказал Миколка.— Мне же и брату надо довезти немного.

Сел на велосипед и двинулся вперед. Пес побежал следом.

Только когда миновали балку, густые заросли по сторонам дороги и в лицо дохнуло вольной степью, пес уменьшил бег, сел на задние лапы и громко, дружелюбно залаял.

И Миколка понял — это пес провожал его, оберегал в хмурой, загадочной балке. Крикнул на прощание:

— Ты подожди меня здесь. Может, я заберу тебя к нам домой! Правда, у нас нечего и некого охранять, ну, просто будешь жить у нас...

Ноги крутят и крутят педали, а степь все стелется и стелется под колеса, будто ей конца-края нет. Спина начала деревенеть, седло стало жестче, педали, казалось, потяжелели... Глаза слипаются, словно на веки повесили маленькие гири. И когда повитые сонным туманом глаза заметили сбоку от дороги скирду свежей, невыветренной соломы, руки крутнули руль влево, и велосипед запрыгал по стерне.

— Я немножко, я совсем немножко подремлю,— говорил сам себе Миколка, умащиваясь на мягкой соломе.— Сила моя кончается...

И словно провалился куда-то...

Проснулся Миколка от того, что больно стало глазам. Враз распахнул их. И сперва ничего не мог понять — где он? Скирда, степь с низкой желтой стерней, из-за четкого, словно в кино, горизонта, медленно поднимается красное солнце. Подхватился. Вот так задремал немного!.. Послюнил пальцы, протер глаза — умылся. И скорее на велосипед. Даванул на педали так, что цепь зарычала, как злая собака.

Нежно, ласкающе светило солнце, золотилась стерня от горизонта до горизонта, призывно зеленело впереди село, распушив над трубами синие султаны дыма...

И Миколке плеснула в грудь чистая радостная волна — как же хорошо жить на свете! Кажется, сама собой запелась песня:

Главное, ребята, сердцем не стареть!

Приятно подумалось: ему далеко еще до старости...

3

В город он приехал ранним утром, еще только выходили из депо первые автобусы, зевая дверьми на остановках, да торопились машины с хлебом

и молоком к магазинам. В безоблачном небе летали вперемешку голуби и чайки. А там дальше, в конце длинной улицы, густо засинело море, на нем стояли белые теплоходы.

Госпиталь Миколка искал долго, даже понервничал немного. Нет, люди, у которых он спрашивал, не заносились, не отмахивались. Они морщили лбы и разводили руками. Миколка удивился: как в своем городе не знать всего? Его разбуди среди ночи, спроси, где больница, и он с закрытыми глазами проводит. Да что больница — покажет гнезда всех аистов!

Наконец, встретился майор. Хотя он очень спешил, однако, узнав, в чем дело, сразу остановился, начал, размахивая рукой, быстро объяснять. А когда увидел, что Миколка ничего не может взять в толк, глянул на часы, громко вздохнул и почти бегом повел Миколку к госпиталю. И Миколке с велосипедом пришлось бежать. Наверное, они были чудной парой, потому что прохожие, оглядываясь, улыбались.

Неподалеку от входа в госпиталь стоял врач в халате и нервно курил папиросу. Миколка облизал вмиг пересохшие губы, спросил хрипло:

— Не знаете ли вы, где тут лежит мой брат Михайло, пограничник?

Врач ничуть не удивился такому вопросу. Подал жесткую ладонь, которая пахла остро и не очень приятно.

— Хорошо, что ты приехал. Я — Соколов. А ты Миколка, не так ли? Пойдем.

— Ему... очень плохо?..— спросил Миколка, едва выталкивая изо рта какие-то шершавые слова, когда с врачом торопливо шел по коридору.

Врач быстро взглянул на Миколку, подумал минутку. И сказал:

— Надеюсь, что кризис миновал. А после операции было очень плохо. Все бредил, мать, тебя звал. Вот я и послал телеграмму.

Уже когда остановились у высоких белых дверей палаты, Миколка дернул врача за рукав.

— Дяденька Соколов, это Михайла на границе? Нарушители ранили? Его, наверное, об этом спрашивать нельзя? Пока что...

Соколов с улыбкой взглянул на него, теплой рукой разлохматил ему чуб.

— Молодец, смекалистый ты. Тоже хочешь быть пограничником?

— А кем же еще? — повел плечами Миколка.

— Там,— сказал Соколов,— я это точно знаю. Но при каких обстоятельствах — мне неизвестно. Только и слышал, как говорил начальник заставы, который его привез, что твой брат — герой, совершил подвиг, его к награде представили.

Шагнув в палату, Миколка как-то сразу увидел Михайлу, хотя тот лежал в углу возле окна, с забинтованной головой. Вернее, увидел Михайловы глаза. Они засияли такой радостью, таким теплом, что Миколка опрометью кинулся к брату, обнял его, поцеловал в незабинтованную щеку. Как только удалось ему сдержать слезы, что двумя ручьями подкатили к глазам?.. Чтоб не дать им воли, быстро заговорил:

— Здоров, Михайло? Как ты? Чего вылеживаешься, когда на дворе такая теплынь? Вон наших кур не загонишь на насест...

Слова срывались с языка совсем не те, которые он приготовил в долгой дороге, а случайные, которые мать говорила ему, когда Миколка прихварывал. А он же хотел сказать брату, что тот — герой, что все очень переживают за него, желают ему быстрого выздоровления...

Растерянно кинул взгляд на врача: что я болтаю? А врач подмигивает: мол, правильно говоришь. Глянь-ка на брата...

Миколка снова повернулся к Михайле. А у того увлажнились глаза, взялись поволокой.

— Тебе все приветы передают. Я гостинец привез,— принялся развязывать узел дрожащими руками Миколка.— Правда, хлеб не весь довез, голодный пес попался, так я кинул ему немного, а яблоки, груши, сало целы. Вот попробуй, какое все вкусное...

И запнулся — рот Михайла был перебинтован, только белая щель виднелась.

Но вот эта щель немного раздвинулась, и оттуда послышалось с выхрипами:

— А... мать... Где мать?

— Она поехала к тетке в Кобижчу — проведать больную. Обещала вернуться сегодня после обеда.

— И ты... сам? — тревога мелькнула в глазах брата.

Миколке так хотелось признаться, что он на велосипеде приехал, что страхов натерпелся, но ведь брату нельзя переживать ничуть. Быстро взглянул на врача, который видел, как он вел велосипед, тот понял его, подмигнул. И Миколка, не глядя в Михайловы глаза, сказал:

— Да... в колхозе, когда услышали о телеграмме, тут же машину дали... И матери дадут...

Спохватился:

— Ой, дяденька Соколов, который час?

— Десять.

— Михайло,— нежно-умоляюще посмотрел на брата,— ты извини, мне надо возвращаться. Представляешь: приезжает мать, а меня нет дома, а соседи скажут про телеграмму... Ты же знаешь нашу мать...

Из Михайлова глаза выкатилась-таки слеза.

— Знаю... Поезжай, братишка. И возвращайтесь вдвоем... скорее... Спасибо... что ты у меня такой...

И хотя врач кричал с крыльца, чтоб подождал, скоро их машина подъедет, на ней он доберется быстрее, Миколка махнул рукой, ловко вскочил на велосипед. Когда еще приедет та машина, а он быстро назад домчит. Увидел же брата живого. Тот вылечится и обязательно снова будет пограничником.

* * *

Пес сидел на том же самом месте, где его оставил Миколка. Уж не ждал ли он вот так ночь и полдня?

— Здоров! — крикнул ему Миколка, как старому товарищу.— А брат жив, только ранен очень. Но Соколов знаешь, какой врач! Во!

Пес, будто понял его радость, подпрыгнул, залаял, еще и вывалялся в пыли.

— Ну, что, пойдешь со мной?.. Киваешь — согласен? Тогда айда. Дорога у нас далекая, уж дома наедимся от пуза.

И только теперь почувствовал, как голоден. Глянул на собаку.

— Выдержишь, а? Надо выдержать. Может, я тебя пограничной овчаркой сделаю? — Прищурился.— А что — ты здоровый, ловкий, умный. Я откормлю тебя запросто.

Он что есть силы нажимал на педали, солнце нежно грело ему затылок. А Миколке казалось, что это до него дотрагиваются пальцы брата, ласкают и подталкивают: поезжай быстрее, знаешь, как я по матери соскучился...

Сергей ГОЛИЦЫН

ОБ ИСТОРИИ БОЛЬШОЙ И ИСТОРИИ МАЛОЙ

Есть история, которую можно назвать Большой. Ее изучают в школе и на уроках.

Есть история Малая, о какой редко прочтешь в книгах. Это история родной деревни, родного села. Где можно узнать о событиях истории Малой?

Однажды я встретил человека, который записывал историю села Лю́бец Владимирской области. Вот о нем я и хочу вам рассказать.

...Вскоре после войны приехал в Любец один пенсионер, бывший военный. В старой книге он прочел предание о том, как село было основано. Некоторые подлинные документы, где упоминается о Любце, пенсионеру удалось разыскать в подшивках дореволюционных владимирских газет. И еще он не ленился расспрашивать старожилов: что да как в стародавние времена было. А старожилы много чего знают.

В те времена, когда не ведали об электричестве, кино, телевизоре и в долгие зимние вечера делать было нечего, собирались в самую просторную избу ребятишки — нынешние старожилы. Собирались они слушать рассказы своих дедов и бабок о старом да бывалочном. Много ребят набивалось в избу: какие на лавках устраивались, какие на полу. Тишина стояла, за окном ветер завывал в снежных сугробах, лучина в светце горела и потрескивала. А дед или бабка рассказывали то, что сами в детстве слышали от своих дедов и бабок. Грамоту в те времена почти никто не знал, книг не читали, вот потому-то и слушали ребята рассказы и сказки затаив дыхание.

Вилась и не обрывалась веревочка древних преданий за сто, двести и большее число лет... Сейчас, в наши времена, рассказчиков все меньше и меньше остается: телевизор и кино заменять их стали. Но если разговорить старожилов, много они вспомнить могут о том, что от бабок слышали.

Так стал пенсионер краеведом и составил историю села.

Он узнал, что в одиннадцатом веке начали переселяться на Оку и Волгу жители Приднепровья. Переселялись они и на притоки Оки — Москву-реку и Клязьму. На юге, в степных плодородных землях, кочевники-половцы не давали мирным жителям покоя: наскакивали внезапно, защищенные дубовыми стенами города обходили, а деревни жгли, людей грабили, случалось, уводили в плен, убивали. Совершив злое дело, мчались дальше и, опасаясь преследований русских всадников, скрывались в бескрайних степях...

Называли переселенцы новые села прежними, милыми сердцу именами. Вот почему на Клязьме поднялось село Любец, названное по имени древнего города Любеча на Днепре. Такова догадка старого пенсионера.

О дальнейшей истории села он мог только предполагать. Наверное, во время нашествия Батыя оно было сожжено, а жители его — какие успели скрыться, какие погибли, а иные молодцы ушли в партизаны. Они крались по следам татарских полчищ, убивали отставших врагов. Позднее любечане сражались в рядах русского воинства на Куликовом поле. Но нигде в летописях о Любце не упоминается: немного там жило народу, таких малолюдных сел было на Руси без числа.

Первая грамота о Любце на Клязьме-реке относится к 1462 году. Это указ великого московского князя Ивана III о том, чтобы доходы «Успенского, что на Любецком рожку (то есть на горе, над излучиной реки.— *С. Г.*) монастыря», должны идти в его «государев двор». «Значит, в Любце был монастырь, основанный когда-то раньше,— пометил в своих записях краевед,— а когда именно — неизвестно».

Он подолгу сидел в библиотеках и в старых книгах разыскал, что в 1693 году вместо пришедшей в ветхость деревянной церкви была построена ныне существующая — каменная.

Когда краевед поселился в Любце, эта беспризорная, заброшенная церковь медленно погибала. Озорные школьники писали на ее стенах разные слова, жадные взрослые, услышав легенду, что якобы рядом с церковью зарыт клад, из лета в лето перекапывали двор вокруг храма. А кто-то, догадливый, даже плиты в полу церкви выворотил. Стал краевед хлопотать, писать письма. И в один прекрасный день явились в Любец реставраторы.

Теперь церковь, подновленная, побеленная, выделяется на темном фоне леса. Она стоит не на самой горке, а ниже по склону. Издали, с поймы противоположного берега Клязьмы, ее видят охотники, и она служит им маяком.

До самой революции бедно жилось в Любце. Низкие, крытые соломой избы выстроились в два ряда. В статистическом справочнике краевед вычитал, что в 1905 году их было всего двадцать четыре. А старожилы рассказывают, что землицы тогда у них было мало, своего хлеба не хватало, и они из ближних каменоломен везли камень-известняк во Владимир, Иваново, Шую, Суздаль, за зиму по семь поездок делали — таков был их подсобный промысел. И в школу, в соседнюю деревню, ходили не все мальчики, а девочки совсем не ходили, они по хозяйству помогали. Скучно и страшно жилось в Любце: сугробы наметало по самые крыши, волки бродили вокруг деревни.

А после революции государство отдало любечанам заливные луга на другой стороне Клязьмы: по сто копен накашивали жители сена, скотины у них прибавилось. И стали они один за другим строить, да не избы, а дома на каменных фундаментах ставили, серебристой дранкой крыли, по оконным наличникам, крылечкам, под крышами пускали кружевную затейливую резьбу. И стало домов тридцать один.

Образовался в Любце колхоз, передовым в районе считался. Но грянула война, пошли любечане Родину защищать, трое сложили свои головы, десятеро вернулись, а какие в город жить подались.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Те, кто в село вернулся, взялись за топоры и долота, стали свои дома украшать еще затейливее. Они обшивали стены тонкими дощечками, дранку на крышах заменяли железом и красили стены, крыши, резьбу в разные цвета.

А потом молодежь стала переселяться в город: там заработки выше да жизнь веселее. А старики один за другим умирали. Опустевшие дома покупали горожане, все больше художники. Облюбовали они село — уж очень оно красиво стояло. Девять художников поселилось здесь. И, конечно, писали они здешние пейзажи и на выставках в соседних городах — Коврове, Владимире — выставляли, даже в самой Москве.

К старому краеведу приходили ребята из близлежащих пионерских лагерей.

Приходили они часто, помогали краеведу в огороде, дрова складывали, воды приносили из колодца. А потом рассаживал ребят на лужайке краевед и затевал свой рассказ:

— Вот вы любите наряжаться во все красивое. Так и хозяева здешних домов хотят, чтобы их жилищами любовались...

И вел гостей по сельской улице, показывал один, другой, третий дом, объяснял, как какая резьба называется, доводил ребят до своего излюбленного пригорка, откуда хорошо смотрелась церковь, и говорил:

— Взгляните, как она красива, как стройна. Триста лет назад возвел ее безвестный мастер, выходец из народа...

Дорогие ребята, читатели «Пионера»! Ищите таких людей, увлеченных историей родного края. Их много, они есть. Часто это учителя сельской школы или бывшие учителя, пенсионеры. Порой они слывут чудаками. В газетах о них не пишут и, случается, даже в ближайших городах о них и не слыхивали... Но такие люди помогут вам узнать историю Малую, которая нужна каждому человеку, которая у каждого должна жить в душе.

От редакции

ЕСТЬ ИДЕЯ!

Журнал «Пионер» объявляет конкурс «МАЛАЯ ИСТОРИЯ». И предлагает вам, ребята, присылать в редакцию альбомы с рассказами о СОБЫТИЯХ ИСТОРИИ МАЛОЙ, происходившей в вашем городке, поселке, селе, деревне.

*В конкурсе могут участвовать только **группы ребят,** которые считают себя КРАЕВЕДАМИ.*

Каждая группа вправе за помощью обратиться к СТАРОЖИЛАМ.

Те ребята, чей альбом будет самым
— содержательным,
— хорошо оформленным,
— интересным,

ЗАВОЮЮТ ПЕРВОЕ МЕСТО И ПОЛУЧАТ НЕОБЫЧНЫЙ ПРИЗ:

не книгу, не путевку в «Артек», не кляссер с марками, а...

Прямо в вашем селе, городке, в вашей деревне состоится встреча с интересным человеком, который приедет к вам в гости от журнала «Пионер».

Дерзайте, пионеры Камчатки и Дальнего Востока, Эстонии и Армении, Казахстана и России! И все, все из всех уголков нашей великой страны!

АЛЬБОМЫ ОТСЫЛАЙТЕ ДО 1 ФЕВРАЛЯ 1988 ГОДА ПО АДРЕСУ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»!

АНОНС! АНОНС! АНОНС!

ДО...МИ...СОЛЬ...ФА-ДИЕЗ...ЛЯ...ЛЯ-БЕМОЛЬ...

Слышишь, читатель? Это сталкиваются и поют шары

МУЗЫКАЛЬНОГО ЛОТО.

Хочешь сыграть с нами в эту необычную игру?

Тогда из двадцати выбери ШЕСТЬ ШАРОВ — ШЕСТЬ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕМ и сообщи в журнал «Пионер», какие ты выбрал.

Если УГАДАЕШЬ те темы, которые будут опубликованы в следующем, 1988 году в НОВОЙ музыкальной РУБРИКЕ «Пионера», получишь музыкальный сюрприз.

А если подробно расскажешь о своих музыкальных пристрастиях, ПРЕДЛОЖИШЬ СВОЙ ВАРИАНТ музыкальной рубрики «Пионера», редакция вступит с тобой в переписку.

Итак, МУЗЫКАЛЬНОЕ ЛОТО-88.

Из двадцати предложенных тем выбери шесть.

1. Школьники играют джаз.
2. Пианист Михаил Плетнев.
3. Кто придумал танец «брейк»?
4. Гитарист Пако де Лусиа.
5. За что я люблю «Битлз»?
6. Необычные музыкальные инструменты.
7. Почему Шопен писал вальсы?
8. Компьютер и композитор.
9. Великая душа органа.
10. Понимаю ли я песни Высоцкого?
11. Луи Армстронг — певец и трубач.
12. Что слушали наши родители, когда учились в школе?
13. «Модерн Токинг» — легко ли быть любимцами публики?
14. Песни Сергея Никитина.
15. Моя любимая пластинка «Алиса в стране чудес».
16. Что умеет барабан?
17. О чем мечтает Алла Пугачева?
18. Музыканты борются за мир.
19. В «Мзиури» только девочки!
20. «Тяжелый рок» — для кого он тяжел?

КАКИЕ НОМЕРА ВЫИГРЫВАЮТ?

На конверте напиши: «Музыкальное лото-88».

АНОНС! АНОНС! АНОНС!

4 октября наша страна отмечает День учителя. «Кораблик» в этот день поднимает флаги расцвечивания, вместе они складываются в слово: «Поздравляю!» Оно обращено ко всем учителям его юных друзей. На борту «Кораблика» немало стихов, посвященных школе. Прочитайте некоторые из них.

*** «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя ***

Маша ПАСЕЧНИК, ученица московской школы № 155, посвятила стихотворение своей первой учительнице.

День учителя

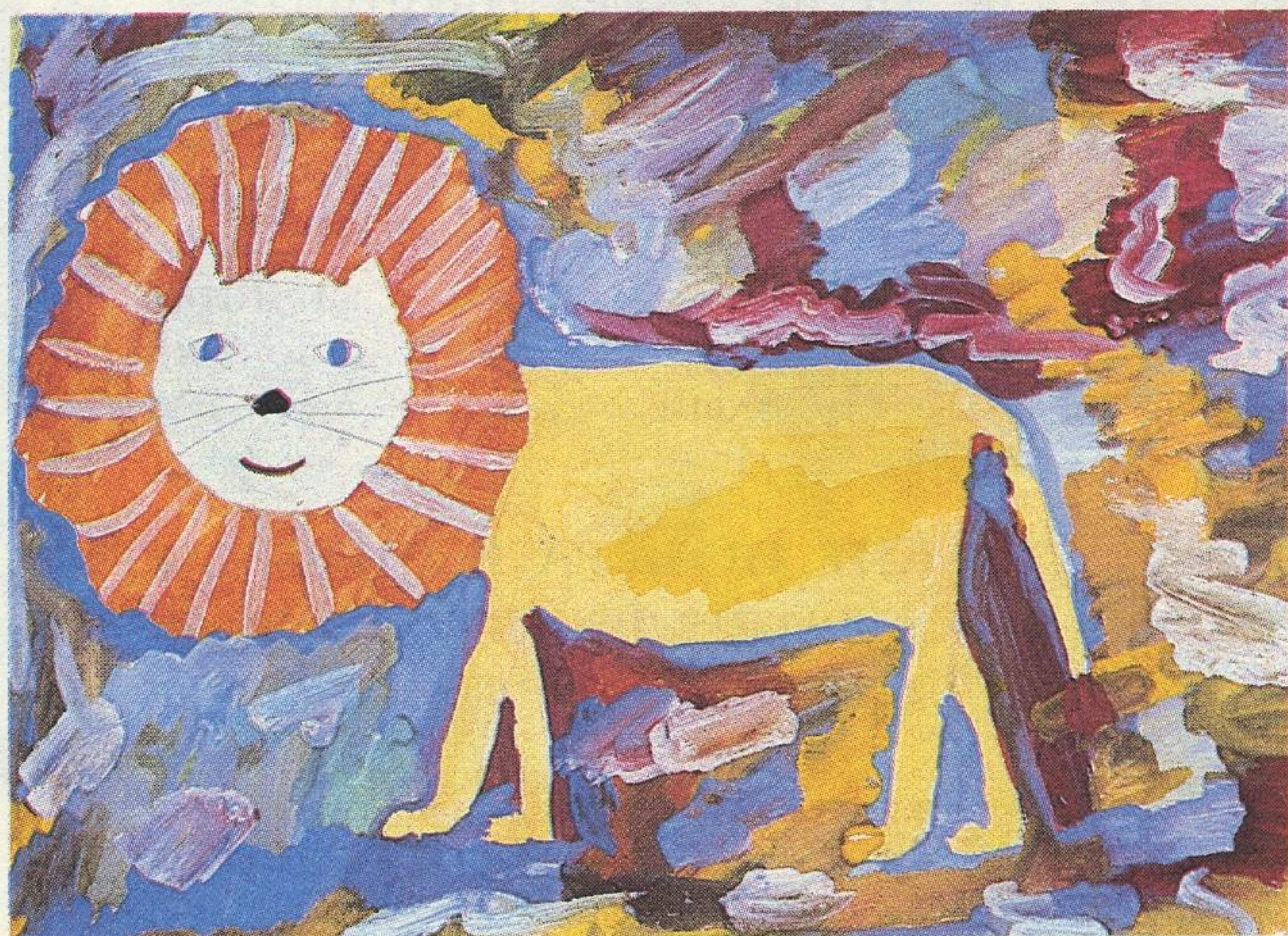
День учителя. Праздник в школе.
Все ребята несут цветы.
Ну а я, притаившись за партой,
Потихоньку пишу стихи.

Я не знаю пока, кем буду,
Но запомню я навсегда,
Как учитель учил меня в школе
Выводить в тетрадке слова.

Мы тебя никогда не забудем —
Будем жить и тебя вспоминать.
Мой учитель, мой первый учитель,
Как нам жалко тебя покидать!

Семилетняя Юля ТОКАРЕВА нарисовала «ЛЬВА В ЦИРКЕ».

Добрый друг «Кораблика» — Наташа СЕМАШКО из Казани написала стихи о том, как ей радостно было вернуться в школу после летних каникул. Наташа — семиклассница, учится в школе № 111.

31 августа

Зазвенит звонок веселый —
Завтра встречусь я со школой!

В школу завтра поспешу —
Сто задачек я решу!

В школу завтра поспешу —
Все диктанты напишу!

Кончились каникулы, веселая игра,
Снова начинается учебная пора!

Осень — подходящее время для того, чтобы вспомнить о летних каникулах. В памяти осталось только самое прекрасное, и об этом хочется рассказать друзьям, чтобы заново пережить чудесные летние дни.

Москвич Митя ПЕРОВ, шестиклассник из школы-интерната № 14, летом побывал на Валдае.

Рыбалка

Я на Валдае этим летом
свой отпуск проводил.
Туда приехал как рыбак,
с удилищем тяжелым.
Приехал к сумеркам,
устроился я на ночь.
А утром встал,
собрался весь.
Удилище — под мышку.
И вышел я во двор.
Река совсем недалеко,
отсюда даже видно.
Увидел я там рыбаков.
Я подошел поближе.
Достал червя, надел на крюк,
забросил в воду.
И двух минуток не прошло,
как рыба на крючке.

В лесу

Я по лесу шагаю,
Я ежу не мешаю.
Я змею не тревожу,
Аккуратно иду.
Землянику беру.
Но вот кончился лес,
Снова поле, дорога.
Попрощаюсь я с ними
До такой же погоды.

*

А у Гали КРЫЛОВОЙ стихи о лесе получились шуточные, веселые. Гале — 9 лет, живет она в Москве, занимается в детской литературной студии «Конек-Горбунок».

Кукушка

В лесу живет кукушка.
Всех дергает за ушко.
Если в лес пойдешь,
То ушей не соберешь.

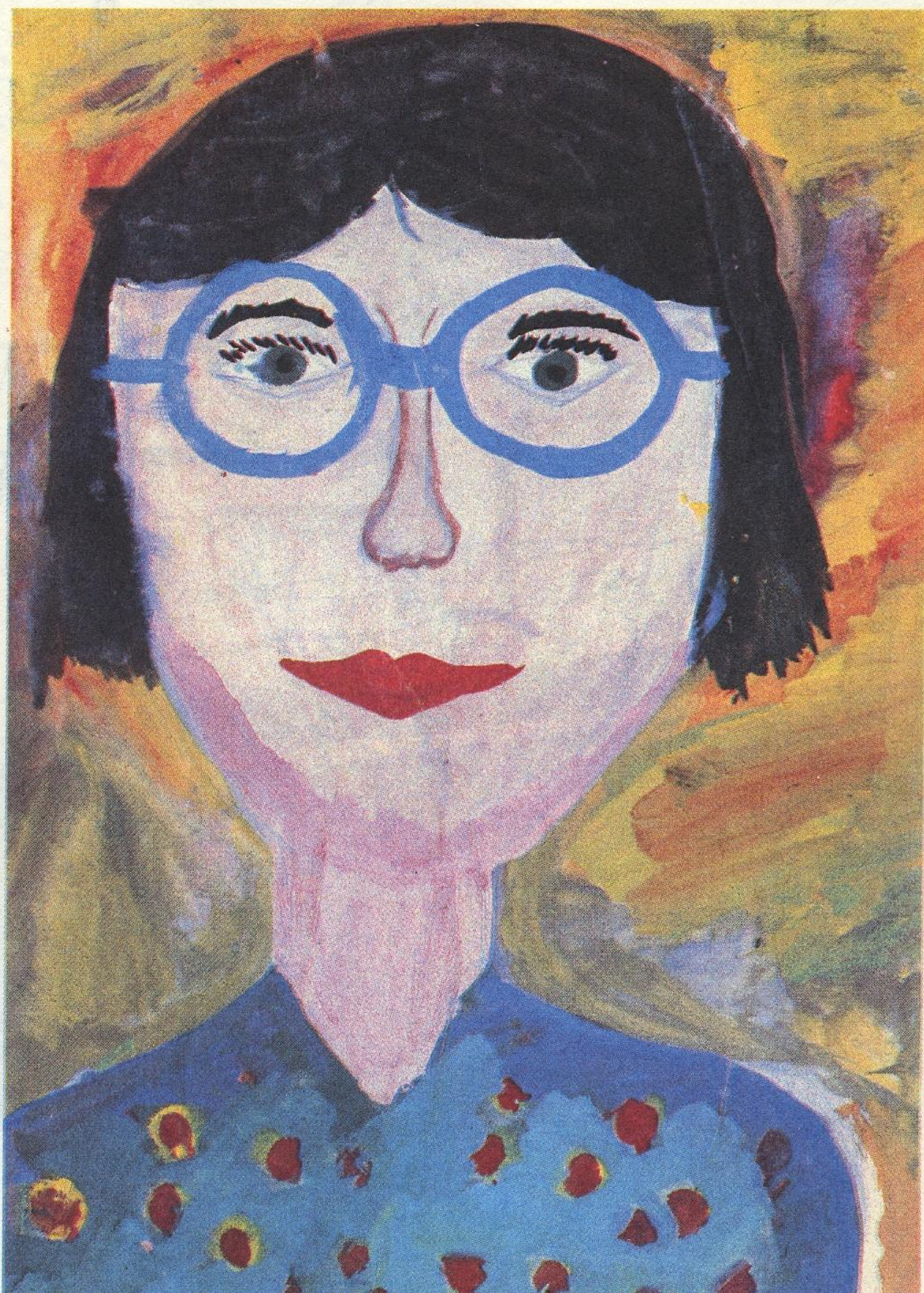
А вот стихи и о нынешних днях, об осени! Их сочинила Лена СЕЛИНА. Лене — 13 лет, она живет в Москве, учится в спецшколе № 4, в седьмом классе.

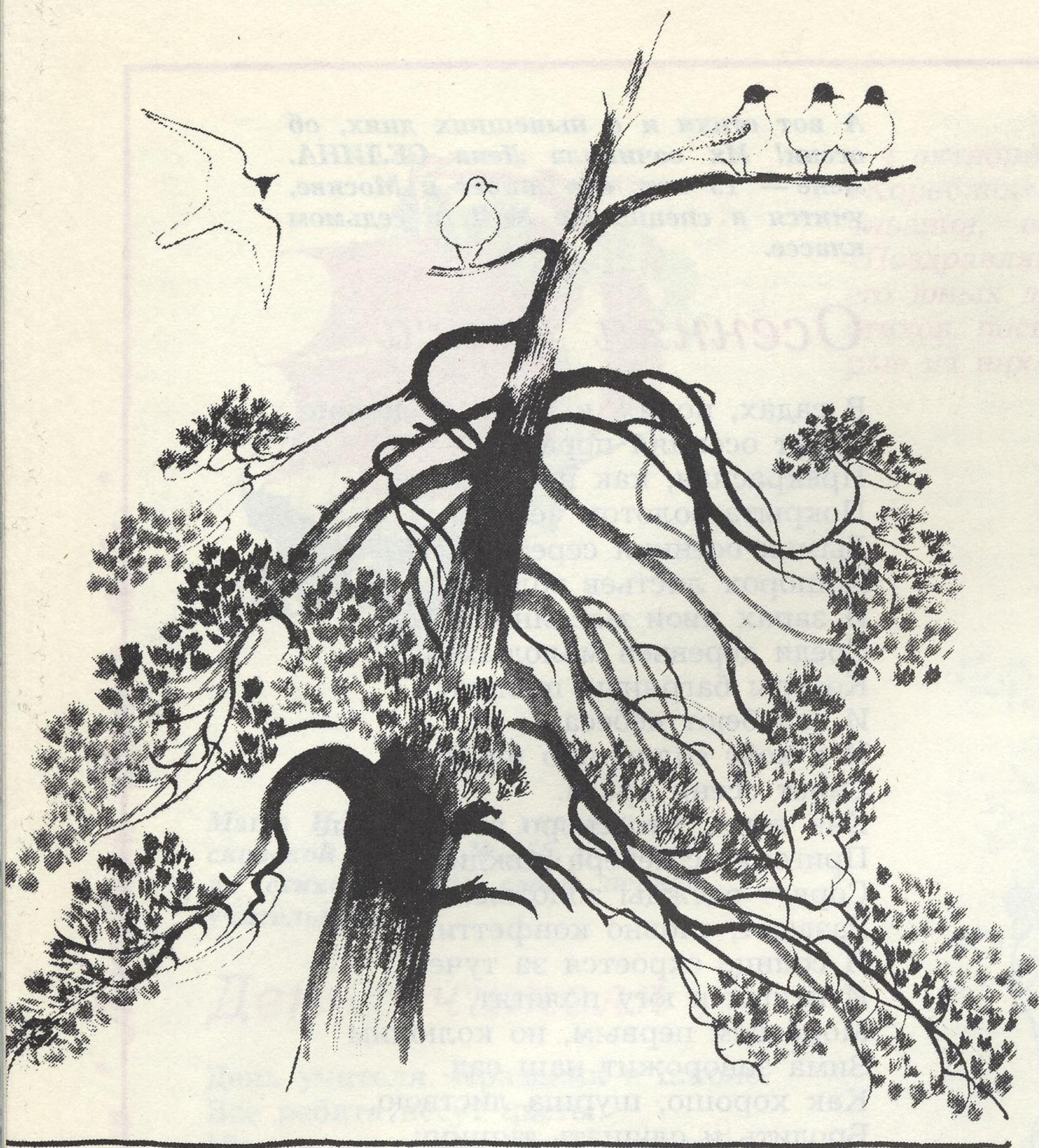
Осенняя краса

В садах, полях, в лесах, в долине
Стоит осенняя пора.
Прекрасная, как на картине,
Покрыта золотом земля.
Дымок осенний серебристый,
И шорох листьев золотых,
И запах хвои маслянистой
Среди деревьев молодых.
Костры багряные пылают,
И голубеют небеса,
И в небе солнышко играет —
Сияет осени краса.
Как жаль, что скоро ветры злые
Пригонят с севера дожди,
Сорвут одежды золотые...
Развеют, словно конфетти.
И солнце скроется за тучей,
И птицы к югу полетят.
Морозцем первым, но колючим
Зима заворожит наш сад.
Как хорошо, шурша листвою,
Бродить и слушать тишину.
А тихо так, что слышно птицу,
Взмывающую в вышину.

«МОЯ МАМА» — *так назвала свой рисунок десятилетняя Наташа ТАРАСОВА.*

Водлозеро

Озеро это в Карелии.

Был я там прошлым летом. Помню, как мы плыли по Водлозеру на рыбачьем катере.

Небо светлое, вода спокойная. Бежит катерок с двумя лодочками. Проплывают острова и островки. Позади уже и Люль-остров, Шуй-остров, Пелы-остров.

Поднялись утки. Пролетела гагара. Откуда-то налетели чайки на косяк рыбы. С криком выхватывают они из воды рыбешек.

Уплывают острова, и опять гладь воды.

Плывем, а навстречу островки, острова. На одном из островов дома, сарайчики. У воды бегают дети, собаки. На другом среди темных елей — Ильинский пост.

Рыбаки на лодках проверяют мережи, потом возвращаются к катеру. В лодках судаки, щуки, крупные окуни и всякая рыбья мелочь. Рыбу раскладывают по ящикам.

Но уже виден берег. На берегу покосившаяся изба, копны сена. Пасется лошадь.

Ночуем мы на берегу.

Вспоминаю сейчас деревни Кугана-Волок и Ряболахта с баньками у самой воды. И последний вечер на Водлозере. Над лесом висела луна. По озеру плыла лодка, оставляя светлый след. Слышалось звяканье цепи, лай собак. Звуки, казалось, таяли в теплом воздухе.

П.БАГИН.

Рисунки автора.

рыболовный бот бригады Кости Белкина

МРБ-393

Замечательные лодки-водлозерки делает Елисеев Иван Петрович. Лодки получаются красивые и надежные

вытягивают мережу

Редакции журналов «Пионер» и «Природа и человек» объявляют совместную экспедицию «ЗЕЛЁНАЯ КАРЕТА»

РЕБЯТА! НУЖНА ВАША ПОМОЩЬ! СРОЧНО! БЕЗОТЛАГАТЕЛЬНО!

...Впрочем, все по порядку.

Мы, сотрудники журналов «Пионер» и «Природа и человек» (может быть, вы слышали, что есть такой взрослый интересный журнал?), дружим.

Однажды гуляли мы, беседовали, как вдруг слышим: кто-то хнычет. Посмотрели направо — никого. Налево — пусто. Глянули под ноги, удивились: сидит на тротуаре лягушонок и плачет.

— Привет, дружок! — окликнули мы несчастного. — Чего ревешь?

Он поднял на нас тоскующие глаза:

— Я потерял Зеленую Карету.

— Ну и ладно,— решили мы успокоить его.— Хочешь, покатаемся на метро, троллейбусе, автобусе, трамвае или даже на маршрутном такси?

— Нет! — заплакал лягушонок еще горше. И мы, подумав, поняли: серьезное тут дело, одним катанием на общественном транспорте не обойтись.

Оказалось, лягушонок — сын Зеленого Короля, у которого есть чудесное Зеленое Царство, а кроме лягушонка (кстати, его зовут Ир), одиннадцать сыновей и дочерей. Зеленая ящерица Пепси, зеленый попугай Кола, зеленый крокодил Тиви, зеленый кузнечик Тритутик и так далее... Любимый цвет Зеленого Короля — зеленый. Поэтому почти все в его Царстве — и дворец, и одежда, и посуда, и кареты — зеленое. Нет, конечно, есть в этом удивительном Царстве иные цвета, а все же любимый королевский цвет... Но об этом вы уже знаете.

Зеленый Король строго-настрого запретил своим детям кататься в одиночку на зеленых каретах. «Вы можете случайно пересечь границу нашего Царства, в котором чистые леса и реки, чистые, незадымленные города, миллионы цветов, и соловьи поют в кустах на городских проспектах, а люди умеют жить в дружеском согласии с природой,— итак, можете пересечь границу и попасть в такие города, села, районы, где природа изранена, где дым, копоть, мусор, мутная вода — спутники человека. В таких местах наши цветущие зеленые кареты гибнут, и вы вряд ли сможете найти обратную дорогу домой»,— говорил детям Зеленый Король.

Но лягушонок Ир не послушался мудрого отца. Сел на облучок Зеленой Кареты, покатил с песенками по дорогам Зеленого Царства, заблудился и вдруг — бац — пересек невидимую границу, оказавшись на тротуаре в нашем городе...

— Я испугался, упал с облучка, а когда пришел в себя,— Карета исчезла. Теперь она погибнет. А я никогда не вернусь домой! — закончил свой рассказ зеленый королевский отпрыск.

Да, чуть не забыли: поскольку Зеленая Карета родом из удивительного Зеленого Царства, то обладает одним волшебным свойством: она всегда появляется там, где природе грозит опасность. Горит ли костер, рубят ли лес, загрязняется ли промышленными отходами река, коптят ли заводские и фабричные трубы, возникают ли неучтенные свалки — Зеленая Карета тут как тут. И она начинает вянуть: жухнут ее цветы и травы, осыпаются невызревшие плоды. Ведь не может же одинокая Карета — четыре колеса, пара дверок — помочь горящему лесу, грязной реке, задымленному городу! УВЯДАЮЩАЯ ЗЕЛЕНАЯ КАРЕТА — ТРЕВОЖНЫЙ СИГНАЛ, ЗНАК БЕДЫ...

Ребята! Приглашаем вас отправиться с нами в путешествие в увлекательную экспедицию, конечная цель которой — ЗАЩИТИТЬ НАШУ РОДНУЮ ПРИРОДУ ОТ ЗАГРЯЗНЕНИЙ.

Предлагаем вам взять в союзники взрослых: родителей, старших братьев и сестер, знакомых, учителей, пионерских вожатых и всех тех, кто по долгу службы призван охранять природу.

Это и врачи санэпидстанций, которые есть в любом городе и районе. И сотрудники региональных инспекций по охране атмосферного воздуха Госкомгидромета СССР, работники бассейновых управлений, занятых охраной чистоты рек и озер вашего края. А также ученые, лесники, охотоведы, рыбинспектора, сотрудники милиции. Думаем, они не откажут вам в сотрудничестве: журнал «Природа и человек» в № 10 за этот год предупредит их о том, что к ним придете вы, юные защитники природы.

Дорогой друг!

Если ты и твои друзья решили

— отправиться на поиски Зеленой Кареты,

— участвовать в нашей совместной экологической экспедиции, а значит, помогать природе,

— ВНИМАТЕЛЬНО ОЗНАКОМЬСЯ С ПЕРВЫМ ЗАДАНИЕМ ЭКСПЕДИЦИИ «КАРТА».

Цветущая Зеленая Карета может оказаться в любой точке нашей страны и погибнуть, попав в загрязненное место. Например, на свалку, костровое пепелище, вокруг которого набросаны пустые консервные банки, яичная скорлупа, рваные полиэтиленовые мешки, в задымленную часть города, на берег реки, превращающейся в болото, в затоптанный, неухоженный сквер,— одним словом, туда, где похозяйничал не думающий о последствиях «царь природы».

Итак, для того, чтобы Зеленая Карета не погибла, не завяла там, где ты живешь, дорогой друг, СОСТАВЬ КАРТУ СВОЕЙ МЕСТНОСТИ И ОБОЗНАЧЬ НА НЕЙ ТЕ МЕСТА, КОТОРЫЕ, НА ТВОЙ ВЗГЛЯД, ОПАСНЫ ДЛЯ ЖИЗНИ КАРЕТЫ. Например, как это показано на рисунке.

Карту рисуй под копирку; один экземпляр оставь себе, второй **пришли в редакцию журнала «Пионер».** Если лягушонок Ир и мы, сотрудники дружественных редакций, настигнем Зеленую Карету, то будем знать, по каким дорогам выводить ее в родное Зеленое Царство. Ведь у нас будут ваши карты, ребята.

А ты, дорогой юный эколог, будешь знать, где в твоем районе, селе, городе, деревне — в твоей местности есть очаги загрязнений. **А как с ними бороться, мы поговорим в следующих выпусках нашей рубрики.**

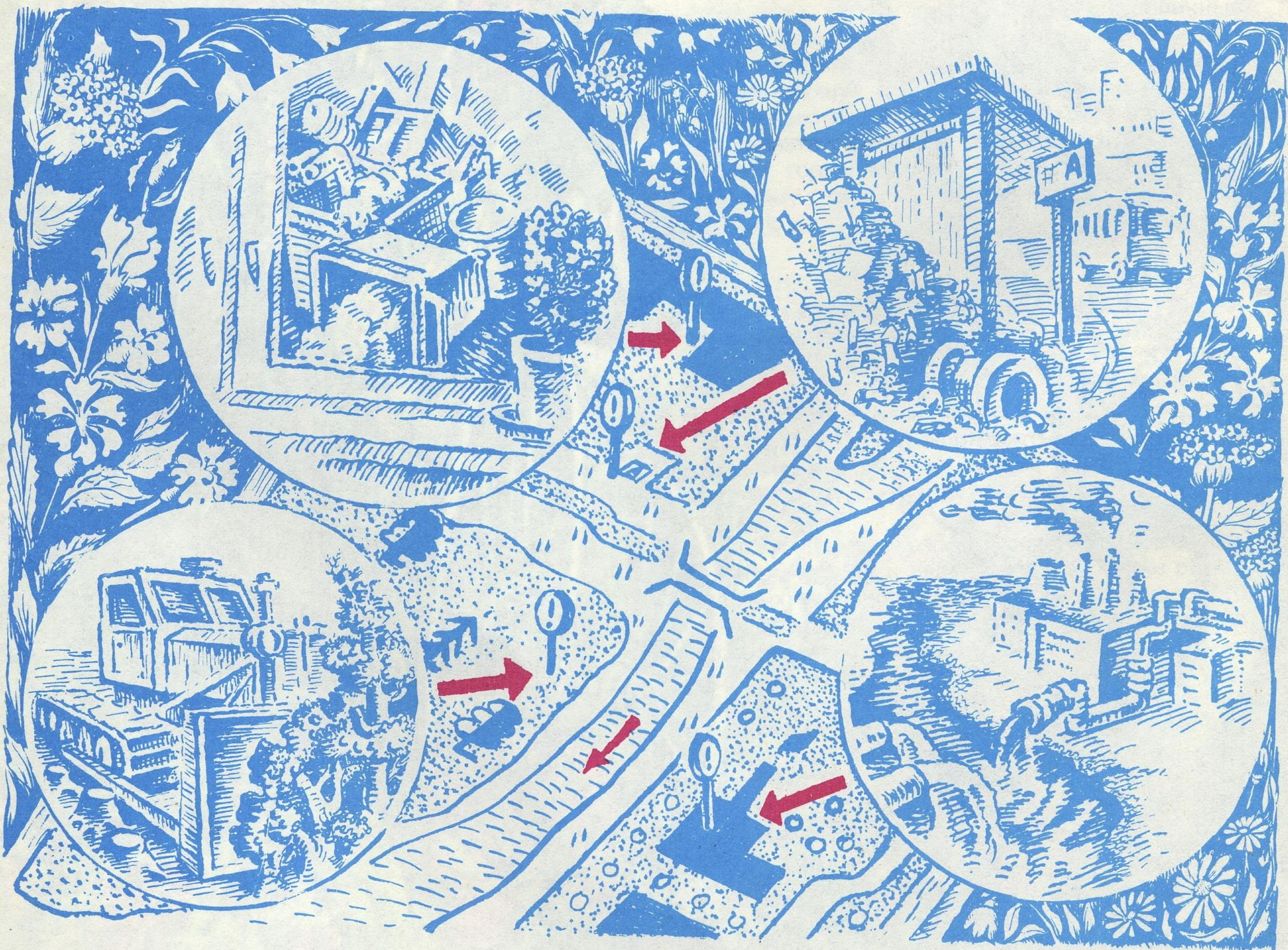
И еще ОТВЕТЬ НА НАШИ ВОПРОСЫ.

1. Твои фамилия, имя, домашний адрес.
2. Что необходимо, на твой взгляд, защитить в том месте, где ты живешь: лес, реку, поле, сквер, парк, улицу,— и почему? (Расшифруй свои обозначения на карте.)
3. Как ты и твои товарищи, а также взрослые, которые включились в нашу экспедицию, думают оберегать и защищать природу? Есть ли у вас свой план действий? Какой он?

А пока ты принимаешь решение, быть с нами вместе или не быть, пока пишешь нам письмо, мы, сотрудники дружественных журналов и лягушонок Ир, двинулись в путь на поиски Зеленой Кареты.

Читаете ли вы журнал «Природа и человек»? Часть заданий, комиксов по нашей экспедиции будут публиковаться там.

Лучший экологический отряд за активную работу по защите природы будет награжден в 1988 году поездкой в один из заповедников страны.

Рисунки В. БЕРСЕНЕВА.

Алексей ГЛЕБОВ

РОДНИЧОК

Жарким июльским днем возвращались мы как-то с охоты: мой двоюродный брат Николай, его сын Сережка и я... Бродили долго, заблудились, и всем страшно хотелось пить. Жара стояла такая, что до ружейных стволов дотронуться нельзя. Обжигало. Пробираясь по зарослям мелкого кустарника, который рос вперемежку с дикой малиной и крапивой, мы искали дорогу к своей деревне. На всем пути — ни речушки, ни ручейка, ни канавки.

— К леснику бы, к Евстигнею, выйти,— сказал Николай.— У него так: к дому подходишь, а ребятишки уже бегут — кто с ковшом, кто с кружкой. И все пить несут. Самый маленький, так тот нагишом ковыляет, тоже с кружкой... И пока пьешь, ребятишки с великим любопытством тебя разглядывают... Редко им людей-то приходится видеть, вот и разглядывают. Они у него не то что в городе, в деревне ни разу, кроме старшего, не были...

Напоминание о леснике и его ребятишках, которые пить выносят, еще больше распалило жажду, и мы решили поскорее выбраться на проселочную дорогу, чтобы прямиком шагать до любой первой попавшейся деревни.

За кустарником оказался луг, где паслось стадо.

— Чье стадо? — спросили мы пастуха.

— Вепревское. А вы откуда будете?

— Из Семлевки... Заблудились маленько.

— Эка куда вас занесло... До Семлевки напрямик километров восемь будет. А дорогами так и все пятнадцать...

— Где бы напиться тут поближе? — спросили мы пастуха.

Он подумал и ответил:

— До Вепрева километра четыре... Да вам не с руки в Вепрево... Держитесь вон на ту гривку.— И показал на кудрявившийся невдалеке лесок.— Там у горелой сосны родничок есть. Вот и напьетесь... А из леска влево возьмите и шагайте прямо на телешовскую водокачку, она видна будет... А от Телешова до вашей Семлевки рукой подать...

Посоветовавшись, мы пошли к лесу, как подсказал пастух. Решили развести там костерок, сварить по-охотничьи, в золе, двух подстреленных дупелей, напиться у родника и шагать напрямик к своей Семлевке.

Войдя в лесок, мы долго искали родник и не нашли. Никакой горелой сосны не было. Да и лесок оказался не такой уж маленький. Попав в чащобу, мы чуть не заблудились окончательно. Но более всего нас мучила жажда.

И тут Сережка вдруг закричал:

— Ура, вода!

Обрадовавшись, мы подбежали к нему: у ивового куста поблескивала канавка, а в ней мутная тепловатая жижа на донце. Но как нас ни мучила жажда, воду эту мы пить не стали.

— Терпите, ребята,— сказал Николай.— Не Сахара ведь. Найдем что-нибудь почище.

Мы снова стали искать воду, не теряя надежды, что найдем родник.

Сережка несколько раз подзывал нас и показывал канавки с мутной, грязной, а то и протухшей водой, но, несмотря на то, что во рту было сухо, воду эту мы пить не смогли и твердо решили во что бы то ни стало отыскать родник.

Прочесали весь лес. Искали долго и упрямо. Несколько раз выходили на опушку, но ни горелой сосны, ни родника нигде не было. Может, пастух перепутал что-нибудь, рассуждали мы, может, сосна давно была горелая, а сейчас позеленела уже, а то и вовсе никакой сосны нет, но почему-то верилось, что родник есть.

Вечерело, жара немного спала, и мы опять вышли к лугу. Пастух уже угнал коров к деревне. Вдалеке в лучах закатного солнца розовела пыль, поднятая стадом. Слышались сухие щелчки пастушьего кнута.

Мы чуть было не сдались и не пошли по направлению стада, в Вепрево, но какое-то упрямое желание найти родничок толкало нас обратно в лес, да и путь до нашей деревни, по словам пастуха, через лес был намного короче.

И мы снова стали искать родник... И когда уже солнце село, Николай увидел небольшую, обгорелую с одного бока сосенку, рядом с ней чернело пепелище от костра, а шагах в двух от него, в ложбинке, бормотал родничок. Прозрачная, будто серебряная струйка пульсировала небольшим фонтанчиком и снова уходила в землю.

Такой воды я не пил никогда. Она была вкусная и прохладная...

— Вот это водичка,— напившись досыта, облизывая губы, засмеялся Сережка.— Всю жизнь бы пил...

— И правда, хороша,— переведя дух после питья, согласился Николай.— Я в Средней Азии в армии служил, там есть вода — на всю Азию славится... Но эта вкуснее... Верно говорю — вкуснее... Но и искали мы ее долго,— добавил он.— Давно бы дома были.

— Не беда,— ответил Сережка.— Зато какой водички напились, вся усталость улетучилась.

И верно, мы чувствовали себя бодрыми и повеселевшими, было приятно сознавать, что родник все-таки нашли. И какой родник!

В Семлевку пришли уже поздно. В окнах горели огоньки. Из клуба глухо доносилась музыка какого-то кинофильма. Сережка прислушался.

— Жалеешь, что в кино опоздал? — спросил Николай.

— Нисколечко,— ответил Сережка, и я поверил ему, хотя знал, что он до страсти любит смотреть кино.

Рисунок Н. ШЕВАРЕВА.

«В АМЕРИКЕ У НАС НЕ БЫЛО БУДУЩЕГО...»

Семья Локшиных: год в Москве

— Как прошел твой первый год в советской школе?

Немного смущаясь, пятиклассник одной из московских школ Джеффри Локшин ответил по-русски:

— Да ничего особенного. Было, конечно, трудно из-за языка, но теперь уже легче.

Внешне он, пожалуй, ничем не отличается от своих сверстников. Живой, энергичный и любознательный, как любой московский мальчишка.

Осенью прошлого года в советское посольство в США обратился ученый-онколог Арнольд Локшин с просьбой предоставить ему и его семье политическое убежище. Он рассказал, что уже длительное время подвергается преследованиям за свои прогрессивные взгляды. А жизнь в обстановке, когда тебе и твоим близким угрожают расправой, невозможна. В довершение ученого уволили из госпиталя в городе Хьюстон, где он возглавлял лабораторию, а результаты его опытов уничтожили.

— В Америке у нас не было будущего. Поэтому мы были вынуждены принять сложное для нас решение — покинуть родину,— рассказывали Арнольд и Лорен Локшины.— Встал вопрос: куда ехать? На семейном совете решили: в Советский Союз. Почему? Во-первых, наша личная безопасность здесь не вызывала сомнений — длинные руки американских спецслужб не смогут достать нас. Во-вторых, проблема работы. Всему миру известны успехи советской медицины, поэтому Арнольд мог рассчитывать на интересную работу по специальности. В-третьих, мы всегда испытывали симпатию к СССР, да и к тому же родители Арнольда — выходцы из России.

И вот прошел год, как семья Локшиных в Москве. Арнольд заведует лабораторией во Всесоюзном онкологическом научном центре Академии медицинских наук СССР.

— Я с полной силой вновь работаю,— говорит он,— мне создали отличные условия. В лаборатории — приятные и очень толковые сотрудники.

Когда мы навестили семью Локшиных, одна из комнат их квартиры напоминала филиал почтового отделения: их буквально засыпали письмами. Интерес к ним по-прежнему не ослабевает: со всех концов страны приходят письма, многие из которых адресованы детям. Советские ребята хотят побольше узнать о том, как живут и учатся они, чем интересуются, что их волнует. Предлагают переписываться, зовут к себе в гости в пионерские дружины, клубы интернациональной дружбы.

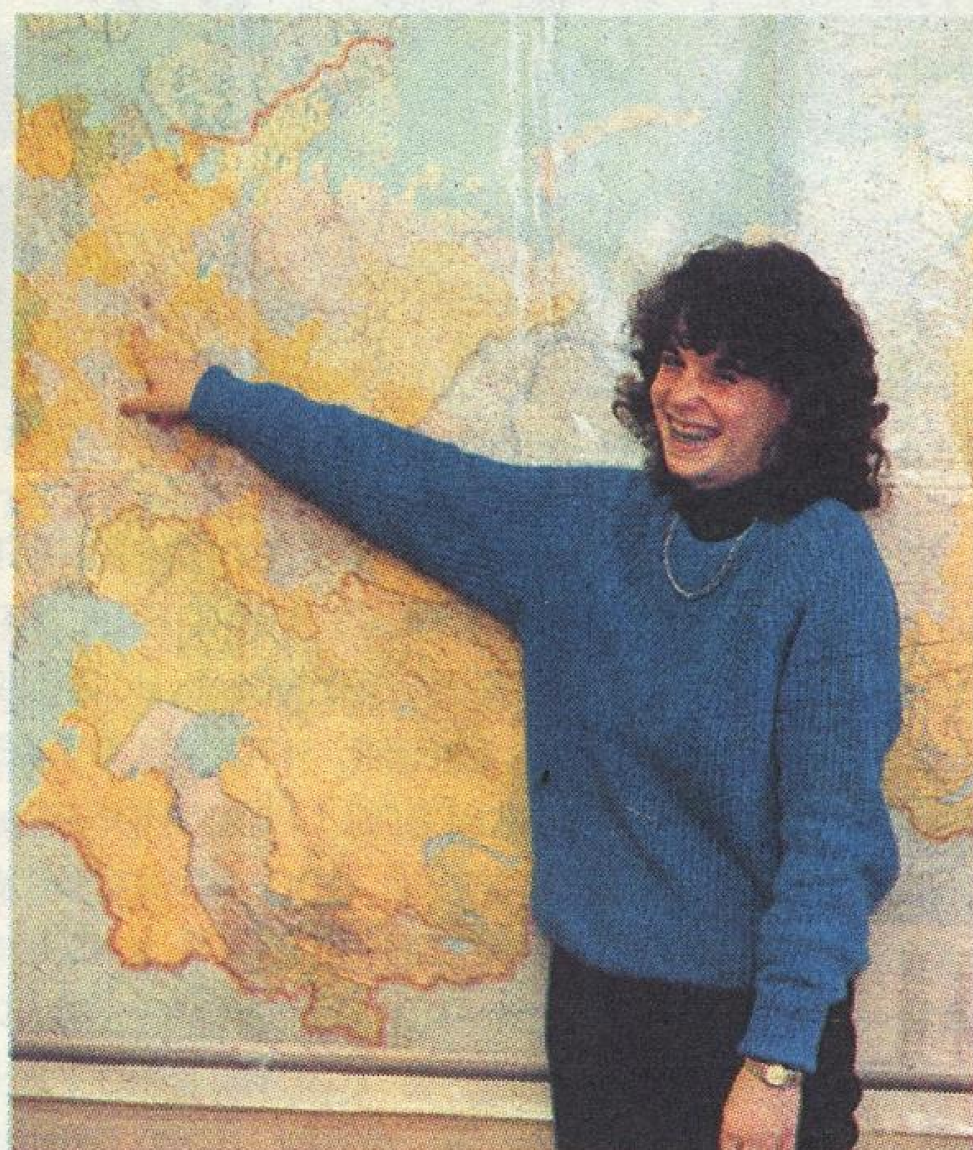
По заданию журнала «Пионер» мы встретились с младшими Локшиными и попросили их рассказать о себе.

Начал шестилетний Майкл:

— Я хожу в детский сад неподалеку от дома. Думал, что осенью пойду в школу, но мама и воспитательница говорят, что надо еще походить в сад, чтобы лучше научиться говорить по-русски и не отставать потом в классе. Сейчас я учусь читать. Знаю уже все буквы, многие из них похожи на английские. Вечером играю с братом в шахматы или смотрю «Спокойни» (так в семье называют передачу «Спокойной ночи, малыши!»). Мне нравится помогать маме мыть посуду, убирать квартиру, выносить мусор в мусоропровод. Во дворе у нас есть домики из бревен, горки, качели. Иногда мама сердится, когда я долго играю во дворе с ребятами, но это потому, что она беспокоится обо мне. А вообще в Москве мне очень нравится. Зимой я научился играть в снежки и лепить снеговика.

В разговор вступает Джеффри:

— Учиться в советской школе интересно. Правда, в отличие от американской школы здесь очень мало или даже лучше сказать почти совсем нет компьютеров, а ведь с ними так удобно, можно играть и разговаривать. Мне очень нравится, что советские школьники, как и мои друзья, что остались в Хьюстоне, помогают друг другу. Бывает, правда, что ребята ссорятся, но это случается со всеми мальчишками — подуются немного и снова вместе. Зимой я ходил во Дворец пионеров на Ленинских горах в шахматный кружок.

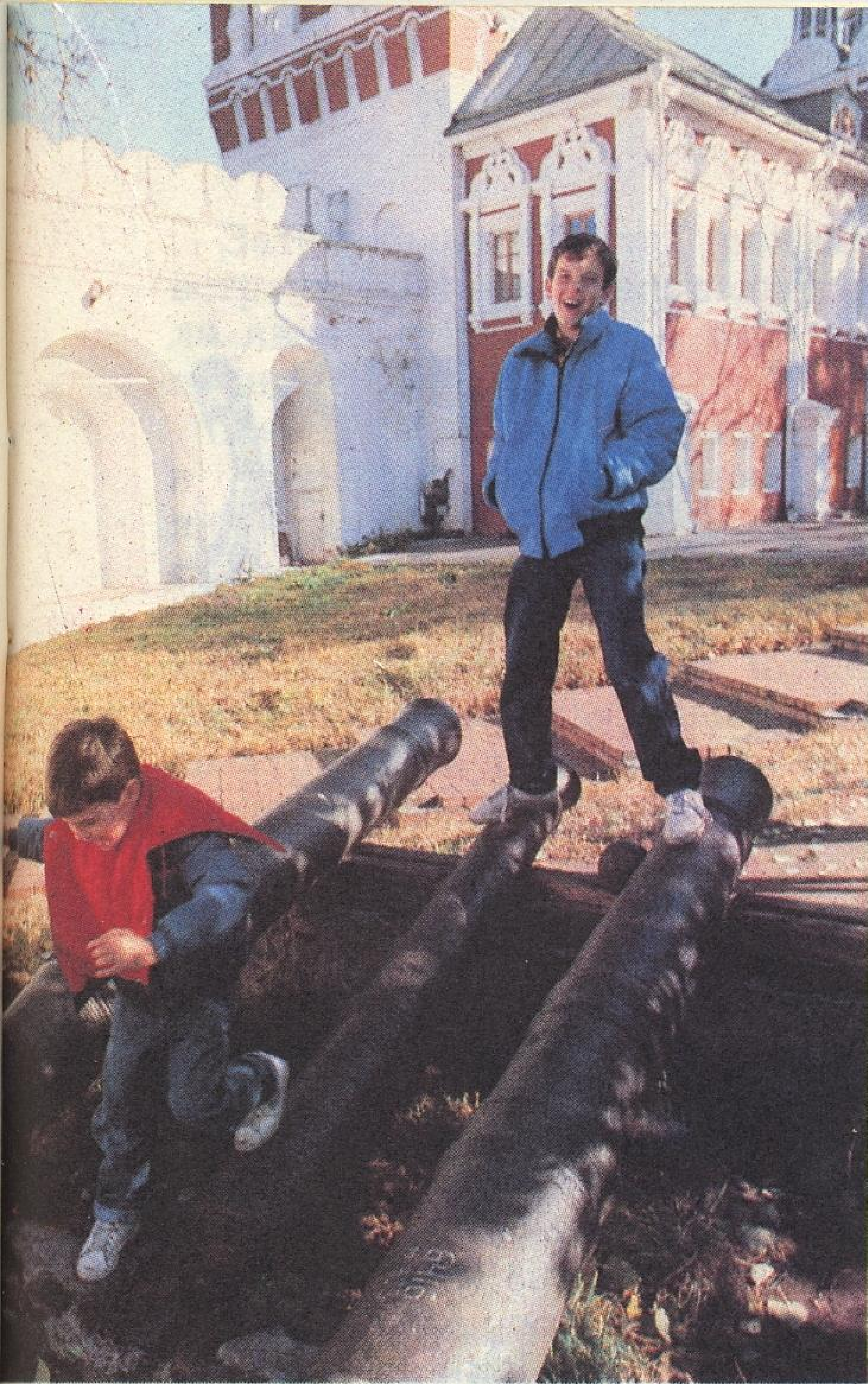

— А как ты общался там с товарищами?

— Ну, как... Как все. Немного по-английски, немного по-русски, и взрослые помогали. Я не боюсь говорить по-русски, пусть даже с ошибками. Самое главное, чтобы было желание понять друг друга.

Старшая из детей Локшиных — Дженнифер. Ей уже шестнадцать, и она острее и серьезнее, чем младшие братья, воспринимает все, что происходит вокруг.

— Несколько лет назад умерла моя бабушка,— рассказала она.— Она умерла от рака. И когда я узнала, что в бывшей

папиной лаборатории в Хьюстоне уничтожили все результаты опытов, которые он вел, чтобы приблизить победу над этим страшным заболеванием, я плакала от обиды, горя и неспособности что-либо изменить.

Я задавала себе вопрос: неужели можно вот так, просто взять и все уничтожить, когда тысячи людей страдают и умирают? Зачем тратить столько денег на оружие, на никому не нужные вещи типа военных ракет? Я ненавижу несправедливость, мне всегда не нравилось, когда люди живут, не думая о других. Здесь, в Советском Союзе, я поняла, что есть люди, которые живут и думают по-другому, не так, как американцы. И это мне очень приятно.

Дженнифер начала заниматься на подготовительном факультете Московского государственного университета. Появились новые друзья, новые впечатления.

— Нельзя сказать, что мне нравится в Советском Союзе абсолютно все,— говорит она.— Есть вещи, которые для меня просто неприемлемы. Например, преклонение некоторых молодых людей перед Западом. У нас на подготовительном есть такие, которые не мыслят своей жизни без «фирменных» тряпок, импортной музыки. Любят они на досуге поругать порядки в своей стране и повздыхать о сладком бытии за границей. Но ведь это же всего лишь мишура! Они даже не могут себе представить, что такое бояться выйти на улицу с наступлением темноты — тебя могут избить, оскорбить, ограбить. Они никогда не видели и не увидят очереди голодных за миской похлебки в благотворительной кухне Армии Спасения, бездомных, ночующих на решетках метро, нищету, опустившихся наркоманов, всеобщую ненависть и безразличие друг к другу... Может быть, моя оценка будет чересчур личной, но мне кажется, что этим ребятам все слишком легко досталось в жизни и сами они ничего еще для нее не сделали. Не подумайте, что я какая-то странная и несовременная. Я тоже люблю хорошо и красиво одеваться, мне нравится рок-музыка, я не прочь повеселиться и потанцевать, словом, жить, так же, как и вся молодежь. Но при этом я знаю, что только такой строй, как у вас, может дать человеку настоящую свободу — свободу самому строить свою жизнь. Каждый у вас в стране может, не беспокоясь за будущее, искать свое место в жизни, творить, пробовать, начинать сначала. И это только потому, что каждый знает, что его будущее обеспечено и защищено самым справедливым строем — социализмом.

...Эта встреча с семьей Локшиных проходила в конце мая, когда планировался летний отдых. Родители хотели, чтобы сыновья побывали в пионерском лагере, а потом отдохнули вместе с ними на юге.

— Я думаю, что сейчас все родители заняты решением этой проблемы — как их дети проведут лето,— сказал при прощании глава семьи Арнольд Локшин.— Поэтому знайте: мы такие же, как все. Единственная разница в том, что говорим по-русски немного хуже, чем по-английски. Но ничего, это дело поправимое. Все придет со временем.

И вот снова осень. Год жизни в СССР позади. Для младших Локшиных он стал открытием другого, может, даже и несколько непривычного для них мира. Майкл и Джеффри с удовольствием вспоминают свое первое «пионерское» лето. По утрам Майкл отправляется в детский сад. Прибавилось забот у Джеффри: ведь он теперь шестиклассник. Продолжает учебу на подготовительном факультете Дженнифер, которая мечтает стать студенткой. Пожелаем же им успехов!

Андрей АНТОНОВ,
Татьяна ГЕРАСКИНА.

Фотографии Б. КАВАШКИНА и В. ХРИСТОФОРОВА.

Александр **ОВЧАРЕНКО**

ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ ЛОТОС

ПОВЕСТЬ

Окончание. Начало в № 9.

Рисунки А. МЕЛИК-САРКИСЯНА.

Квартира Нгуенов состояла из двух небольших комнат и совсем крошечной кухни. Мебель у них была тоже скромная, только самое необходимое. Украшали жилище лишь несколько акварелей и картин на шелке, расписанные тростниковые шторы в дверных проемах да разноцветные циновки на полу.

Пока Тыонг и взявшиеся помогать ей Вера Борисовна и мать накрывали на стол, Сережа разговаривал с девочками в комнате Лиен. Ту и Нгует разглядывали его во все глаза и наперебой рассказывали о себе. Лиен переводила, не поспевая за их речью.

...Вся семья Ту — а была она довольно многочисленной — погибла сразу: в их тростниковую хижину угодила бомба, сброшенная с американского самолета. Ту перед этим ушла в другой конец деревни к родственникам и во время бомбежки сидела с ними в погребе. Через несколько дней бомба разнесла дом родственников. И опять Ту повезло — перед бомбежкой она вышла из дома. Девочку приютили соседи. Потом Ту увезла к себе в Сайгон старшая сестра, служившая в отеле... Однажды на отель — в нем жили американские офицеры — напали патриоты. В завязавшейся перестрелке сестра Ту погибла. Говорили, что она помогала партизанам организовать эту операцию.

Отец Нгует, опытный боец, руководил подпольной группой, устраивавшей диверсии в тылу врага. «Черные каски» схватили его и казнили. Опасаясь за Нгует и ее мать, товарищи переправили их в уезд Кути, где в пещерах находился целый партизанский город и откуда бойцы Фронта совершали налеты на врага. Незадолго до конца войны мать девочки, простудившись, умерла. Маленькая Нгует вошла в освобожденный Сайгон весной 1975 года вместе с бойцами Народной армии...

Девочки говорили, что живут в детском доме весело и интересно. Да и скучать-то им некогда: учатся в школе, ухаживают на хозяйственном дворе за птицей и поросятами. Есть у них и огород, целый мау — треть гектара, там растут огурцы, помидоры, золотые — очень сладкие — бататы. Ребята постарше работают в столярной и слесарной мастерских, младшие занимаются плетением из рисовой соломки.

Сережа пообещал присылать им книги, открытки. В самом деле, почему бы не организовать в своей школе заочное шефство над хошиминским детским домом? Да ребята ухватятся за эту идею обеими руками!..

Он давно уже присматривался к висевшей на стене фотографии человека в военном шлеме и клетчатом, популярном у вьетнамских партизан шарфе вокруг шеи. Особого сходства между мужчиной и Лиен не было, но Сережа решил, что это, вероятнее всего, отец именинницы. Так оно и оказалось.

Лиен рассказала, что будущие ее отец и мать впервые встретились на знаменитой «тропе Хо Ши Мина» — дороге из Северного Вьетнама в Южный, проложенной вдоль хребта Чыонгшон в неимоверно трудных условиях. Этой тщательно замаскированной тропой шли на помощь защитникам «бронзовой цитадели отчизны» — южной части разделенной по реке Бенхай страны — бойцы Народной армии, доставлялись боеприпасы и продовольствие. Там, где бессильна была техника, люди многие километры несли груз на себе, обычно с помощью бамбуковых коромысел. Бомбардировки с «летающих крепостей» Б-52, химические атаки, тропические ливни и наводнения — все пережила дорога. Линь руководил здесь бригадой строителей-добровольцев, в которую направили Тыонг. Он был рабочий с освобожденного Севера, она — студентка с оккупированного американцами Юга. Во время антивоенной демонстрации в Сайгоне полицейские избили ее дубинками и арестовали. Три месяца, проведенные в застенке, не сломили Тыонг. Товарищи помогли ей перебраться в горы, в партизанскую зону.

Пройдя подготовку в отряде особого назначения, где ее научили метко стрелять, обращаться с взрывчаткой, Тыонг стала разведчицей.

Как-то, возвращаясь с очередного задания, Тыонг заметила низко летящие американские самолеты. За тяжелыми машинами тянулся широкий белесый шлейф, медленно опускающийся на землю. Тыонг юркнула под ближайшее дерево. Белый туман, клубясь, пополз по траве. Глаза Тыонг обожгло чем-то нестерпимо едким, она задыхалась от сильного чесночного запаха. Листья на дереве обуглились и опали. Уже теряя сознание, разведчица прикрыла голову сорванным с шеи платком и побежала.

На другой день Тыонг видела это место: ствол дерева, под которым она пряталась, рассыпался в черный прах, вокруг валялись мертвые птицы, недалеко в озере плавала вверх брюхом отравленная рыба... Как уцелела она сама, Тыонг не знала. Разводили руками и партизанские врачи: чудо, да и только! Почему в глазах некоторых, более опытных из них она читала тревогу и сочувствие, Тыонг поняла гораздо позже...

Затем были Сайгон, рождение дочери, редкие встречи с Линем, тоже разведчиком. Она содержала явочные квартиры, передавала подпольщикам ценные разведданные.

Перед осенним праздником Тет 1974 года они в очередной раз поменяли квартиру: прежней явке, как предупредили товарищи-подпольщики, грозил провал. Лиен шел тогда седьмой год.

Единственное окно их комнаты в мансарде ветхого дома выходило на шумную улицу. Ночами Лиен пугали пронзительные свистки полицейских, по утрам она просыпалась от топота деревянных сандалий спешащих на работу людей.

На первом этаже дома жил страшный старик горбун с неестественно красным ртом. Среди дворовой малышни ходил слух, что горбун ловит детей и высасывает из них кровь: от нее, дескать, такой рот... Много времени спустя мать объяснила Лиен: губы старика были в соке бетеля — жвачки из смеси растертых плодов арековой пальмы, извести и листьев перечного растения, которую горбун беспрестанно перемалывал редкими кривыми зубами.

Тем утром красногубый горбун свежевал во дворе собачью тушку, чтобы полакомиться ею в обед. Лиен, вышедшая погулять, хотела незаметно прошмыгнуть мимо него, но старик схватил ее за руку. Сердце девочки остановилось от страха. Горбун подвел Лиен к ограде из подстриженного кустарника ганга, показал желтым пальцем на прохаживающегося вдоль улицы щуплого лысого человека и пробормотал непонятные слова. Она не сообразила тогда, что старик хотел предупредить ее о грозящей отцу и матери опасности.

Линь появился вечером, расцеловал жену, несколько раз подкинул на руках обрадованную его приходом дочь. От него пахло джунглями. Когда он прижал Лиен к груди, она тельцем ощутила металл оружия под отцовским пиджаком.

Тыонг подала в пиале дымящийся, только что с огня, любимый мужем суп фо, который всегда прибавлял ему сил. Линь жадно, обжигаясь, ел острый мясной отвар с лапшой. Едва он принялся за чай, как в дверь настойчиво постучали. Линь вскочил из-за стола, выхватил тяжелый черный пистолет, но, бросив взгляд на жену и дочь, сунул его назад.

Тыонг открыла дверь. Перепуганная соседка, добрая хлебосольная тетушка Тхи, сообщила: горбун просил передать, что дом окружают «черные каски». Линь кинулся к окну. Во дворе суетились полицейские, ими руководил щуплый лысый человек.

Линь попросил тетушку Тхи спрятать у себя жену и дочь, а сам забаррикадировался в комнате.

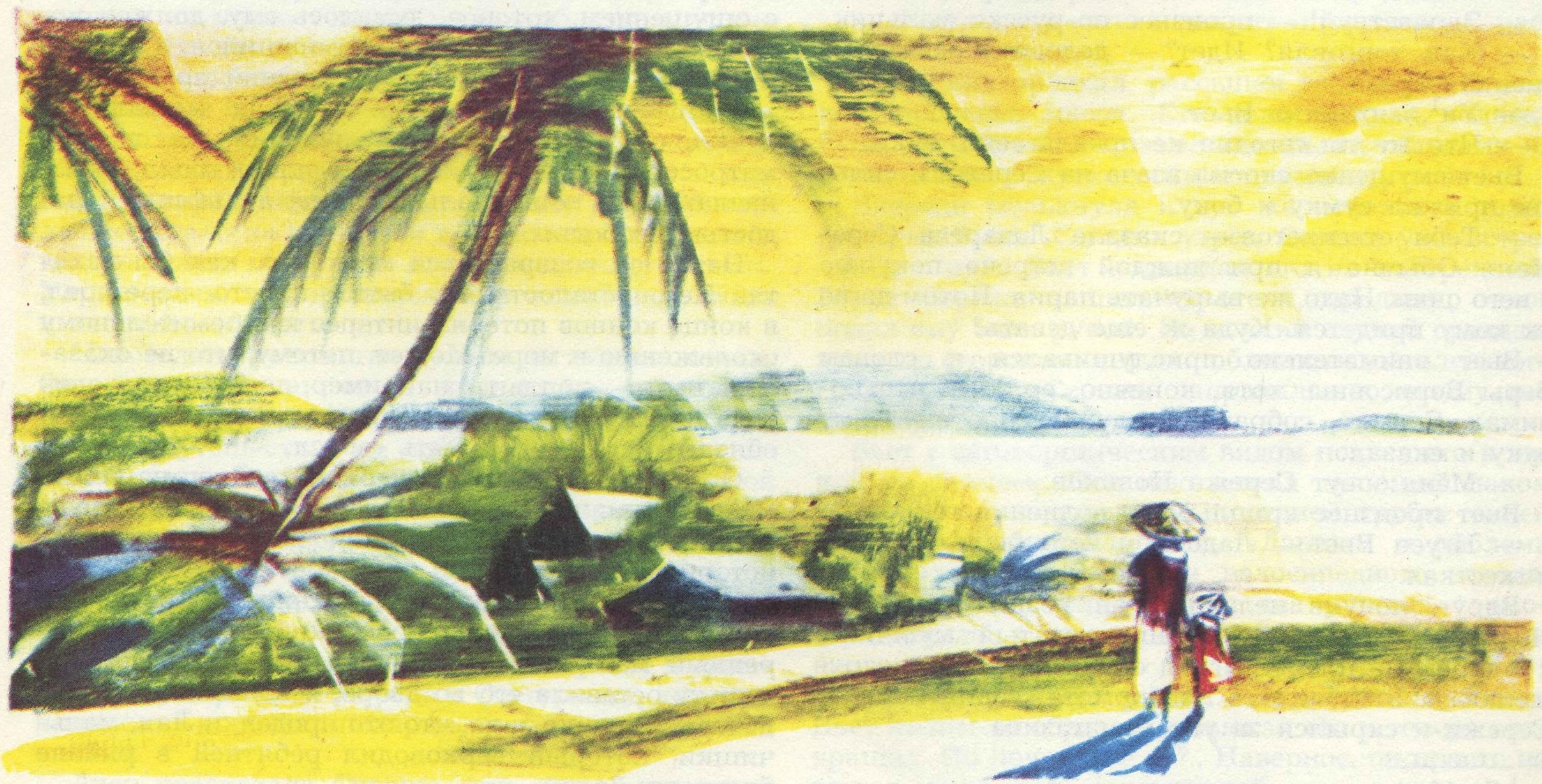
Около получаса сотрясала дом перестрелка. Все это время Тыонг, кусая губы, не отходила от окна. Потом позвала дочь, жавшуюся к тетушке Тхи, и произнесла, показывая на улицу: «Смотри. И запомни на всю жизнь!»

Раненного в плечо и ногу, избитого Линя выволокли из дома трое полицейских. Во дворе стоял закрытый автомобиль, на его окнах были решетки. Лысый о чем-то спросил Линя. Тот отрицательно мотнул головой и сплюнул кровью. Шпик ударил его ребром ладони по горлу. Обмякшее тело Линя запихнули в фургон. С тех пор Лиен больше не видела отца.

Когда с «острова смерти» Кондао донеслась весть о казни Линя, Тыонг не надела белой траурной одежды: она верила в возвращение мужа, ждала до последнего. 30 апреля 1975 года на острове вспыхнуло восстание. Среди освобожденных узников Линя не оказалось. И только тогда Тыонг надела белое платье. Такое же потребовала себе маленькая Лиен.

Белый цвет для вьетнамца не только знак траура, это еще и символ верности...

— Чем мы озабочены? — раздвинув тростниковую штору, к ним вошла Вера Борисовна. Из-за ее плеча выглядывала тщательно причесанная, на-

рядная Тыонг.— Хозяйка приглашает к столу — остывает пирог. А пирог, скажу вам...

* * *

При таможенном досмотре в аэропорту Шереметьево-2, несмотря на предупреждения всезнающего одноклассника Женьки Сурина, Сережа забыл достать из чемодана фотоаппарат и запасные пленки, они вместе с другими вещами попали под просвечивающее устройство. И теперь, перезаряжая «Зенит», Сережа вновь вспомнил об этом происшествии. Если пленки засветились, он вернется домой без единого снимка... Правда, Вера Борисовна успокаивала его: с нею такое случалось, и ничего, негативы получались вполне приличные.

Сережа с матерью должны были зайти за Лиен, затем втроем отправиться в госпиталь, где работала Вера Борисовна, чтобы оттуда с группой советских специалистов поехать к морю.

У магазина, в витрине которого красовалась написанная по-русски вывеска, Сережа увидел высокого худенького мальчика с отросшими до плеч волосами. На нем была чистенькая приталенная рубашка навыпуск и шорты. Локтем правой руки он прижимал к боку белую спортивную сумку.

Этого мальчика Сережа уже знал. Он частенько крутился возле отеля, с вежливой улыбкой предлагал туристам солнцезащитные очки, сигареты. Иногда Сережа замечал, что маленький торговец сопровождает его, держась на почтительном расстоянии. И начиналась игра. Словно не подозревая о преследовании, Сережа спокойно шел по улице, потом внезапно поворачивал назад и устремлялся навстречу торговцу очками. Тот нырял в первый попавшийся магазин и уже оттуда, затаившись, наблюдал за «ленсо».

Однажды Сережа был свидетелем непонятной ему сцены. Плетущегося за ним торговца очками остановил щеголевато одетый длинноволосый мужчина с кофром на плече — его Сережа тоже видел у отеля. Мужчина так сердито отчитал мальчика, что он испуганно съежился.

— Салют, Вьет! — сказала Вера Борисовна.

— Здравствуй! — произнес по-русски мальчик.

— Как торговля? Идет? — деловито осведомилась Лазарева.

— Уи[1],— ответил Вьет.

— Что же ты сегодня не предлагаешь очки?

Вьет смущенно скосил глаза на Сережу и сильнее прижал сумку к боку.

— Тебя стесняется,— сказала Лазарева Сереже.— Обычно я при каждой встрече покупаю у него очки. Надо же выручать парня. Потом дарю их кому придется. Куда ж еще девать?

Вьет внимательно прислушивался к словам Веры Борисовны, хотя, конечно, вряд ли что понимал. Сережа, собравшись духом, протянул ему руку и сказал:

— Меня зовут Сережа Новиков.

Вьет произнес хриплым от волнения голосом:

— Нгуен Вьет.— Ладонь у него была сильная и жесткая.

Вдруг, почуяв неладное, он резко обернулся. Недалеко от них стоял щеголеватый мужчина, с кофром на плече, взгляд его был тяжел, недружелюбен. Вьет, что-то пробормотав, попятился от Сережи и скрылся за углом магазина.

— Надо думать, хозяин Вьета,— кивнула Лазарева на мужчину с кофром.— Парнишка явно работает на этого спекулянта...

* * *

Путь до моря не был близким, но и не показался долгим, не утомил. Пассажиры автобуса всю дорогу шутили, пели. Сережа рассматривал плывущие мимо заросли джунглей, квадратики рисовых полей, деревеньки, как бы сошедшие с лаковых миниатюр. Шествующие по обочинам люди весело махали автобусу руками. Полуголая ребятня, поднимая пыль и что-то крича — различалось лишь знакомое «ленсо»,— подолгу бежала за машиной... Обогнали зеленый военный грузовик, в кузове которого сидели солдаты, на вид совсем мальчишки. Они приветствовали пассажиров автобуса поднятыми над головами автоматами.

— Вот такие парни и победили врага со всем его химическим оружием и сверхсовременной техникой,— сказала Сереже Вера Борисовна.

...На красном купальнике у Лиен был вышит крупный белый цветок лотоса. Она взяла Сережу за руку, и они пошли к морю.

— Похоже на наш Крым,— сказал Сережа, имея в виду Евпаторию, где часто отдыхал с матерью.

— «Артек»? — оживилась Лиен.

— «Артек» на Южном берегу Крыма. Пляжи там не из песка, а из гальки. Камень. Вот такой.— Он поднял попавшуюся под ноги мокрую гальку.— Смотри, он разноцветный и похож на глобус: коричневые горы, синие моря и реки, зеленые леса...

Галька высыхала на глазах, тускнела, точно покрывалась пеплом, и вскоре на ней не осталось ни гор, ни морей, ни лесов. Безликий серый камень, которому впору лежать в мостовой, среди тысяч других булыжников.

Сережа кинулся в воду, быстро поплыл, преодолевая встречное движение волн. Это было замечательно — теплое море зимой!

Если бы он верил в переселение душ, то непременно посчитал, что в прошлой своей жизни был дельфином, ибо всякий раз погружался в море с ощущением, которое, думалось ему, должен испытывать дельфин, долго томившийся в неволе и наконец вырвавшийся в океанский простор.

В отличие от Евпатории здесь не мешали ни буйки, обозначающие зону купания, ни свистки матросов-спасателей, и Сережа плыл, плыл, плыл, наслаждаясь этой шальной, этой дельфиньей радостью свободы...

Назад он возвращался медленно, как бы нехотя. Нет, усталости не было, просто перегорел, в конце концов потерял интерес к стремительному скольжению в море. Может, потому, что не оказалось цели — доплыть, например, до буя, а человек ведь все-таки не дельфин, и в том, что он делает, обязательно должен быть смысл.

Он вышел из воды и лег рядом с Лиен на песок. Его точила жалость к ней, такой тоненькой, хрупкой, носящей в себе тяжкий недуг. А тут еще история с велосипедом!

Вчера, когда он позвонил Лиен, она сказала, что у нее пропал велосипед, новенький «Дананг», подаренный матерью к дню рождения. Она всего на минуту оставила его во дворе, и велосипед тут же исчез... Лиен считала, что это проделки Лая, мальчишки, который верховодил ребятней в районе бульвара Лелой...

[1] Да *(фр.)*.

Уезжали они вечером. Сереже жаль было покидать побережье, невеселой была и Лиен. Через море, взломанное зыбью, бежала солнечная, словно вымощенная золотым булыжником, дорожка и звала туда, где призрачно маячили паруса сампанов — больших рыбацких лодок...

* * *

До Тета — Нового года по лунному календарю — было меньше недели, и город уже готовился к празднику. На цветочных базарах продавали карликовые мандариновые деревца с маленькими оранжевыми, вполне зрелыми плодами. Эти деревца для вьетнамцев как для жителей северных стран новогодние елки... То тут, то там оглушительно гремели петарды и хлопушки: нетерпеливая детвора не могла устоять перед соблазном испробовать их до наступления праздника (и заодно попугать прохожих). Все чаще встречались прикрепленные к рулям велосипедов и мотоциклов, к стеклам автомобилей веточки абрикосовых и персиковых деревьев с розовыми цветами — ими в дни Тета вьетнамцы украшают свои дома. Многолюднее стало на рынках и в магазинах, где хозяйки закупали продукты для праздничного стола. Украшением его является пирог из риса, мяса и овощей — баньтьынг.

Новогодние лакомства нужны не только людям. Они предназначаются и хранителю домашнего очага Тао, который должен отправиться в длительное путешествие на небо — сообщить Нефритовому императору о том, что на земле мир и покой и он может не волноваться за нее и за своих подданных. А петардами и хлопушками отпугивали злых духов, чтобы те не пробрались в новый год из старого, остались там навсегда со всеми неприятностями.

Это была красивая новогодняя сказка, наподобие сказки про Деда Мороза и Снегурочку, которые приносят в дома подарки и прячут их под елками.

Лиен рассказала Сереже, что, кроме весеннего Тета (полное его название Тет нгуен дан), у них еще есть очень популярный праздник Середины осени — Тет чунг тху. В этот день пекут из поджаренной рисовой муки сладкие пироги зео, начинку их составляют засахаренные кусочки дыни и тыквенные семечки. Но детей больше всего привлекает «гора сладостей» из любимых лакомств. Самый приятный момент праздника, когда «ломают гору» — разбирают из нее лакомства и раздают детворе.

«Гора сладостей» напомнила Сереже новогодние подарки — красочные увесистые пакеты с конфетами, фруктами, орехами, которые он получал сначала в детском саду, потом в младших классах школы.

— А почему названия ваших праздников начинаются со слова «тет»? — спросил он.

— Потому что «тет» и значит «праздник»,— рассмеялась Лиен.

Мимо них проехал, рассыпая звон колокольчиков, продавец масок. Его велосипедная коляска была увешана ярко размалеванными головами из папье-маше с жутко оскалившимися ртами.

Впереди мелькнула и тут же исчезла в толпе фигурка Вьета. Сегодня утром Сережа уже встречался с ним. Вьет поджидал его на набережной. Когда Сережа вышел из отеля, продавец очков подал ему знак рукой. На всякий случай оглядевшись по сторонам: нет ли поблизости щеголеватого спекулянта? — Сережа направился к своему новому знакомому.

Вьет с заговорщическим видом подвел его к одной из скамеек. Под нею лежал сияющий лаком и никелем велосипед. На передней трубке синей рамы красовались надпись «Дананг» и эмблема знаменитого во Вьетнаме велосипедного завода. Машина была великолепна: два ручных тормоза, зеркало в хромированной оправе, изящная фара...

Сережа сразу догадался: это велосипед Лиен. Вьет каким-то образом разыскал его и теперь возвращал. Но почему не ей?.. Наверное, он просто не желал иметь дело с девчонкой.

— О'кей![1] — Вьет похлопал ладонью по рулю велосипеда.— Лиен. Сюит[2].

— Уи,— подмигнул ему Сережа и показал большой палец.

Он спросил по-французски, почему Вьет не хочет отдать велосипед лично. Затем повторил вопрос по-русски. Вьет отрицательно качал головой. Не понимал вопроса? Отказывался отогнать велосипед Лиен? Ладно, Вьет свое дело сделал!

Сережа достал несколько донгов и протянул их продавцу очков. Тот отшатнулся от него, обидчиво поджав губы. Сережа опять пошарил в карманах джинсов, но того, что искал — складного ножичка с перламутровой ручкой,— не нашел. Видимо, оставил на столе в номере отеля, когда вырезал насесты для попугаев... Ничего, с Вьетом они еще встретятся, и он сделает ему подарок.

Сережа сел на велосипед. У «Дананга» был легкий ход, он как бы сам собой катил по улице.

Отличная машина!.. Замечательный парень Вьет! Не зря они при первой же встрече почувствовали симпатию друг к другу.

Сережа выехал на бульвар Лелой, потом свернул к дому, где жила Лиен, и затормозил у старого баньяна. Одно из окон Нгуенов — кухонное — выходило во двор; оно было закрыто жалюзи, но рама оказалась приотворенной. Сережа негромко окликнул Лиен. Вскоре она появилась и, увидев Сережу на велосипеде, изумленная и счастливая, выбежала во двор.

...Из толпы, запрудившей тротуар, выскользнул босоногий Лап и уставился испуганными глазами на Сережу и Лиен. Они в это время покупали сок у грузного человека, расположившегося со своим лотком под брезентовым тентом прямо на проезжей части улицы. Складной стульчик, на котором сидел торговец, сняв резиновые сандалии, находился в луже воды, натекшей из ведра для ополаскивания грязных стаканов.

— Привет! — сказал Сережа, протягивая Лапу стакан сока.

— Здравствуй, меня зовут Лап,— машинально протараторил мальчик и одернул на животе короткую, давно не стиранную майку.— Мерси.— Он выпил сок.

Лиен о чем-то спросила Лапа. Он заволновался, стал торопливо рассказывать, кивая на узкий кривой переулок, ответвляющийся от бульвара, как хилый росток от мощного ствола.

— Что случилось? — встревоженно произнес Сережа.

— Лай увел Вьета. Они... их много...— ответила Лиен.

— Тогда пошли!

Следом за ними вприпрыжку побежал Лап, размашисто жестикулируя и продолжая рассказывать на ходу.

Сережа не представлял, что ожидает их впереди. Помочь! Надо обязательно помочь Вьету, он думал только об этом.

Они миновали угловое здание с кафе и оказались в тупике, образованном глухими стенами двух домов и кирпичным забором. Тупик подковой окружала разновозрастная ребятня, криками подбадривавшая самого большого в компании паренька.

— Лай! — показал на него Лап и юркнул за спину Сережи.

Лай в заношенных джинсах и яркой майке стоял перед Вьетом, прижавшимся спиной к стене. На земле валялась растерзанная белая сумка, выпавшие из нее очки были растоптаны ногами.

— Ий-е-е! — разом выдохнула ватага: это Лай нанес удар не успевшему увернуться Вьету. Тот пошатнулся, но устоял на ногах. Лай отскочил от него и изготовился для нового удара.

Лиен ринулась в толпу мальчишек, беспорядочно колотя их кулачками по спинам, притиснулась к Вьету и встала рядом с ним.

Мальчишки, растерявшиеся от этого неожиданного вторжения, засуетились, загалдели. Воспользовавшись суматохой, Сережа пробрался к друзьям: уж кого-кого, а Лиен в обиду он не даст!

Первым оправившийся от замешательства Лай крикнул:

— Ленсо!

— Ленсо! Ленсо! — восторженно подхватила ватага и закружилась перед Сережей пестрой каруселью. Ему что-то кричали, его ощупывали, словно хотели убедиться, что он живой, настоящий, как и они. Он стоял точно связанный, испытывая страх не столько за себя, сколько за Лиен, чье острое вздрагивающее плечо прижалось к его руке, и еще — за Вьета, утиравшего кровь с разбитых губ.

Угомонил мальчишек резкий, гортанный крик Лая. Он обвел свою ватагу властным взглядом вожака и опять повернулся к Сереже. В его узких, будто припухших после сна глазах светилось откровенное любопытство... Нет, этого смельчака-ленсо они не тронут, он действительно молодец. И девчонка молодец, не струсила. А с Вьетом, так надувшим их с велосипедом, уже посчитались... Лай приятельски подмигнул Сереже и пошел прочь, беспечно насвистывая. Ватага послушно потянулась за ним. Некоторые из мальчишек постукивали палками по пустотелым обрезкам бамбука, издавая звонкий жестяной звук.

Лиен подняла с земли сумку и начала складывать в нее растоптанные очки. Вьет остановил девочку: кому нужны смятые оправы, разбитые стекла?.. Лап — добрая душа — сунул ему пакетик леденцов.

Сережа достал из кармана заранее приготовленный ножик с перламутровой ручкой, на которой выцарапал по-вьетнамски, правда, без положенных фонетических знаков над гласными «Вьетнам — Советский Союз». Обрадованный Вьет снял свою кепку с длинным козырьком и надел на голову Сереже.

— Вьетнам — ленсо! — весело произнес он.

От Вьета узнали, что произошло с велосипедом Лиен. Укравшие «Дананг» ребята из компании Лая пригнали его к Тиепу, хозяину Вьета. Хозяином Тиеп считался потому, что держал при себе группу мальчишек, сбывавших его товар. Выручка, конечно, шла ему, а ребятам перепадала лишь мелочь — на еду. Бывало, кто-то из них пытался утаить часть выручки. Тиеп обычно узнавал об этом — среди его помощников были осведомители — и жестоко наказывал провинившихся. Бил он так, что на теле не оставалось следов. Впрочем, кто посмел бы жаловаться на него — мальчишки были уверены: хозяин разыщет их всюду и сведет счеты... По всем признакам у Тиепа были свои хозяева, люди из какого-то особого мира, тайно, но упорно сопротивляющегося новой жизни...

Пока между Тиепом и Лаем шла торговля, Вьет, знавший, кому принадлежит велосипед, потихоньку сел на него и укатил. Поехать прямо к Лиен он

[1] Все в порядке *(англ.)*.
[2] Немедленно *(фр.)*.

боялся: мать у нее «большой начальник», возьмет еще и заявит в милицию. А вот на ленсо Сережу, друга Лиен, положиться можно, решил Вьет.

Назад пути ему отныне нет.

— Пойдем,— сказала Лиен, потянув Вьета за руку.— Моя мать поможет устроить тебя в детский дом.

* * *

Лиен подала на стол в кухне рис с традиционной вьетнамской приправой — рыбным соусом. Вьет и Лап пользовались палочками, Сереже была предложена вилка.

Лап набросился на рис с такой жадностью, точно неделю ничего не ел и хотел насытиться на неделю вперед. При этом он умудрялся тараторить без умолку. Как понял Сережа, Лап жил вдвоем с больной матерью. Она варила леденцы, а он продавал их. От леденцов, ясно, какой доход, так что Лапу и его матери приходилось нелегко...

Потом пили ароматный цветочный чай с хрустящими рисовыми коржами и слушали рассказы Вьета. Об отце он не знал ничего, мать помнил смутно: она была прачкой и умерла еще до освобождения Юга страны. Вьета приютила двоюродная сестра матери Тю, у которой было много собственных детей. Ее муж, молчаливый человек, работал слесарем в автомастерской. Он не любил приемыша, хотя терпеливо сносил его присутствие. Сама Тю вечно была озабочена тем, как прокормить свою ораву, обитавшую в полуподвальной, сырой каморке: приторговывала пирожками, лекарственными травами...

Попав к Тиепу, Вьет редко навещал семью Тю, только лишь когда у него заводилось немного денег: он покупал на них сладости и относил братьям и сестрам. Работа у хозяина поначалу казалась ему интересной, романтичной. Он даже мечтал разбогатеть, чтобы однажды приехать к Тю на собственном мотоцикле, в модной одежде и с кучей дорогих подарков. С утра до ночи носился он по городу, продавал сигареты «Лакки страйк», «Салем», «Руби»[1], солнцезащитные очки из Гонконга. Ни у кого не было сомнения, что поступали они в страну контрабандным путем. Но все это были заботы самого хозяина, ведь товар добывал он.

Довольно скоро Вьет понял, что у Тиепа не разбогатеешь. Да и жизнь менялась вокруг. Главное место в ней стали занимать не те, кто имел мошну потолще,— напротив, они притихли, затаились, жирно есть и сладко пить предпочитали теперь не напоказ, как раньше, а прячась подальше от посторонних глаз. Настоящими хозяевами в городе становились другие: герои войны, рабочие кооперативов, парни и девчата со значками, на которых изображена рука, крепко сжимающая алый флаг,— комсомольцы, ребята с красными галстуками — пионеры.

И Вьет все чаще ловил себя на том, что завидует им, хочет быть таким, как они. Не будь этой заветной мечты, разве отважился бы он похитить велосипед прямо из-под носа Тиепа? А тут решил: или сейчас, или никогда!

Да, назад пути ему действительно не было.

А вперед? В светлую жизнь, о которой теперь столько говорят?

Лиен позвонила матери на работу и рассказала ей о Вьете. Тьонг всерьез заинтересовалась его судьбой, просила, чтобы он зашел к ним вечером. А перед этим она решила потолковать с руководством детского дома: пусть там найдут место для Вьета.

...Лап побежал по своим делам, Вьет и Лиен отправились провожать Сережу.

— Где же ты будешь ночевать сегодня? — спросила Лиен у Вьета.

— Только не у Тю,— ответил он.— Хозяин первым делом наведается туда.

— Тогда приходи к нам.

— Нет,— решительно отказался Вьет.

Свой разговор с ним Лиен переводила Сереже.

— Слушай, у нас в номере запросто встанет раскладушка! — воскликнул он.— А хочешь, будем спать на балконе?

— Нет,— опять отказался Вьет.— Мне не привыкать.

Они шли по набережной. Было уже темно. Ночь здесь наступала внезапно. Где-то вверху шумели кроны деревьев — это прорывался со стороны моря муссонный ветер ном. Берег реки Сайгон был усеян листвой с деревьев фьонг. В мае их пурпурные цветы ученики принесут в школы — по случаю окончания учебного года.

Пахло гнилой водой. Иссиня-черная, в дробящихся дорожках электрического света, река напоминала кипящий вар. Несмотря на то, что погода портилась, на набережной было много народа. Недалеко от сухогруза расположились торговцы — оттуда доносились аппетитные ароматы.

Сережа первым увидел Тиепа: он стоял в десятке метров от них за куртинкой подстриженного кустарника. Скосив глаза на Вьета, Сережа невольно сбавил шаг. Продавец очков тоже заметил опасность, напрягся, готовый в любую секунду исчезнуть с набережной.

— Это Тиеп,— шепнул Сережа Лиен.

Так они и стояли некоторое время, разглядывая друг друга,— Тиеп и ребята.

Тиеп докурил сигарету, щелчком отбросил ее в реку. Затем он пальцем поманил Вьета к себе, и тот, словно под гипнозом, сделал несколько шагов навстречу хозяину.

— Не ходи! — остановил его Сережа.— Не бойся, мы же с тобой. Видишь, вон милиционеры.— Он кивнул в сторону одной из лавок: там сидели двое парней в форме и с автоматами.

Тиеп еще раз — нетерпеливее, властнее — поманил Вьета. Вьет отрицательно покачал головой и остался на месте.

— Я знаю этого человека,— вдруг с придыханием заговорила Лиен.— Это он, я хорошо помню... Он, он выследил папу и привел «черные каски». Мама сказала: смотри и запомни! И я запомнила...

Находясь в сильном возбуждении, она не замечала, что говорит все громче и громче, переходя с русского на вьетнамский и обратно, показывает на Тиепа рукой и тем самым привлекает внимание прогуливающихся рядом людей. Заподозривший неладное Тиеп насторожился, потом повернулся и словно растворился в толпе на набережной.

— Ты не ошиблась? — спросил Сережа у Лиен.

— Нет, нет, нет! — отрывисто выкрикнула девочка; в ее глазах остро поблескивали слезы.— Я помню... Он надел парик, но я его узнала...

Вьет жестами объяснил спутникам, что они должны идти к милиционерам, а сам устремился за хозяином.

Милиционеры сразу поняли, чего от них хотят. Это были молодые, но, похоже, опытные и решительные люди. Обменявшись короткими фразами, они закинули за плечи автоматы и побежали туда, куда указала им Лиен.

[1] Марки американских сигарет.

Сережа бросился было за милиционерами, однако, спохватившись, вернулся к Лиен, дрожавшей в нервном ознобе. Не сговариваясь, они побежали вместе, только теперь Сережа вынужден был умерить шаг, чтобы девочка поспевала за ним.

Они пересекли площадь с массивным черным памятником и попали на тесную безлюдную улочку. Погоня захватила Сережу, он даже сердился на Лиен за то, что она не поспевает за ним. Без нее он не отстал бы от милиционеров, а может, догнал бы и Вета... Эх, знать бы, где Вьет! Ведь Тиеп может пойти на все...

Лиен остановилась и произнесла, шумно дыша,— каждое слово стоило ей усилий:

— Иди... Вьет... спасти...

— А ты? Как же ты? — воскликнул он.

— Иди... Там... Вьет...

Сережа долго путался в каких-то двориках, закоулках, наполненных душной, липкой тьмой, натыкался на тупики и вдруг снова попал на знакомую улочку, но увидел там не Лиен, а одного из милиционеров. Он нес безжизненно обмякшее тело, на плече милиционера вместе с автоматом висела хорошо знакомая Сереже белая сумка. Вьет...

* * *

В иллюминаторе косо плыл край словно поднявшейся на дыбы земли. Исчезло здание аэровокзала, где остались мать и Вера Борисовна,— Сережа не сомневался, что они еще там и следят за полетом «ИЛа»... До ширины ленточки сузилась река, на берегу которой знакомый отель с внутренним двором-колодцем, с уютным номером на четвертом этаже. Затем город резко ушел в сторону, самолет окутали облака.

Позавчера, в тот вечер, когда он, Вьет и Лиен преследовали Тиепа, Сережа заявился в отель без футболки, грязный и не на шутку перепугал мать. Едва дослушав его рассказ, она, бледная, растерянная, побежала в номер к Вере Борисовне и вернулась назад с уже готовым решением: Сережа немедленно поедет домой. Они даже успели заказать по телефону билет на самолет.

И как мать не понимала, что он не может, не имеет права уезжать сейчас: Лиен в больнице, Вьет тоже... Он даже не знает, в каком они состоянии.

Они поссорились. Мать расплакалась, упрекая его в бессердечии и грубости. Сережа упрямо повторял: нет, уезжать сейчас нельзя...

Мать вновь убежала к Вере Борисовне.

Лазарева пришла одна и сказала подчеркнуто твердым голосом:

— Билет заказан, твой отъезд отложить невозможно.

— Нет, я должен!

— Я понимаю тебя. И считаю, что по-своему ты прав... До отлета есть время. Съездишь навестить Лиен и того мальчика. А потом я буду писать тебе о них. Идет?.. Да, звонила в госпиталь. Мальчика прооперировали... Состояние удовлетворительное. А теперь расскажи, что произошло.

Что произошло?..

...Рубаха Вьета была залита кровью. В крови были и руки милиционера... Милиционер бережно положил Вьета на мостовую, подсунув ему под голову сумку. Сережа стянул с себя футболку, разорвал ее по шву, свернул в несколько раз по длине. Получилась прочная повязка, которую наложили на грудь Вьета.

В это время из-за поворота улицы выкатил милицейский «джип» и остановился возле них. Рядом с водителем сидела обессиленная Лиен.

Сережа ехать с милиционерами не собирался, но его пригласили в машину.

Милиционеры привезли Вьета и Лиен, которой стало совсем плохо, в госпиталь, а потом подкинули до отеля Сережу.

Задержан ли Тиеп, Сережа не знал. Как не знал и того, что случилось с Вьетом. Скорее всего, преследуя хозяина, он столкнулся с ним в каком-нибудь темном закоулке, и тот пустил в ход нож... Неизвестно было, куда делся второй из гнавшихся за Тиепом милиционеров, в «джипе» его не оказалось. Может, он продолжал преследовать Тиепа? А может, и его постигла участь Вьета?

Утром Сережа и мать поехали в госпиталь. К Вьету их не пустили. Молодой хирург, щуря за очками в тяжелой оправе утомленные глаза, сказал, что операция была сложной, но прошла хорошо и пациент будет жить. Беспокоить его сейчас, разумеется, нельзя...

Они пошли к Лиен.

Неужели еще две недели назад все это — Лиен, Вьет, Лап, Ли...— существовало где-то отдельно, никак не касаясь его?.. И он наперед знал, что уже не сможет быть таким, каким был раньше, ибо за время, проведенное в Хошимине, стал старше на целую жизнь. Жизнь, в которой есть и боль, и страдания. Но в которой очень и очень много дорогих ему людей.

Он не сказал Лиен о своем отъезде, но она догадалась сама.

— Я напишу тебе письмо,— пообещал Сережа.

В уголках крупных раскосых глаз Лиен дрожали слезы...

...Сережа не мог представить, что провожать его будет столько людей. Едва лишь он, мать и Вера Борисовна, нагруженные поклажей, клеткой с попугаями, появились возле лифта, как тут же, словно бы случайно, подошли Ван и Ли. Сережа впервые видел их вместе. Ван молча взял чемодан у матери, проворная Ли, что-то лопоча и нежно посматривая на Сережу, отобрала часть вещей у Лазаревой.

В вестибюле их поджидали Тьонг и знакомый Веры Борисовны — дипломат, обещавший отвезти Сережу в аэропорт на своей машине. Сегодня перед обедом этот веселый, прокаленный тропическим солнцем сибиряк отправлял попугаев на осмотр в ветлечебницу и получил разрешение на их вывоз из Вьетнама.

У входа в отель маячил Лап. «Он-то откуда взялся? Как узнал?» — удивился Сережа.

Погрузив вещи в багажник машины, стали прощаться. Тьонг поцеловала Сережу в лоб — для этого ей пришлось подняться на цыпочки. Незаметно подкравшийся Лап робко коснулся Сережиной руки и отскочил в сторону. Ван опустил голову в поклоне. Грустная Ли теребила пальцами пуговку на аозае.

Сережа обвел жадно запоминающими глазами отель, набережную, реку, вздохнул и полез в машину.

* * *

«...Конечная... поезд... не идет... освободить вагоны...» — глотая слова, объявили по радио.

Ощущая утреннюю, не разогнанную разминкой вялость в теле, Сережа закинул за плечо спортивную сумку с надписью «Адидас». Толпа пассажиров вынесла его на перрон, присыпанный легким снежком. Мороз был сильный, он сухо тянул кожу на лице, и Сережа поскорее нырнул в ближайший

вход в метро, откуда уютно веяло теплым воздухом...

Перечитывая в электричке письмо Лиен, Сережа как бы вновь пережил и радость встречи, и грусть расставания с Хошимином.

Они переписывались весь год. Почти полгода Лиен провела в больнице, вышла оттуда только в середине лета, как раз в то время, когда вернулась из загранкомандировки Сережина мать.

Из писем Лиен и Веры Борисовны Сережа узнал, чем завершилась история с Тиепом. Его задержал тот, второй милиционер.

Вьет выздоровел быстро. Тьонг устроила его в детский дом, а Ту и Нгует взялись опекать новичка. И Сережа вдруг стал находить в письмах Лиен узкие листочки плотной желтоватой бумаги, на которых рукой Вьета неумело было выведено по-русски: «Москва», «Сережа», «Виет»...

По словам Лиен, Вьет прижился в детском доме хорошо. Однажды его вызывали на встречу со следователем — тот расспрашивал про Тиепа. О содержании долгого их разговора Вьет умалчивал, как ни любопытствовали ребята. Уж они-то были наслышаны, что Вьет помог задержать матерого преступника, и считали новичка героем.

Следователь приглашал к себе и Тьонг; она тоже признала в Тиепе человека, который когда-то привел в их двор «черные каски».

Идею взять шефство над детским домом, где воспитывались Ту, Нгует, а теперь и Вьет (на очереди, писала Лиен, был Лап), в Сережиной школе приняли на «ура». Даже Женька Сурин, иронически относившийся к тем, кто «высовывается», «лезет в активисты», затеял персональную переписку с Нгует: ему понравилось ее имя — Луна... Любитель пооригинальничать, он сфотографировался в футболке спартаковского клуба, со значком мастера спорта, позаимствованным у старшего брата, и послал снимок в Хошимин.

В своем последнем письме Лиен сообщила, что через месяц прилетит в Москву на операцию, потом, если все будет благополучно, поедет еще и в «Артек». Значит, они обязательно скоро увидятся.

А сейчас Сережу привело в Москву вот что.

Вчера он смотрел по телевизору программу «Время». После зарубежных новостей стали показывать американских туристов, недавно прилетевших в СССР. О'кей, говорили они, передавая микрофон из рук в руки, как индейцы трубку мира, Москва им нравится. И зима нравится. И советские люди тоже. Все хорошо, о'кей! ...Микрофон взял высокий седой американец. США и СССР, сказал он, должны договориться и жить в мире. Он знает, что такое война. Надо выбросить все ракетно-ядерное оружие на свалку. Надо торговать и ездить друг к другу в гости...

Сережа даже привстал от изумления: на экране был Человек с фотографии! Тот же узкий, скобкой, рот, тот же тонкий, прямой нос, тот же жесткий, правда, заметно поредевший и побелевший ежик волос... Да, у него должен быть небольшой, клинышком, шрам над бровью... Камера в это время уже показывала здание гостиницы...

Ошеломленный Сережа не слышал того, что говорила ему из соседней комнаты мать.

Может, он ошибся? Мало ли похожих людей! И потом турист так горячо рассуждал о мире... Но как тогда понимать фразу «Я знаю войну»? Какую войну? Во Вьетнаме?.. Хотя он мог побывать в любой «горячей точке» Африки, Латинской Америки, Ближнего Востока.

Жаль, не было под рукой фотографии, она осталась в отеле...

Ночью Сережа почти не спал. Постепенно у него созрело решение: ехать! Надо ехать в Москву, увидеть Человека с фотографии, спросить его... О чем? Этого Сережа еще не знал. Знал лишь, что не успокоится до тех пор, пока не выяснит все. Если же турист и летчик не имеют ничего общего между собой... Тогда останется пожалеть о потерянном дне и готовиться к неприятным объяснениям с матерью и классной руководительницей...

В гостинице ему сказали, что американские туристы, которых снимало телевидение, уехали на экскурсию, но скоро должны вернуться.

Это «скоро» длилось часа полтора. Сережа озяб и, чтобы согреться, быстрыми шажками ходил вдоль шеренги выстроившихся, как на парад, «Икарусов».

Когда из прибывшего автобуса, громко смеясь и перекликаясь, посыпали туристы, Сережа узнал некоторых — они вчера промелькнули на экране телевизора. Высокий седой американец придерживал за локоть женщину, едва достававшую ему до плеча и одетую в желтую куртку и клетчатые брюки. Сережа подошел к ним. Никакого клинышка над бровью у американца не было. Неужели все-таки ошибся?... Нет, сходство слишком явное. Может, шрам со временем затянулся или, скорее, его поглотила вон та глубокая складка вдоль лба...

— Чего тебе, мальчик? — спросила по-русски женщина в клетчатых брюках.

— С наступающим Новым годом! — громко сказал Сережа.

Женщина, по-видимому, была переводчицей. Она перевела его слова спутнику, и тот заулыбался широко и радушно, показывая безупречно ровные, один к одному, белые зубы.

— Скажите ему, пожалуйста, что я жил в Хошимине... то есть в Сайгоне,— запутался Сережа,— в отеле... в том самом, где когда-то жил он...

— Да-да, я там был, совершенно правильно,— заявил американец.— Я был в Сайгоне много раз и жил в разных отелях.

— Вы были во Вьетнаме на войне?

— К сожалению.— Американец широко развел руки, как бы подтверждая этим, что действительно очень сожалеет.— Но не я затеял войну. Ее задумали в Белом доме и Пентагоне.

— Вы тоже... участвовали в бомбардировках?

— Разговор у нас принимает серьезный оборот. Тогда не будем так, на ходу. Я предлагаю подняться ко мне.

Приведя гостей в номер, американец предложил Сереже познакомиться и назвался Джоном Смитом. О, у него распространенное имя, как Иван Иванов в России. И сына его зовут Джон. Ему семь лет, очень бойкий парень...

Горничная принесла кофе. Джон поинтересовался, каким образом Сережа узнал, что он бывал в Сайгоне.

— Я нашел в отеле фотографию,— сказал Сережа.— На ней был человек, похожий на вас.

— Не помню.— Джон хмурился, при этом резче обозначились подковой лежащие возле его рта складки.— Но вполне может быть, что фотография моя... Почти всю войну я был в транспортной авиации.— Джон выделил интонацией слово «транспортной».— Последний год перед победой Вьетконга[1] находился в плену...

[1] Буквально «вьетнамский коммунист», так американцы и сайгонские марионетки называли патриотов.

...Самолет подбили ракетой, и они выбросились с парашютами. Опускаясь на джунгли, Джон думал о том, что их наверняка уже поджидают партизаны.

Так оно и было. Не успел он отцепить запутавшийся в густой растительности парашют, как его окружили вьетнамцы, разоружили и повели в глубь джунглей... Их, американцев, пугали жестокостью противника, и Джон был удивлен, что его не пытают, не морят голодом... Он о многом передумал в тот год...

Когда Джон умолк, Сережа стал рассказывать о Тьюнг, Лине, о Лиен и ее болезни... Джон закурил, у него дрожали руки...

Конечно, это была несправедливая война, согласился он. Американцы принесли Вьетнаму немало горя. Им нечего было делать там. Ему понятна и собственная вина, и вина его страны.

Еще Джон говорил о том, что люди должны уметь прощать. Если они будут помнить зло и отвечать на него новым злом, из этого ничего хорошего не получится. Теперь, когда война давно закончилась, надо не поддаваться чувству мести, забыть обиды, надо думать о том, как научиться понимать друг друга...

Сережа не сомневался в искренности Джона Смита, но согласен был с ним не во всем. Разве можно забыть такое? Ведь во Вьетнаме до сих пор дети рождаются калеками, потому что их родители были отравлены «эйджент ориндж».

— У вас, русских, очень долгая память на войну,— заметил Джон, отхлебнув кофе.

— Нас научили помнить о ней,— вдруг тихо, но твердо сказала переводчица.— Урок стоил нам двадцати миллионов жизней и разрушенной страны.

— Но ведь мы были союзниками!

— Вы воевали далеко от своего дома. А это разные вещи. И Вьетнам был далеко. И Корея... Может, потому ваша память о войне короче нашей?

— Да,— Джон опустил глаза,— наверное, так... Поверьте, оно болит.— Он приложил руку к сердцу.— Иначе... зачем я здесь?..

Джон поднялся с кресла, в задумчивости прошелся по номеру, постоял у окна, глядя на зимнюю Москву.

— Я считаю,— сказал он, обращаясь к Сереже,— вы, дети, будете лучше понимать друг друга, чем мы. И главное, не повторите наших ошибок... Ты веришь в это?

Сережа подумал немного и кивнул: да, он верит...

* * *

В электричке на обратном пути ему приснился сон.

...Вокруг были зеленые горы. Между ними, блестя на солнце, как река, скользила дорога, и, как река, она впадала в море, смутно синевшее на горизонте. Сережа и Лиен шли по этой дороге, взявшись за руки.

— Эй, вы! — внезапно раздалось сзади. Их догонял белоголовый мальчик лет семи.— Возьмите меня с собой,— потребовал он.— Я Маленький Джон. А Большой Джон остался там, потому что уже старый.— Он показал в сторону перевала, который недавно перешли Сережа и Лиен.

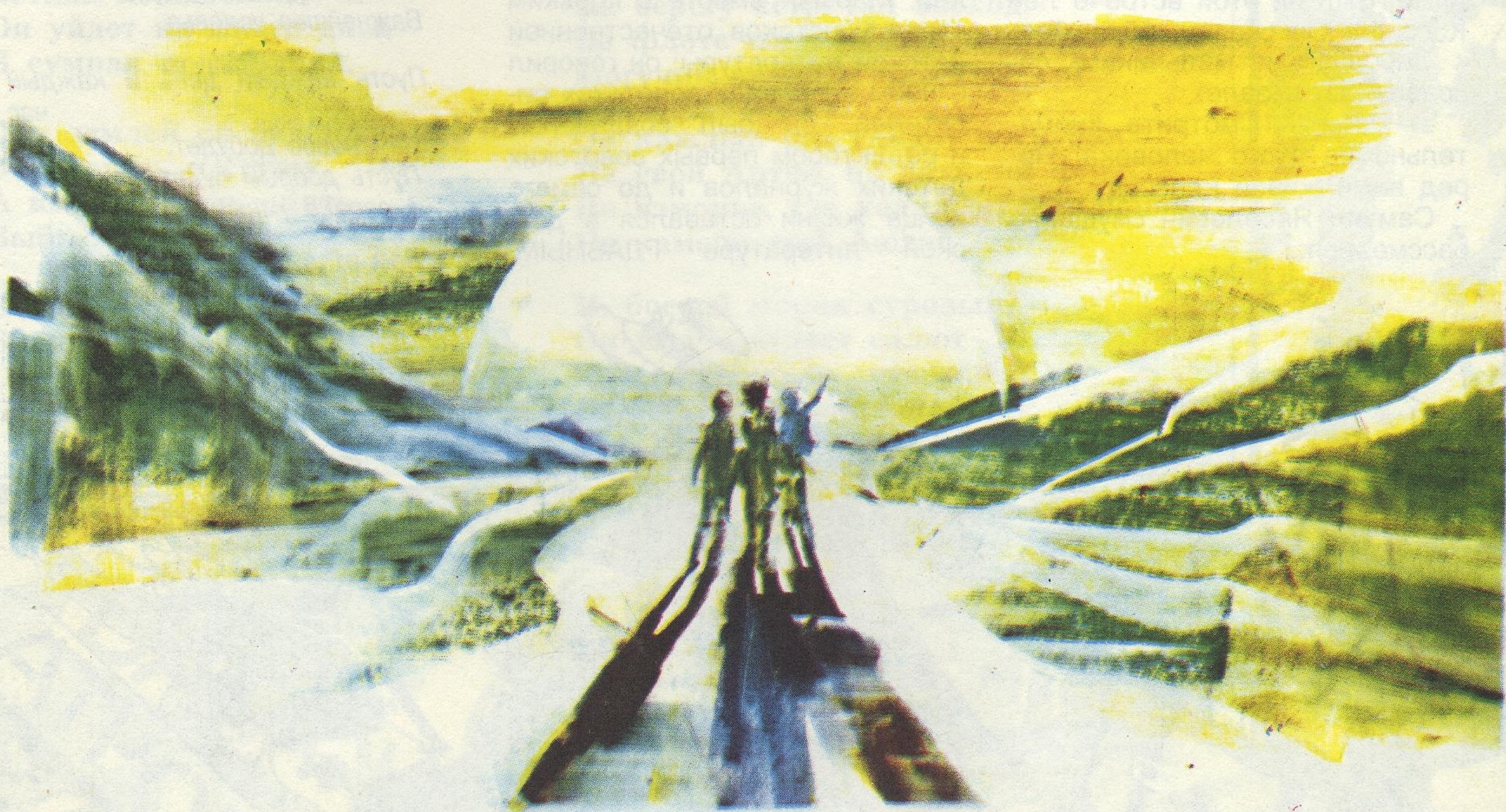
— Тебе нельзя с нами,— строго сказал Сережа.— Не зря же тебя зовут Маленький. Нам далеко, ты устанешь.

— Плохо же вы меня знаете, ребята. Я куда хочешь дойду!

— Если устанет, мы поможем ему, пусть идет,— сказала Лиен.

— Ладно, пусть,— согласился Сережа...

КОНЕЦ

ПИСАТЕЛИ НАШЕГО ДЕТСТВА

С. Я. Маршак

К 100-летию со дня рождения

Сто лет со дня рождения Маршака! Столетие — это что-то огромное, значительное. Но и сам Маршак огромен и значителен. Я помню, как в день семидесятилетия Самуила Яковлевича в Доме детской книги проходила его встреча с читателями. Был на этой встрече Лев Кассиль. Он сказал, обращаясь к девочкам и мальчикам, собравшимся в зале:

— Ребята! Смотрите внимательно на этого человека! Перед вами живой классик...

Самуил Яковлевич смущенно рассмеялся...

Еще при жизни Маршак был всеми признан как выдающийся писатель, чья деятельность стала образцом для дальнейших поколений писателей.

Маршак великолепно переводил зарубежную поэзию. Его переводы стихов великих английских поэтов Шекспира, Бернса и других обогатили русскую литературу, приобщили миллионы людей к шедеврам мировой поэзии.

Маршак был образцовым драматургом. Можно смело сказать, что существовал и существует «театр Маршака».

Маршак также был выдающимся ученым и исследователем в области стиха. Его работы о Пушкине, о великих русских поэтах, исследование поэзии Александра Твардовского навсегда вошли в советское литературоведение.

Но прежде всего и больше всего Маршак велик в детской литературе. Кто не помнит строки: «По проволоке дама идет как телеграмма», «Вот какой рассеянный с улицы Бассейной», «Мистер-Твистер, бывший министр», «Человек сказал Днепру: я стеной тебя запру», «Кто стучится в дверь ко мне с толстой сумкой на ремне?..». Их можно приводить еще и еще!

Но для детской литературы Маршак больше чем выдающийся поэт. Без всякого преувеличения можно сказать, что он один из ее главнейших создателей. Маршак вместе с Горьким стоял у истоков отечественной детской литературы; он говорил о ней на I съезде советских писателей; он был создателем и редактором первых советских детских журналов и до самого конца жизни оставался в детской литературе ГЛАВНЫМ. Главным советчиком, главным редактором, говоря спортивным языком — главным ее болельщиком. Более полувека назад Горький обратился с письмом ко всем советским детям с просьбой написать: о чем бы они хотели прочитать книги? Ответом были тысячи писем. И Самуил Яковлевич Маршак, выполняя заветы Горького, стал тем человеком, который помог таким книгам появиться. Он выискивал авторов и дарил детской литературе новые и новые талантливые имена. Целое поколение детских писателей вошло в литературу благодаря заботам Маршака. Многие из нас на всю жизнь запомнили маленький, заставленный книгами кабинет Маршака в доме на улице Чкалова.

От Самуила Яковлевича как бы исходили незримые волны, воздействующие на каждого, у кого был литературный талант. И надо ли удивляться, что силу их воздействия испытали прежде всего близкие Самуилу Яковлевичу люди: старший брат и младшая сестра — Михаил Яковлевич Ильин и Елена Яковлевна Ильина.

Жизнь Маршака была вся отдана людям. Все люди были для него друзьями. И к ним, к друзьям, было обращено одно из последних его стихотворений:

Желаю вам цвести, расти,
Копить, крепить здоровье,
Оно для дальнего пути
Важнейшее условье.

Пусть каждый день и каждый час
Вам новое добудет,
Пусть добрым будет ум у вас,
А сердце умным будет.

Вам от души желаю я,
Друзья, всего хорошего.
А все хорошее, друзья,
Дается нам недешево.

Лев РАЗГОН

Самуил МАРШАК

Если бы да кабы...

ИЗ АНГЛИЙСКИХ ДЕТСКИХ СТИХОВ

Кабы реки и озера
Слить бы в озеро одно,
А из всех деревьев бора
Сделать дерево одно,

Топоры бы все расплавить
И отлить один топор,
А из всех людей составить
Человека выше гор,

Кабы, взяв топор могучий,
Этот грозный великан
Этот ствол обрушил с кручи
В это море-океан,—

То-то громкий был бы треск!
То-то шумный был бы плеск!

Песня о желуде

С колпачком на голове,
Будто в путь готовый,
Он скрывается в листве
Дуба золотого.

Но, простившись со своей
Веткой-колыбелью,
Он уйдет на много дней
В сумрак подземелья.

Под землей он будет спать
В непогодь и стужу,
А когда-нибудь опять
Выбьется наружу.

В этот гладкий коробок
Бронзового цвета
Спрятан маленький дубок
Будущего лета.

Коль его не разгрызет
Белка острым зубом,
Сотни лет он проживет
Коренастым дубом.

Коль свинья его не съест,
Рылом землю роя,
Он деревьям наших мест
Будет старшиною.

Пусть растет он до небес,
С каждым годом выше.
Пусть раскинет свой навес
Многоскатной крышей.

Темно-бурый, как медведь,
Дюжий — в три обхвата,—
Будет он листвой шуметь
Вырезной, зубчатой.

Капитан

Он пионером был в Артеке,
У моря теплого — в Крыму.
И с этой осени навеки
Артек запомнился ему.

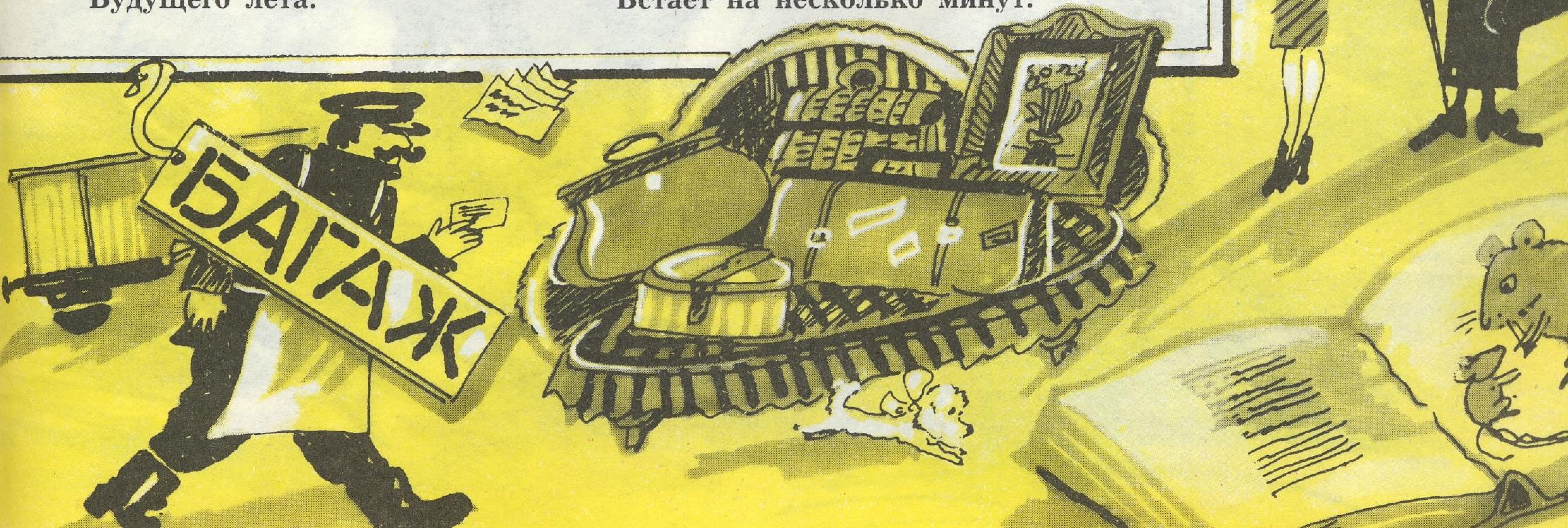
Здесь — у подножья Аюдага —
Горнист окрестности будил.
И весь отряд к подъему флага,
К подъему солнца выходил.

Звенела от шагов площадка.
Шумело море ей в ответ.
С тех пор промчалось два десятка
Военных лет и мирных лет.

И тот, кто смуглым мальчуганом
На берегу встречал восход,
Во флоте служит капитаном,
Могучий водит теплоход.

Он каждый раз глядит из рубки
На свой Артек, на дальний флаг,
На взморье, где ходил он в шлюпке,
На каменистый Аюдаг.

И, боевой моряк суровый,
Он молча отдает салют
Далекой юности, что снова
Встает на несколько минут.

Виктор КРЮЧКОВ

Ветер в гриве коня

Поспевали яблоки. Внизу, в синеватой долине, наполненной солнцем, яблоки наливаются в июле, а среди скал, в поселке Мин-Куш, яблок жди только в сентябре. Солнца в Мин-Куше вдоволь, но внезапно сорвется студеный ветер с гор, ребристые и острозубые скалы за ночь покрываются инеем. Зато яблоки в Мин-Куше особенные: крепкие, хрустящие.

— Туратбек! Туратбек! Нам письмо!— кричит Максат й неуклюже, по-утиному бежит к брату. Максат и Туратбек погодки. Туратбек старший, и Максат относится к нему с почтением, шага не сделает без старшего брата.

— От кого письмо?— стараясь казаться невозмутимым, спрашивает Туратбек.

— Откуда я знаю?— Запыхавшийся Максат протягивает брату письмо.

— Пора бы знать. На каждом письме ставится штемпель той почты, откуда оно отправлено. Вот видишь, написано: «Дыйкан».

— От дяди Токтогула! Прочтем?— Узкие глазки Максата светятся любопытством. Туратбеку тоже хочется вскрыть письмо и узнать, что пишет мамин родственник из долины, дядя Токтогул, но он с достоинством прячет письмо и отвечает брату с укоризной:

— Разве оно тебе адресовано? Написано: «Абдакадыровой Саламат» — маме, значит.

Мама придет только к ужину. К ее приходу Туратбек и Максат должны сделать уроки. Они решают задачи и поглядывают на сервант, где лежит голубоватый конверт из Дыйкана.

Мама возвращается вместе с отцом, он помогает нести стопку тетрадей маминых учеников.

— Нам письмо!— кричит Максат.— От дяди Токтогула!

— Что же там написано?

— Оно маме адресовано, мы его не читали.

— Правильно, вы у нас воспитанные сыновья.

Мама протягивает письмо отцу.

— Прочти, пожалуйста, а я займусь ужином.

Папа читает громко, чтобы маме на кухне было слышно.

— Саламат, ты слышишь? Твой брат приглашает нас на выходной в долину! У них будет байга. Как же я давно не бывал на байге! Поедем?

Байга — это соревнования конников, праздник. Он проводится в дыйканском колхозе осенью, когда собран урожай и людям хочется встряхнуться, повеселиться после трудной жатвы. Туратбек с Максатом уже бывали на байге. Но Туратбек постеснялся тогда попросить, чтобы его посадили в седло. А может, струсил? Но это было давно, прошлой осенью...

— Отец, скажи, мне разрешат участвовать в байге?— спрашивает Туратбек.

— Тебе уже десять лет, давно бы мог скакать по степи, если бы мы жили в долине.

— Но у меня нет коня.

— Попросим коня у дяди Токтогула. Он тебя любит, постарается для племянника. А ты, Максат, хочешь на байгу?

— Хочу. Но только посмотреть,— чистосердечно признается Максат.

Максат ленив и трусоват, и отец обеспокоен этим.

— Знаешь, сколько мне было лет, когда меня впервые посадили на коня? Три года!

— И ты не свалился?

— Вцепился в гриву и поскакал. Еле оторвали меня от коня, до того испугался.

— Все-таки испугался?— оживляется Максат.

— Еще бы! Три года не то, что десятый...

— Для байги костюм наездника нужен,— заявляет Туратбек и с надеждой смотрит на маму.— Не садиться же мне в седло в школьной форме!

Мама успокаивает Туратбека.

— Сейчас пороюсь в шкафу, лежит где-то папин ак-калпак.

— Чиптама нужна, брюки вышитые.

— Жилетку придется шить. И орнамент на брюках я вышью, если тебе так хочется.

О чем говорит мама? Хочется ли? Да он готов пешком сбежать по каменистой дороге в долину, вскочить на резвого, красивого коня и поскакать в степь в расшитых брюках, белом ак-калпаке с черным и красным кантом.

Но какой конь достанется ему на байге? Вдруг необъезженный? Вскинется на дыбы, подбросит, и полетит он кубарем всем на потеху, так, что искры из глаз посыплются.

Нет, такое допустить невозможно! Туратбек захватит на байгу полный карман сахара; кони ценят уважительное к ним отношение. Он не будет хлестать коня ременной камчой, кони сами знают, как им скакать. Туратбек припадет к гриве коня и шепнет на ухо: «Помоги, для меня это первая байга, самая важная. Я не хочу быть последним!» Злому конь не поможет, а друга выручит.

Наконец в выходной, когда снежные вершины гор порозовели, Туратбек с Максатом набрали полную корзину уже поспевших яблок для дяди Токтогула. И Туратбек нарядился для байги.

О том, что в Дыйкане будет байга, можно было догадаться по вереницам машин и всадников, которые съезжались в долину, где уже шумели оркестры, дымились жаровни и на высоких шестах развешаны были разноцветные нарядные ленты. Взволнованные люди похлопывали по бокам лошадей, заключали пари. Байга есть байга — шумная, радостная и тревожная для тех, кто хочет выиграть.

Дядя Токтогул, его сыновья Кубат и Ирис и бойкая сестренка Талайгуль давно поджидали гостей. Расспросили друг друга о здоровье, о погоде в горах, отведали яблок из Мин-Куша. И дядя Токтогул сразу же повел Туратбека выбирать коня — по наряду племянника догадался о его намерении участвовать в соревнованиях. Туратбек заметил, что юные джигиты снисходительно оглядели его нарядный костюм: хорош,мол, у тебя ак-калпак, но каков ты будешь в седле?

— Не подведи меня, племянник,— шепнул дядя на ухо,— я расписал всем, что в Мин-Куше ты первый джигит. Конь у тебя будет хороший. Серый с белой отметиной на лбу. Зовут Кёк-Ат. Сейчас я тебя с ним познакомлю.

Кёк-Ат на вид казался смирным, не шелохнулся, когда Туратбек провел рукой по его жесткой черной гриве. Покосился плутоватым глазом, намекая наезднику, чтоб не скупился на сахар, если хочет погарцевать на виду у всего поселка.

Туратбек вынул из кармана сахар и крепкое минкушское яблоко, протянул коню. Тот широко раздул ноздри, понюхал яблоко, потом оскалил зубы, словно засмеялся: это что же, розыгрыш?

— Ешь, Кёк-Ат. Ты еще таких не пробовал,— посоветовал Туратбек.

И вот ударил гонг.

— Объявляется первый заезд!— возвестил в мегафон глашатай и перечислил фамилии юных наездников. Туратбек нагнулся к жесткой гриве, спрятал разгоряченное лицо, вложил кусочек сахара во влажные губы коня. Тот уже нетерпеливо переступал ногами.

— Спокойно, спокойно... Если проиграем, то на будущий год еще раз попробуем. Ты меня только из седла не выброси, прошу тебя, Кёк-Ат!

Стартовый пистолет щелкнул. Семеро участников забега с гиком и улюлюканьем ударили своих коней, и байга началась! Люди вокруг закричали, подбадривая тех, за кого болели, и Туратбек отпустил поводья, надеясь на проворство коня.

Вперед, Кёк-Ат! Пусть мы задержались на старте, но еще не все потеряно. Впереди степь, простор, ветер!

Каменистая степь широкой лентой летела навстречу. Надо слиться с конем, не выпустить из вида своих соперников и главное не упасть. Если он удержится в седле, это и будет для него победой. Маленькой, но победой.

Кёк-Ат несся, прижав черные уши, и мальчик пригнулся к его косматой гриве. Конь понял, что ему доверяют и все будет зависеть от его резвых ног, от его скорости. И Кёк-Ат скакал как только мог быстро.

Круг, еще один круг. Туратбек не различал лица людей. Они похожи на новогодние конфетти: белые, красные, желтые. Туратбек знает, что за ним следят родные глаза, он даже услышал отчаянный вопль Максата. Впереди в клубах желтой пыли скачет впившийся в гриву коня маленький мальчишка в фиолетовом ак-калпаке. Хватит ли сил его настичь?..

Нет, не первым, но и не последним пришел он к финишу. Но конь не сбросил его! Они подружились! Спасибо, дружище Кёк-Ат, ты свое дело знаешь...

После бешеной скачки у Туратбека не было даже сил слезть с лошади. Он увидел, что к нему бегут родители, дядя, а впереди всех Максат. Умеет он бегать, когда захочет! Туратбек напряг всю свою волю, чтобы спокойно и с достоинством соскользнуть из седла. Сердце его колотилось, но он небрежно бросил поводья Максату:

— Подержи!

Брат недоверчиво покосился на лошадь, но поводья взял. Туратбек достал из кармана кусочек сахара и таким хозяйским жестом вложил его в губы коня, что дядя Токтогул даже крякнул от удивления.

Все похлопывали Кёк-Ата по влажным, вспотевшим бокам, говорили ласковые слова, хвалили.

— Поводи его, поводи, пусть успокоится,— сказал отец Максату, вспоминая волнения своей первой байги.

Осмелевший Максат вдруг спросил:

— А мне можно на коня забраться?

Старший брат стащил с себя потемневший от пота и пыли ак-калпак, вытер рукавом белой рубашки красное лицо и нахлобучил ак-калпак на Максата.

— Я не заберусь один, помоги,— попросил Максат.

— Сам забирайся.

— Тебе дядя Токтогул помогал, я видел.

— И тебя посажу,— засмеялся дядя,— а на следующий год милости прошу на байгу.

Максат, красный от удовольствия, медленно поехал вдоль луга.

— Дядя Токтогул, записывай! Я уже не боюсь лошадей,— крикнул он, удаляясь.

Отец довольно хлопнул родственника по широкой спине.

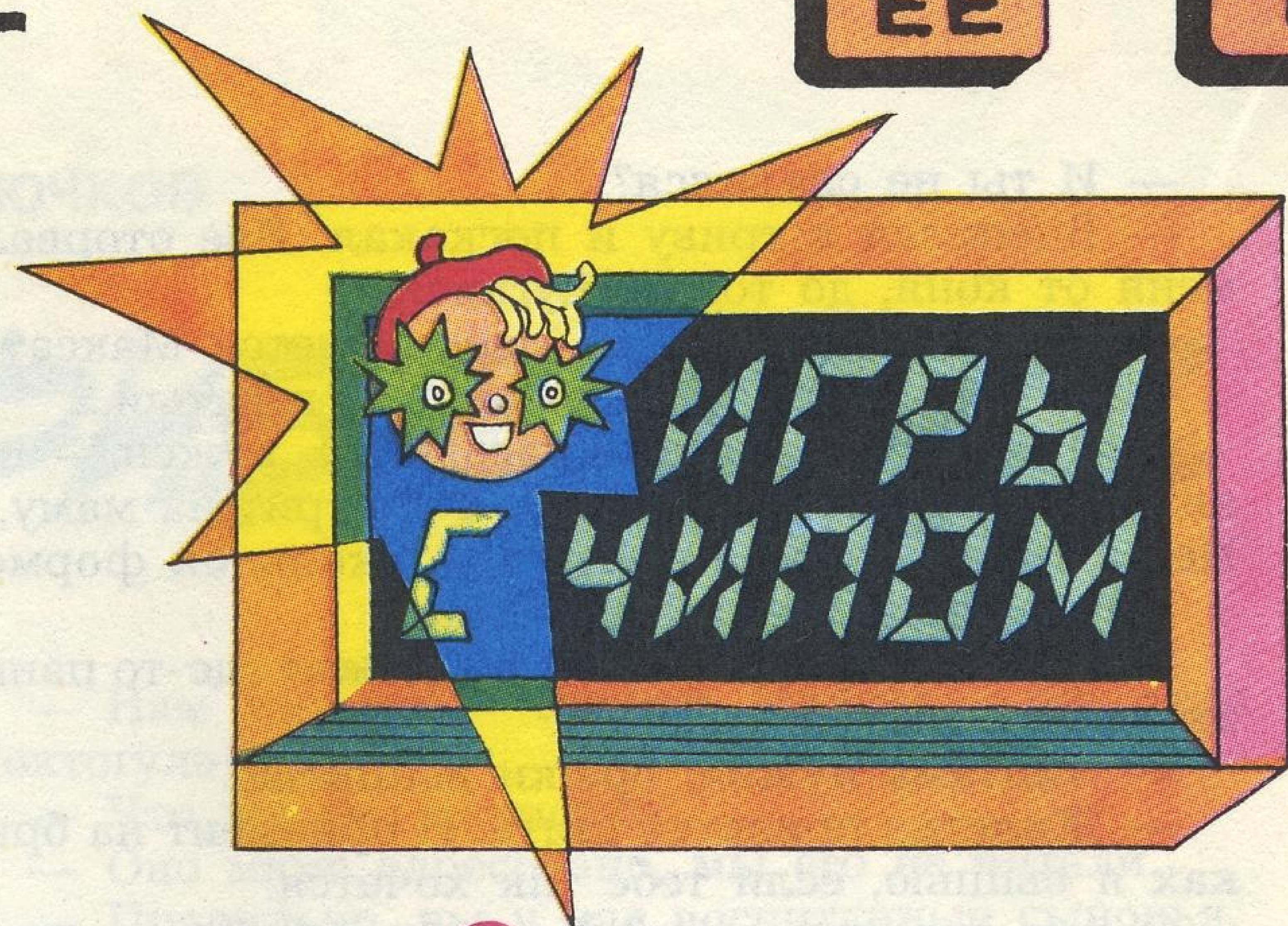
— Ну как, Токтогул, не перевелись джигиты на киргизской земле?

Оглянулся, поискал глазами старшего сына и увидел его в стороне, на краю луга, распластанным на земле. Подбежал к мальчику:

— Ты что, сынок, тебе плохо?

— Нет, мне хорошо, очень хорошо,— не поднимаясь, ответил Туратбек.— Устал немного... Послушай, отец, как от конского топота звенит земля. Как в Мин-Куше, когда падают яблоки...

Рисунок Н. ФЕДОРОВОЙ.

Совет Чеширского кота

— Чип, что-то давно ты мне сказок не рассказывал, а они у тебя такие интересные получаются!

— О чем же тебе рассказать? Хочешь опять про Алису?

Сережа молча кивнул и приготовился слушать.

— Итак, я расскажу тебе про рыцарский турнир в стране чудес,— начал Чип и тут же сам себя перебил: — А ты знаешь, кстати, что автор «Алисы в стране чудес» и «В Зазеркалье» Льюис Кэрролл на самом деле был Чарлзом Доджсоном, профессиональным математиком, и всерьез занимался теорией турниров?

— Как это теорией турниров?— удивился Сережа.— Турнир — он и есть турнир, сражайся, пока всех не одолеешь, вот и вся теория.

— Вот как? А если твои противники со свежими силами, а ты с каждым боем все больше устаешь? И потом зачем всем рыцарям стоять без дела, пока двое сражаются? Другие пары тоже могут сражаться. Это, брат, целая наука, как провести турнир быстро и справедливо. Вот послушай-ка про один такой турнир в стране чудес.

«Король с утра был в дурном расположении духа. Завтра начинался ежегодный рыцарский турнир, на который съезжались рыцари со всех концов страны. Само по себе это было хорошо, но вот беда, рыцарей в этот раз съехалось уж слишком много — пятьсот двенадцать человек, не считая челяди и оруженосцев. По старым турнирным правилам каждый рыцарь мог сражаться с любыми другими до тех пор, пока не объявится такой рыцарь, вызов которого никто не решится принять. Но сейчас рыцарей было слишком много для таких правил!

— Представляешь, дорогая,— сказал король королеве,— если один рыцарь захочет сразиться со всеми остальными, то это займет 512 дней!

— Пятьсот одиннадцать,— возразила королева,— ведь сам с собой он не станет сражаться.

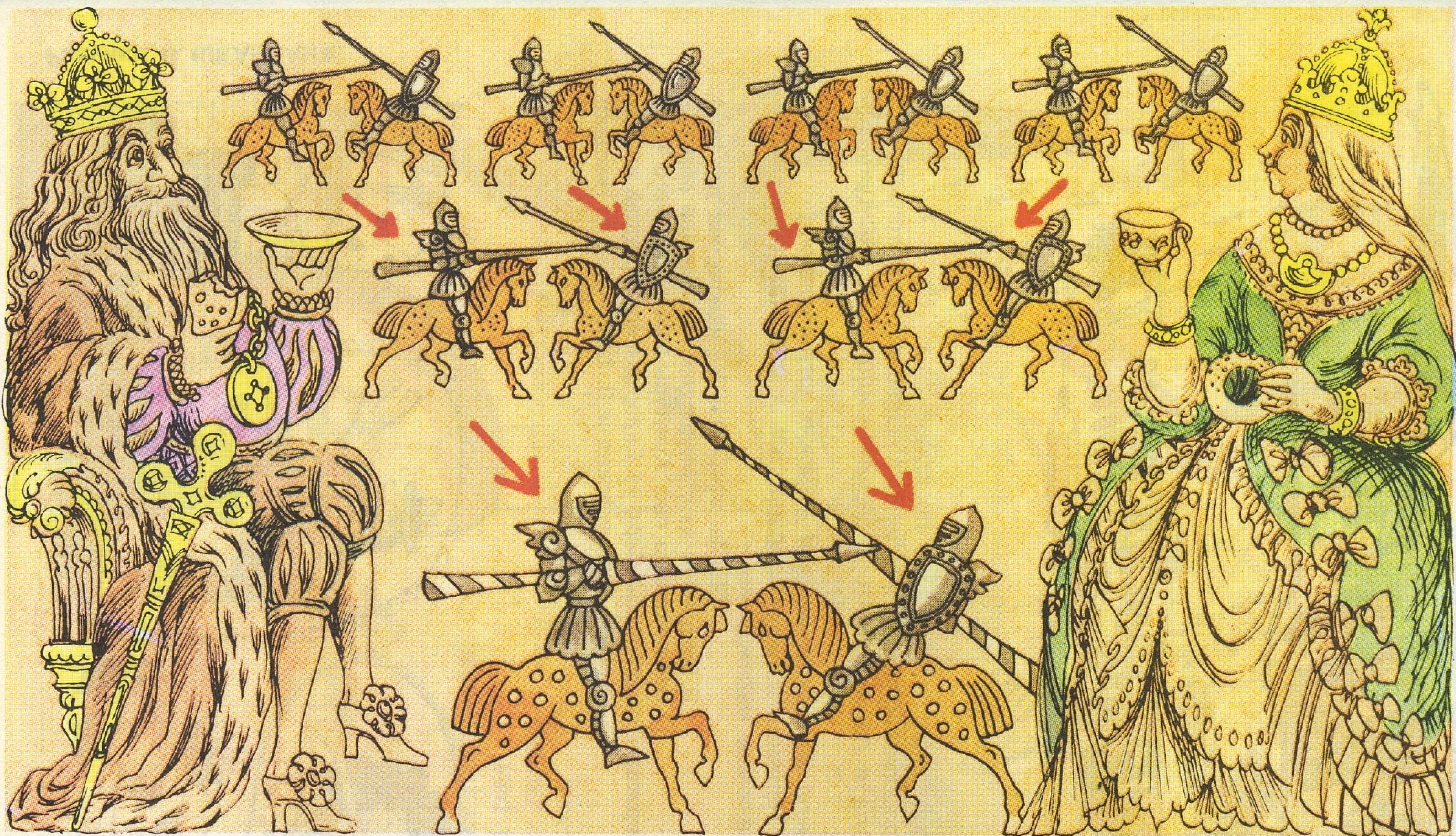
— Все равно, душечка, это слишком долго, я боюсь, что турнир затянется на весь год, и мы даже не успеем сыграть в крокет, как начнется следующий турнир.

— Ах, какой ужас,— воскликнула королева,— ведь нам придется все это время их еще и кормить! Нет, это невозможно, надо что-то придумать. Может быть, посоветуемся с Чеширским котом? У него иногда бывают прекрасные идеи.

— Представь себе, эта мысль мне уже пришла в голову, и я с ним посоветовался сегодня утром. Но на этот раз он ничего путного не сказал, если не

считать дурацкого стишка. Он прочел его в своей обычной загадочной манере и растаял в воздухе прежде, чем я успел задать хоть один вопрос.

— А ты запомнил этот стишок?

— Изволь, дорогая, я могу его прочесть.

Пятьсот двенадцать рыцарей собрались на турнир,
Чтоб самого достойного узнал волшебный мир.
Они сразились по двое, и до исхода дня
Из каждой пары рыцарей один упал с коня.
И если будут рыцари все так же продолжать,
То сколько дней осталось им друг с другом воевать?

— Знаешь, дорогой, это определенно должно нам помочь, ведь тут тоже 512 рыцарей, как и у нас. Вот только непонятно, как они сражались и сколько времени занял турнир. Может быть, спросим у наших рыцарей? И того, кто отгадает, объявим победителем турнира.

— Ах, что ты, во-первых, им ни за что не отгадать, а во-вторых, они специально сюда приехали, чтобы подраться, и без боя не уедут. Послушай, а что, если спросить Алису?

— Эту скверную девчонку с дурными манерами? — вмешалась возмущенная герцогиня. — Она и крокетного фламинго толком держать не умеет!

— Да, вы правы, милая герцогиня, но нельзя при этом отрицать, что пару раз она нам помогла. Позвать сюда Алису!

— Только и всего?— рассмеялась Алиса, услышав стишок.— Но тут же ясно сказано, как надо сражаться: по двое, все одновременно, а проигравший выбывает. И займет это... дайте подумать...»

— А пока Алиса думает,— продолжал Чип,— мне хотелось бы показать тебе одно письмо. Нас ругает сердитый семиклассник из города Свалява Закарпатской области, который не указал своего имени и обратного адреса, наверное, чего-то испугался. Он пишет: «Ваши темы не заинтересуют даже ученика третьего класса. Нужно сначала выучить язык, какую-нибудь паршивенькую «Рапиру» хотя бы знать досконально, а потом уж разглагольствовать. Моя десятилетняя сестра знает БЕЙСИК, изучает ФОРТРАН 77. Она написала программы для решения уравнений — квадратных, линейных и так далее. Ей смешно читать про «Теремок», про «Красную шапочку», я не говорю уже о себе».

— Прекрасно,— подхватил Сережа,— пусть он нам напишет программу турнира Чеширского кота на любом языке. А чтобы письмо этого сердитого читателя не затерялось в нашей большой почте, на конверте пусть он поставит фразу: **«Чип, это я»** — и обведет ее рамочкой. Впрочем, все ребята тоже могут принять участие в конкурсе, только на конверте пусть просто напишут **«Турнир».**

ОТ РЕДАКЦИИ: *Ребята! В № 6 за этот год вы увидели фотографии победителей «Конкурса Чипа». А вот как выглядит ПРОГРАММИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ КАЛЬКУЛЯТОР — приз Кирилла Мишачева.*

Такому калькулятору можно задать 40 команд, и он выполнит их все подряд. Например, если вам в школе дали на дом 20 задач на умножение простых дробей, решите на калькуляторе только первую задачу, а с остальными он справится сам, вам останется только вводить в него числа.

Этот калькулятор умеет решать многое из того, что знают старшеклассники и студенты. А младшие школьники могут с ним играть в «Чет — нечет», «20 спичек и монетку» и другие игры. Калькулятор ни разу не ошибется и всегда обыграет вас.

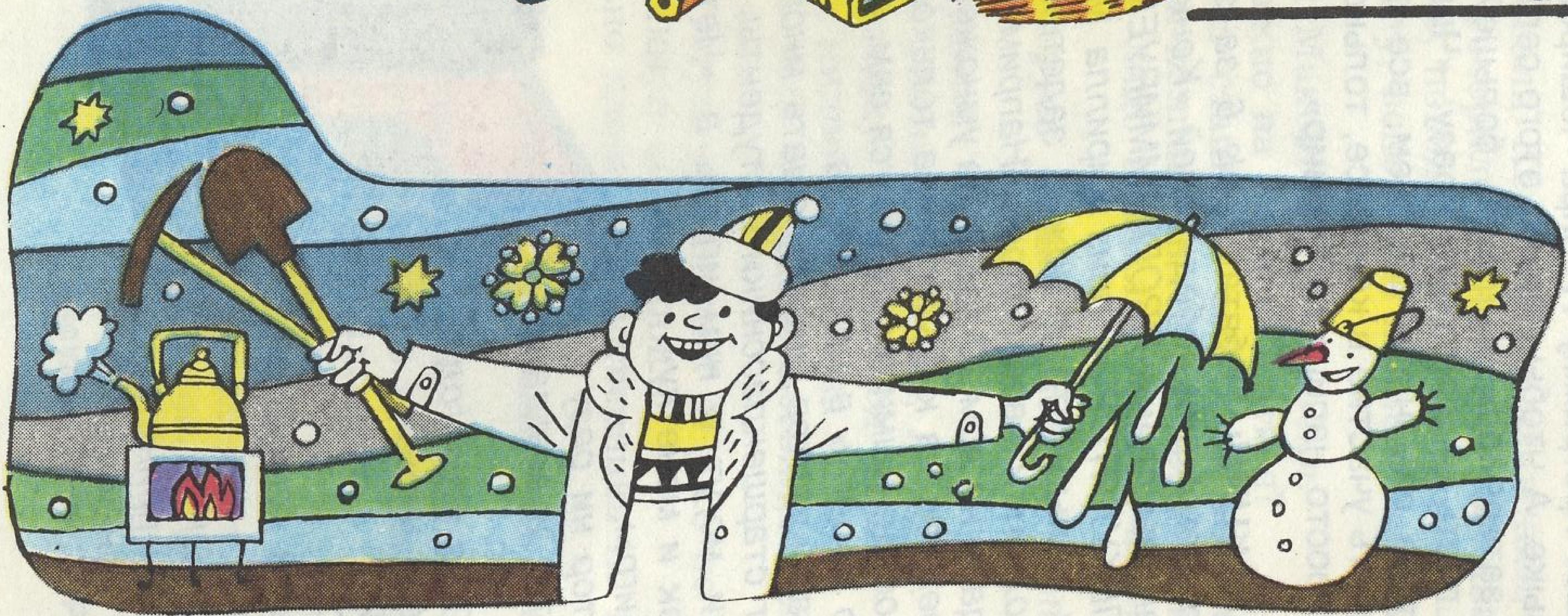

В № 12 за этот год Чип объявит новый БОЛЬШОЙ КОНКУРС. Победителей конкурса ждут призы — КАЛЬКУЛЯТОРЫ.

Вы готовы принять участие в конкурсе?

ПЕРЕМЕНКА

СПРАШИВАЙТЕ — ОТВЕЧАЕМ

Учитель: Какую функцию выполняет сердце?
Ученица: Сердце стучится и ходит.

* * *

Учитель: Чем помогает физкультура человеку?
Ученик: Человек становится физически культурным человеком.

* * *

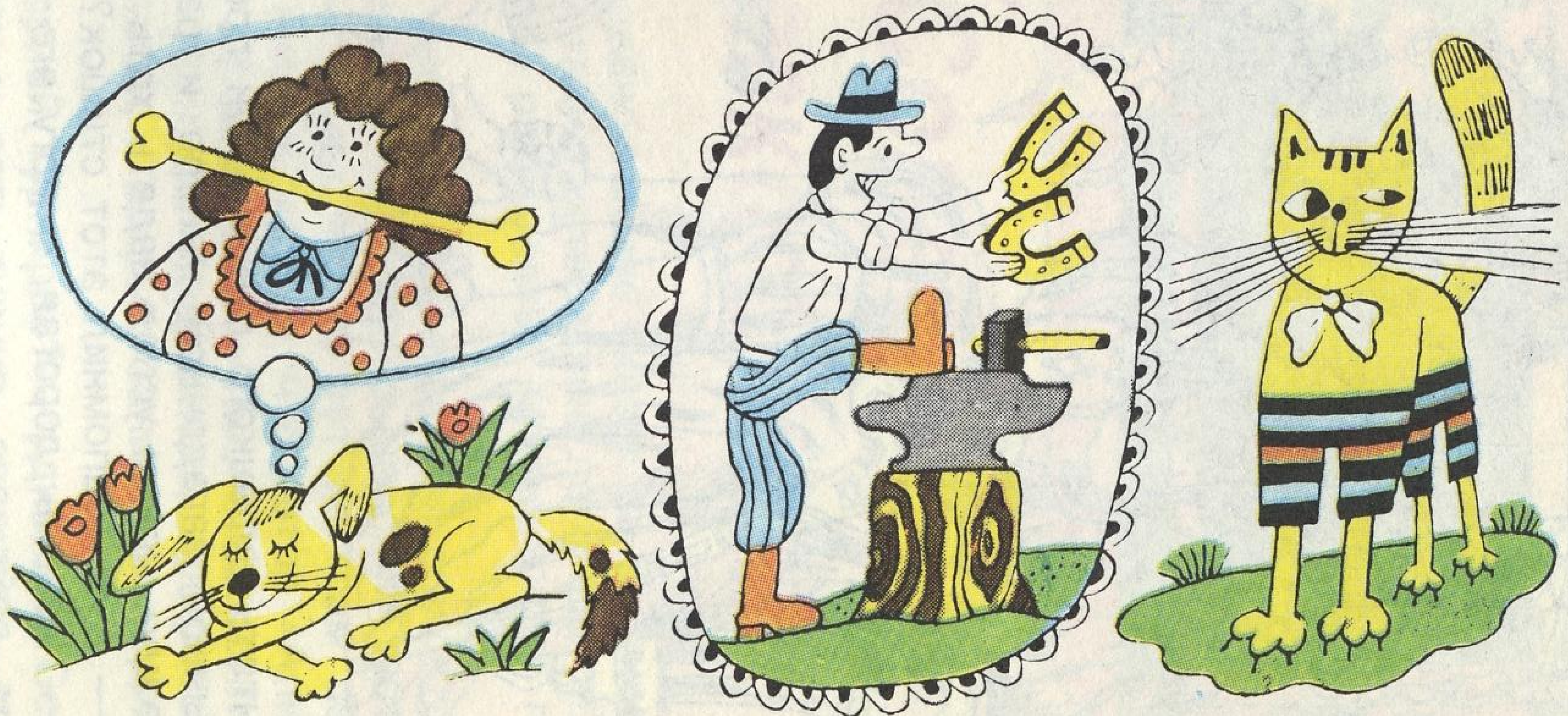
Учитель: Назови осадочные породы, которые образовались на материке Евразия.
Ученик: Уголь, снег, дождь.

Прислали Марина Полякова
из села Райгородка Ворошиловградской области,
Жанна Жексимбинова из Омска и Сергей Капуста из Херсона.

ПЕРЛовая КНИГА

«Ее глаза смотрели то в лес, то по дрова».
«Человек попросил кузнеца, чтобы тот подковал ему копыта».
«Муму лежала в палисаднике, а барыня сидела на балконе. Она грызла кость».
«У кошки была белая манишка в широких штанишках».
«Много раз Тургенев и Чехов обращались к советским пионерам: «Берегите зеленые насаждения!»

ПЕРЛы отыскали А. Никифорова из Ялты,
Л. Богданова из с. Медведево Тюменской области,
О. Бабенкова из пос. Кучугуры Краснодарского края,
Женя Борзова и Надя Фальгуберт из Скворцовской средней школы,
а также А. Балаховская и Л. Шаланина из Находки.

Рисунки В. ШКАРБАНА.

Эдуард УСПЕНСКИЙ

Про дивано-иностраночемодано огурец

Посвящается
Самуилу Яковлевичу Маршаку.

— Глубокоуважаемый
Глубокопродавец,
Продайте мне, пожалуйста,
Глубокоогурец!

— Глубокоуважаемый
Глубокопокупатель,
Мы продаем диваны,
Серванты и кровати.
Быть может, вы ошиблись,
Глубокогражданин,
И забрались глубоко
Не в этот магазин?

— Глубокоуважаемый
Глубокопродавец,
Ведь я же иностранец,
Поймите, наконец.
У нас, у иностранцев,
Так завелось отцами,
Диваны и серванты
Зовутся огурцами.

— Глубокоуважаемый
Диванец-чемоданец,
Наверное, вы очень
Глубокий иностранец,
Поскольку среди наших
Обычных молодцов
Я не встречал ни разу
подобных огурцов.

— Глубокоуважаемый
Глубокопродавант,
Я препираться с вами
Здесь не намеревант,
Я подобрал вот этот
Пружинный огурец,
И вы его на крышу
Поставьте наконец.

— Глубокоуважаемый,
Да что же я, балбес?!
Да чтобы я на крышу
С диванчиком полез?!
И хоть себя я чувствую
Отменным молодцом,
Да я свалюсь оттуда
И вместе с огурцом.

— Глубокоуважаемый,
Я вам хочу сказать...
Не надо вам с диваном
На крышу залезать.
А шутки с продавцами
Шутить я не привык,
У нас обычно крышей
Зовется грузовик.

— Глубокоуважаемый
Глубокоиностран,
Прошу вас, забирайте
Скорее ваш диван.
И чтобы я вас видел
У нас в последний раз...
Не то возьму я гирю
И гирей тресну вас.

Он был весьма расстроен,
А иностранец рад!
У них обычно гирею
Зовется шоколад.

Рисунок К. ОРЛОВА.

Спешите участвовать!

Впервые в нашем журнале!

Каждый может стать победителем

ЛИТЕРАТУРНОЙ ВИКТОРИНЫ-БЛИЦ!

Различные викторины, в этом нет никакого секрета, существуют с незапамятных времен. Слово «блиц», если честно, тоже придумали не мы. А вот литературная викторина-блиц впервые появилась у нас.

Суть этой викторины определяется во многом как раз словечком «блиц», что означает «быстрый». То есть мы быстро придумали свои вопросы. Вы должны на них быстро ответить и быстро свои ответы прислать нам. Мы быстро их просматриваем и быстро-быстро определяем победителя.

На наш взгляд, ничего сложного тут нет. Остается только ответить на вопросы. Вот они:

1. Перед вами три географические карты. Не стоит искать эти карты в атласе. Лучше всего найти их на страницах трех знаменитых литературных произведений. Назовите эти произведения и фамилии авторов.

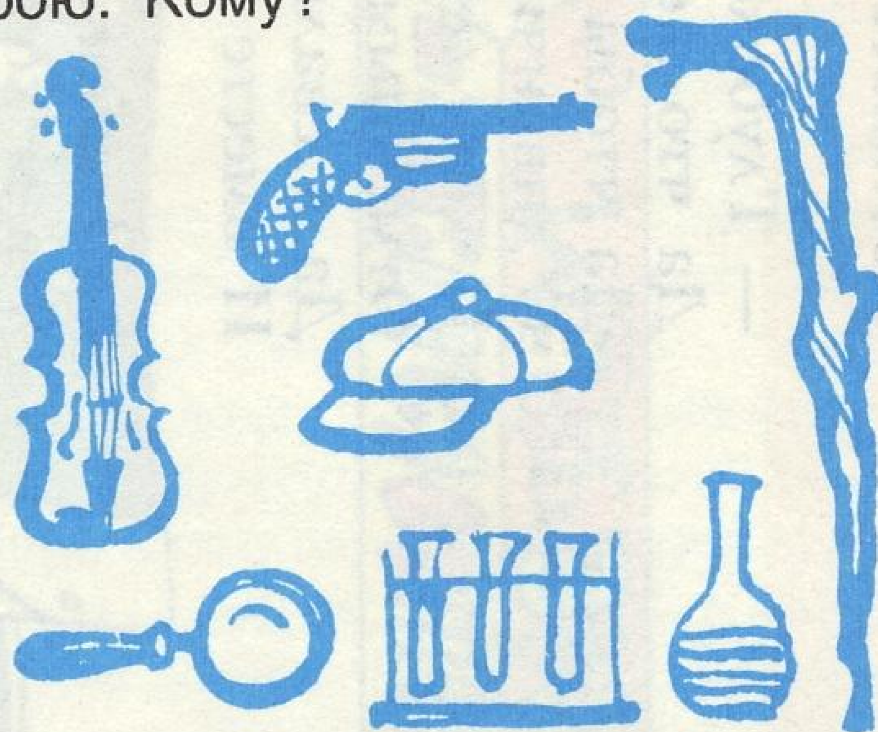

2. Александр Гриневский, Самуэль Клеменс, Даниил Ювачев, Чарльз Латуидж Доджсон, Афанасий Шеншин. Ни одного из этих имен нет и не было на титульных листах книг. Но они появились в нашей литературной викторине. Почему?

3. Перед вами шесть предметов. Вглядитесь в них внимательнее.

Эта скрипка вполне могла бы принадлежать коротышке Гусле из «Приключений Незнайки» Н. Носова. Из револьвера мог стрелять Мишка Недоля из «Красных дьяволят» П. Бляхина. Кепку — носить вратарь республики из одноименной повести Л. Кассиля. Колбы и пробирки — использовать в своих опытах уэллсовский человек-невидимка. Трость — иметь Страшила Мудрый из «Волшебника Изумрудного города» А. Волкова, а с такой лупой — носиться за Чипполино и его друзьями сыщик мистер Моркоу из сказки Д. Родари.

Но при этом все перечисленные предметы могли бы принадлежать и еще одному, не менее знаменитому литературному герою. Кому?

4. Некоторые книги и литературные герои пришли к нам из-за рубежа и стали не менее любимы и популярны в нашей стране, чем на своей родине. Но при «переходе» книги поменяли свои названия, а герои — имена. Потому что писатели не просто перевели их, а создали по известным сюжетам свои собственные произведения.

Вот они: «Буратино», «Три медведя», «Волшебник Изумрудного города», «Айболит», «Аленький цветочек». Попробуйте назвать фамилии авторов, а также названия тех книг, которые послужили источниками для создания этих произведений.

5. В этом вопросе в нашей литературной викторине появляется математический термин «Х». Его непременно найдут те, кто ответил на четыре предыдущих наших вопроса, потому что:

а) «Х» никогда не был и не мог быть знаком с одним из писателей из первого вопроса, но зато доподлинно известно, что он читал и даже упоминал в своих произведениях двух других писателей из этого же вопроса;

б) «Х» был лично знаком с одним из персонажей второго вопроса;

в) «Х» был современником писателя, чей персонаж мог бы обладать всеми семью предметами из третьего вопроса, но при этом жил с ним в разных странах;

г) «Х» был автором одного из пересказов на русский язык, упоминаемых в четвертом вопросе. Он также автор и многих других произведений, по крайней мере три из которых вошли в обязательную школьную программу. Причем одно из них в программу 1-го класса.

Кто этот «Х»?

Однако для победы в нашей викторине-блиц ответить на пять вопросов необходимо, но недостаточно. Нужно выполнить еще два задания:

1. У всех у вас есть любимые персонажи из разных книг. Представьте, что все они встретились. Напишите нам рассказ об этой встрече.

2. Придумайте хотя бы один интересный вопрос для нашей следующей литературной викторины-блиц.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ С ОТВЕТАМИ НЕ ПОЗДНЕЕ ПОСЛЕДНЕГО ДНЯ НОЯБРЯ. ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЖДУТ ИНТЕРЕСНЫЕ ПОДАРКИ И ПРИЗЫ!

Шестьдесят лет назад, в уже далеком 1928 году, в Ленинграде стал выходить детский журнал «Еж», а два года спустя — еще один журнал для детей, «Чиж». Их названия Маршак расшифровывал совсем просто: «Еж» — Ежемесячный журнал, «Чиж» — Чрезвычайно интересный журнал. По первым буквам. Журналы и в самом деле были ежемесячные и чрезвычайно интересные.

Вот одним из самых деятельных и блестящих сотрудников этих журналов — наряду с Маршаком, Олейниковым, Бианки, Чуковским, Житковым, Введенским, Чарушиным, Пантелеевым и другими — был поэт и прозаик Даниил Хармс.

Хармс — псевдоним, то есть вымышленное имя Даниила Ивановича Ювачёва (1905—1942). Он родился в Петербурге и всю свою жизнь прожил в Петербурге — Петрограде — Ленинграде.

Даниил Хармс писал стихи, пьесы и рассказы для взрослых, однако при жизни прославился больше своими детскими стихами и рассказами.

В 30-е годы читатели «Ежа» и «Чижа» знали наизусть, например, его «Вруна»:

А вы знаете, что У?
А вы знаете, что ПА?
А вы знаете, что ПЫ?
Что у папы моего
Было сорок сыновей?
Было сорок здоровенных —
И не двадцать,
И не тридцать —
Ровно сорок сыновей!

Дети знали и любили многие его стихотворения, печатавшиеся в «Ежах» и «Чижах»: «Миллион», «Игра», «Иван Иваныч Самовар», «Веселые чижи», сочиненные вместе с Маршаком, «Иван Топорышкин», «О том, как папа застрелил мне хорька», «Удивительная кошка», «Веселый старичок», «Из дома вышел человек»... Они читали в его вольном переводе повесть в стихах и картинках немецкого поэта и карикатуриста Вильгельма Буша «Плих и Плюх»...

И, конечно, помнили и перечитывали его рассказы из «Ежа» и «Чижа», многие из которых потом выходили отдельными книжками: «Озорная пробка», «О том, как старушка чернила покупала», «Во-первых и во-вторых», «Сказка», «О том, как Колька Панкин летал в Бразилию, а Петька Ершов ничему не верил»...

Но вот рассказ Даниила Хармса «Ломка костей» до сих пор нигде не печатался. Он сохранился в архиве Хармса, сбереженном его другом Яковом Семеновичем Друскиным и теперь переданном вместе с другими рукописями Даниила Хармса в Отдел рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Наверное, этот рассказ Д. Хармс написал году в 1939-м или 1940-м и не отдал ни в какую редакцию. Но, как вы сами убедитесь, он такой интересный, что и сегодня, как всё у Хармса, читается без всякой скуки.

Владимир ГЛОЦЕР

Даниил ХАРМС

Был у меня приятель. Звали его Василий Петрович Иванов. В 10 лет он был уже ростом со шкап, а к 15 годам он и в ширину так раздался, что стал на шкап походить.

Мы с ним вместе в одной школе учились. В школе его так и звали «шкапом». Очень он был огромный.

И сила была в нем страшная. Мы на него всем классом нападем, а он нас, как щенят, раскидает в разные стороны, а сам стоит посередине и смеется.

Вышел однажды такой случай. Устроили мы в школе вечерний спектакль. И вот во время самого спектакля понадобилось зачем-то на сцену поставить кафедру. Кафедру надо было принести из класса, кафедра тяжелая, ну, конечно, обратились к Васе за помощью.

А надо сказать, что во всех классах лампочки были вывернуты, чтобы освещать зал и сцену. А потому в классах было темно.

Вася кинулся за кафедрой в класс, да в темноте вместо кафедры ухватился за печь, выломал ее из стены и выворотил в коридор. Потом пришлось этот класс ремонтировать и новую печь ставить. Вот какой сильный был мой приятель Вася Иванов.

Окончить школу Васе не удалось. К учению он был мало способен и, сколько ни учился, так и не мог запомнить, сколько будет семью шесть. Память у него была плохая и сообразительность медленная.

Я из IV класса в V перешел, а Вася на второй год в IV классе остался. А потом и вовсе из школы ушел и уехал с родителями в Японию.

Вот в Японии-то с ним и произошел случай, о котором я хочу рассказать.

Приехал Вася с родителями в Японию. Родители решили Васю на какую-нибудь службу пристроить. Но служба не подыскивалась. Разве если только грузчиком. Да уж очень это невыгодно.

Вот кто-то и сказал Васиным родителям: «Да вы,— говорит,— пристройте вашего сына борцом. Вон он какой у вас сильный. А в Японии борьбу любят. Только они в этом деле большие мастера. Так что пусть ваш сын в их школе борцов поучится. И есть тут такая школа, где учитель японец, господин Курано, по-русски хорошо говорит. Так что вашему сыну там как раз удобно будет. Окончит школу и знаменитым борцом станет».

Обрадовались Васины родители.

— Где же,— говорят,— эта школа помещается?

— Там-то и там,— говорят им,— на такой-то японской улице.

Вот привели Васю родители в японскую школу борьбы. Вышел к ним старичок японец, маленький, желтенький, весь сморщенный, на сморчка похож. Посмотрел на них и по-русски их спрашивает:

— Вам кого,— спрашивает,— нужно?

— А нам,— говорят Васины родители,— нужно господина Курано, учителя японской борьбы.

Старичок японец посмотрел на Васю, ручки потер и говорит:

— Это я и есть Курано, мастер джиу-джитсу. А вы, я вижу, ко мне ученика привели.

— Ах!— говорят Васины родители.— Вот он наш сын. Научите его вашему искусству.

— Что ж,— говорит японский старичок,— видать, ваш сын довольно сильный молодой человек.

— О!— говорят Васины родители,— такой сильный, что просто ужас!

— Ну это,— говорит японский старичок,— еще неизвестно. А впрочем, если хотите, я могу взять его на испытание.

— Очень хотим,— говорят Васины родители.— Возьмите, пожалуйста.

И вот Вася остался на испытание у господина Курано, а Васины родители домой ушли.

— Идемте за мной,— сказал господин Курано и повел Васю за собой во внутренние комнаты.

Идет Вася за господином Курано и боится стену плечом задеть, чтобы дом не сломался, такой домик хрупкий, будто игрушечный.

Вот пришли они в комнату, устланную соломенными ковриками. Стены тоже соломенными ковриками обиты. А в комнате ученики господина Курано занимаются: хватают друг друга за руки, на пол валятся, опять вскакивают и друг друга через голову перебрасывают.

Господин Курано постоял немного, посмотрел, что-то по-японски пролопотал, руками помахал и опять к Васе по-русски обращается.

— Пусть,— говорит,— мои ученики дальше занимаются, а мы с вами пойдемте вон в ту отдельную комнату.

Вошли они в пустую комнату, тоже обшитую соломенными ковриками.

— Ну,— сказал господин Курано,— вы знаете, что такое джиу-джитсу?

— Нет,— говорит Вася,— не знаю.

— А это,— говорит господин Курано,— и есть наша наука борьбы. По-русски слово «джиу-джитсу» значит «ломка костей», потому что мы такие приемы знаем, что действительно одним ударом ладони даже берцовую кость сломать можем. Только вы не бойтесь, я вам костей ломать не буду.

— Да я и не боюсь,— сказал Вася,— я ведь крепкий.

— Ну,— говорит господин Курано,— на свою крепость вы особенно не надейтесь. Сейчас мы посмотрим, какая ваша крепость. Снимите вашу куртку и засучите рукава. Я посмотрю, какие у вас на руках мускулы.

Вася снял куртку, засучил рукава и согнул руку. Мускулы на руке вздулись шарами. Японец ощупал Васину руку и покачал головой.

— Вот смотрите,— сказал господин Курано,— мы больше всего ценим вот этот мускул, который у вас довольно слабый.

С этими словами господин Курано засучил свой рукав и показал Васе свою худую жилистую руку.

— Вот я руку сгибаю,— сказал господин Курано,— и вы видите вот тут, сбоку на локте шарик. Это и есть мускул, который мы ценим больше всего. А у вас-то он слабый. Ну ничего. Со временем и у вас будет крепкий. А теперь возьмите меня под мышки и поднимите.

Вася взял господина Курано под мышки и поднял его легко, как маленький пустой самоварчик.

— Так,— сказал господин Курано,— теперь поставьте меня обратно на землю.

Вася поставил господина Курано на пол.

— Хорошо,— сказал господин Курано,— некоторая сила у вас имеется. А теперь ударьте меня.

— Хы-хы!— сказал Вася.— Как же это я вас ударю?

— А так, возьмите и ударьте!— сказал господин Курано.

— Мне как-то совестно!— сказал Вася.

— Ах!— с досадой сказал господин Курано.— Какие глупости! Говорят вам, ударьте меня! Ну? Ударьте же!

Вася посмотрел на господина Курано. Это был маленький жиденький старичок, чуть не в два раза меньше Васи, с морщинистым личиком и прищуренными глазками. Один Васин кулак был не меньше головы господина Курано.

«Что же,— подумал Вася.— Я его ударю, а он тут и скончается».

— Ну же, ударьте меня! Ударьте меня!— кричал господин Курано.

Вася поднял руку и нерешительно толкнул господина Курано в плечо.

Господин Курано слегка покачнулся.

— Это не удар!— крикнул он.— Надо бить сильнее!

Вася слегка ударил господина Курано в грудь.

— Сильнее!— крикнул господин Курано.

Вася ударил сильнее. Господин Курано покачнулся, но продолжал стоять на ногах.

— Сильнее!— крикнул он.

Вася ударил еще сильнее. Господин Курано сильнее покачнулся, но все же на ногах устоял.

«Ишь ты!» — подумал Вася.

— Сильнее!— крикнул господин Курано.

«Ладно же!» — подумал Вася, развернулся и что есть силы ударил кулаком в господина Курано.

Но господина Курано перед Васей не оказалось, и Вася, не встретив сопротивления, пробежал несколько шагов и стукнулся об стену.

— Ишь вьюн какой!— сказал Вася.

А господин Курано уже опять стоял перед Васей и, гримасничая лицом, говорил:

— Не унывайте, молодой человек! Еще раз ударьте меня, да посильнее!

«Ах так!— подумал Вася,— я тебя, сморчок, сейчас пристукну!» — и решил бить сильно, но осторожно, с расчетом, чтобы не упасть.

Вася размахнулся уже рукой, как вдруг сам получил в бок электрический удар. Вася вскрикнул и схватил господина Курано за шею. Но господин Курано нырнул куда-то вниз, и Вася вдруг потерял равновесие и, перелетев через японца, шлепнулся на пол.

— А!— крикнул Вася и вскочил на ноги. Но тут же получил по ногам удар и опять потерял равновесие.

Господин Курано схватил Васю за руку и дернул куда-то в сторону. Вася переступил ногами и опять почувствовал себя в устойчивом положении, но только собрался схватить господина Курано, как опять получил удар в бок и вдруг, очутившись головой вниз, черкнул ногами по потолку и, перелетев через японца, опять шлепнулся на пол.

Вася вскочил, дико озираясь, но сейчас же опять полетел вокруг японца и очутился на полу в лежачем положении.

Совершенно ошалев, Вася вскочил с пола и кинулся к двери.

— Куда же вы?— крикнул господин Курано.

Но Вася выскочил в комнату, где занимались ученики господина Курано.

Расталкав их, он выбежал в коридорчик, а оттуда на улицу.

Домой Вася прибежал без куртки, с всклокоченными волосами.

— Что с тобой?— вскрикнула Васина мама.

— Где твоя куртка?!— вскричал Васин папа.

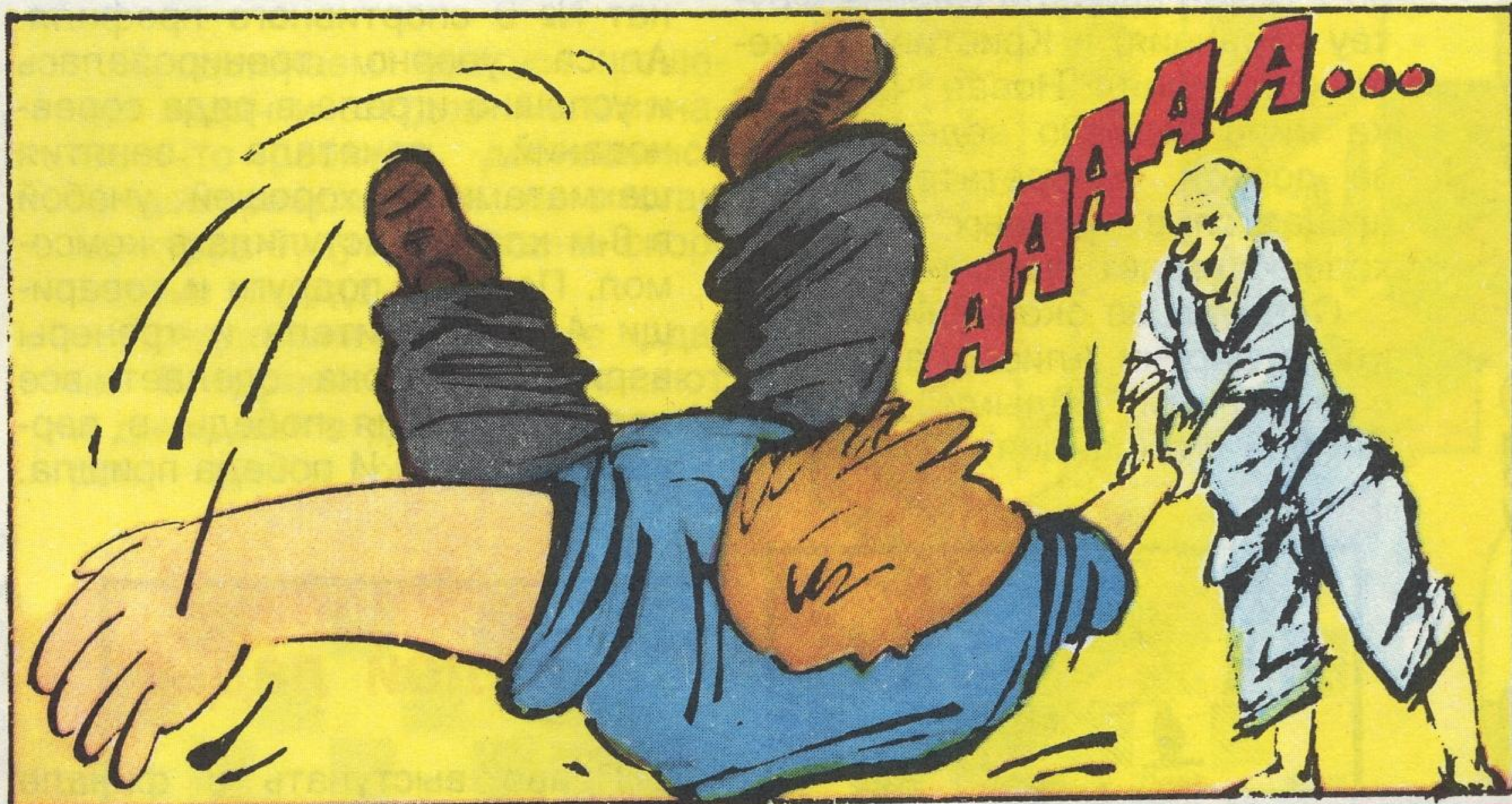
В Японии Васе не понравилось, и он вернулся обратно в Ленинград.

Теперь Василий Петрович Иванов живет в Ленинграде и служит в автобусном парке. Его работа заключается в том, что он перетаскивает с места на место испорченные автобусы.

Мне, как школьному товарищу, он рассказал историю с японским учителем джиу-джитсу, но вообще же рассказывать об этом он не любит.

Публикация Владимира Глоцера.

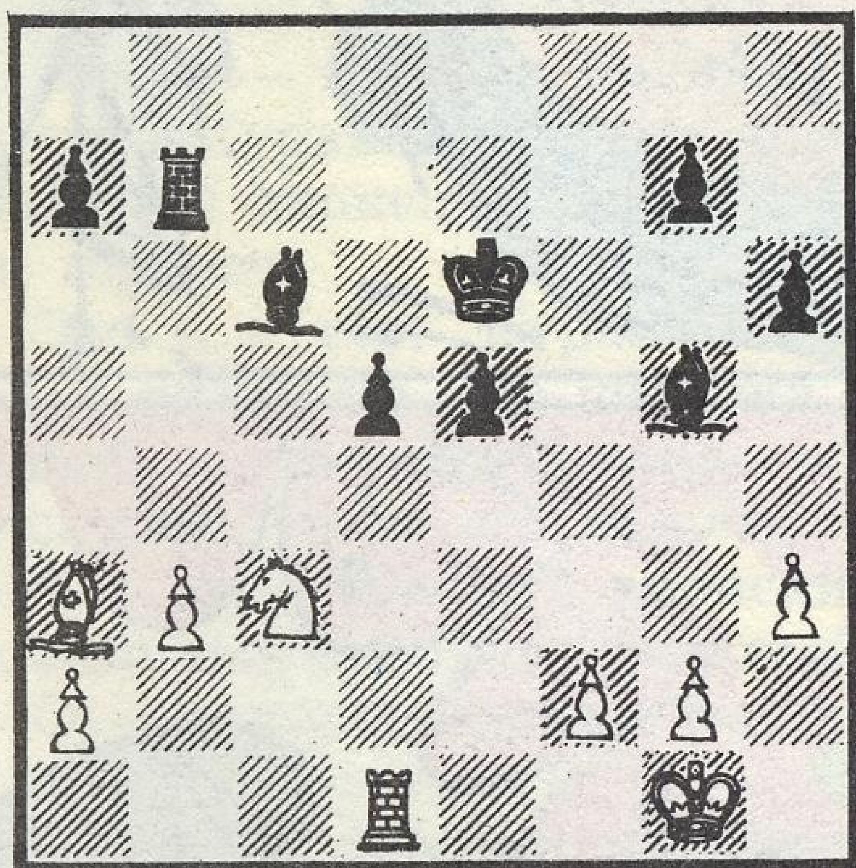
Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Чемпионка мира

Двадцать восемь шахматисток из Англии, США, Голландии, Дании, Греции, Норвегии, Индии и ряда других стран оспаривали первенство мира среди девушек до 16 лет в австрийском городе Инсбруке.

Убедительную победу в этом турнире одержала советская шахматистка Алиса Галямова с результатом 10 очков из 11 возможных. На очко отстала Наташа Бойкович из Югославии, по 7 очков набрали Сабина Фруту (Франция) и Кристина Илиева (Болгария). Новая чемпионка мира активно ведет борьбу за доской, изобретательно защищается в трудных позициях, хорошо играет эндшпиль.

Следующее окончание возникло в партии Алисы Галямовой с игравшей белыми Ренатой Лимбах (Голландия).

Два слона и сильная проходная пешка в центре определяют значительный позиционный перевес черных. Поэтому белые идут на форсированный вариант, стараясь упростить позицию и получить шансы на спасение.

32. Кс3—е4 d5:е4 (необходимо ввиду угрозы 33. Кс5+) 33. Лd1—d6+ Кре6—f5 34. Лd6:с6 е4—е3! 35. f2:е3 Сg5:е3+ 36. Крg1—f1 Крf5—е4! (Черные усиливают положение своих фигур, в первую очередь короля) 37. Крf1—е2 Лb7—f7 38. Лс6—с4+ Се3—d4 39. Кре2—е1 Кре4—d3 40. Са3—b4 е5—е4 41. Сb4—а5 (если 41. Сс5, то 41. ...Сс3+, и черные выигрывают) 41. ...Лf7—f5 42. Са5—b4 а7—а5 43. g2—g4 (на 43. Сd2 последовало бы 43. ...е3) 43. ...а5:b4! 44. g4:f5 Сd4—с3+. Белые сдались, так как на отступление короля следует 45. ...е3, и проходная пешка черных неудержима.

Всего год назад, в финале Всесоюзного турнира клуба «Белая ладья», кандидат в мастера Алиса Галямова была лидером команды пионерской дружины школы № 131 города Казани. Команда заняла почетное пятое место, отличный результат — 8 очков из 10 — показала Алиса на первой доске. Впервые в финале турнира клуба «Белая ладья» девочка возглавляла свою команду и выступила столь успешно.

Ученица тренера Олега Ильясовича Игламова поступила в московскую школу-интернат № 9 спортивного профиля. Алиса упорно тренировалась и успешно играла в ряде соревнований, сочетала занятия шахматами с хорошей учебой в 8-м классе, вступила в комсомол. Поэтому подруги и товарищи Алисы, учителя и тренеры верили, что она сделает все возможное для победы в первенстве мира. И победа пришла.

Финиш «Белой ладьи»

Право выступать в финале турнира клуба «Белая ладья» получили команды из союзных республик, Москвы и Ленинграда, добившиеся лучших результатов в отборочных соревнованиях.

Например, в Латвии в предварительных состязаниях участвовали 262 команды, в Эстонии —310, в Таджикистане — 320 команд. Наибольшее количество участников привлекли соревнования в Российской Федерации: более восьми тысяч команд оспаривали право представлять свою республику в финале.

В белорусском городе Пинске собрались двадцать команд — ровно сто юных шахматистов и шахматисток. В финале играли и гости советских ребят — коллектив болгарских пионеров из города Пловдива.

Первый этап турнира определил шесть сильнейших команд, которым предстояло вести борьбу за главные награды.

Фаворитом считалась команда пионерской дружины школы № 15 грузинского города Кутаиси. Во-первых, этот коллектив уверенно победил в предварительном турнире. Во-вторых, вся команда состояла из кандидатов в мастера.

Однако первое место и главный приз турнира завоевала команда пионерской дружины школы № 5 из небольшого литовского города Кедайняй с результатом 16,5 очка из 25. В ее составе выступали кандидат в мастера Донатас Даугела, перворазрядники Альгирдас Аугустайтис, Альбертас Круповес, Арунас Гядюнас и Рита Дамбровайте. Тренер команды — Альгис Аугустайтис.

Всего на пол-очка отстали от победителей пионеры из Кутаиси, которым вручен приз нашего журнала.

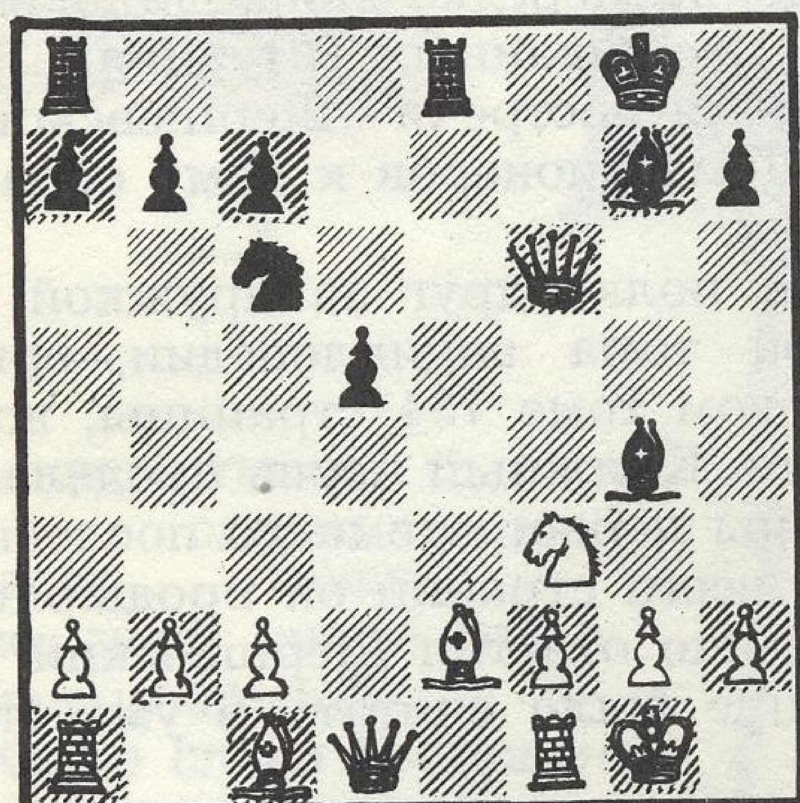
На первой доске играла девочка — Софико Николадзе.

В составе команды выступали также Шота Кучухидзе, Саша Кашашвили, Каха Жоржолиани, Теа Линчава. Тренировал ребят Тенгиз Харламиди.

На третьем месте команда пионерской дружины школы № 13 города Кишинева — 13,5 очка. Последующие места в главном финале заняли команды Минска (школа № 103), Ленинграда (школа № 222) и Нижнего Тагила (школа № 36).

Участники турнира сразились в сеансах одновременной игры с гроссмейстерами Михаилом Талем, Александром Белявским, Юрием Балашовым и Виктором Купрейчиком, провели товарищеский футбольный матч с пионерами города Пинска.

Много интересных партий было сыграно в финальном турнире.

Эта позиция возникла в партии Азер Исрафаилов (Баку, школа № 158) — Дмитрий Грудский (Ленинград, школа № 222).

В дебюте черные пожертвовали пешку, получив большой перевес в развитии. Теперь же следует жертва качества, и пешечное прикрытие короля белых разрушается.

Последовало 13. ...Ле8:е2! 14. Фd1:е2 Кс6—d4 15. Фе2—d3 Сg4:f3 16. g2:f3 Кd4:f3+ 17. Крg1—g2 Ла8—f8! Черные сосредоточили свои силы для решающей атаки.

18. Фd3:d5+ Крg8—h8 19. Сс1—е3 Фf6—g6+ 20. Крg2—h1 с7—с6! Оттесняя ферзя белых, который не может защитить все уязвимые пункты.

21. Фd5—d7 (если 21. Фd3, то 21. ...Фh5 с неизбежным матом) 21. ...Фе4 22. Фd7—h3 Кf3—h4+ 23. Крh1—g1 Лf8—g8 24. f2—f4 Сg7—с3+! Белые сдались: на 25. Крf2 последует 25. ...Лg2+ 26. Ф:g2 Ф:g2х.

Дима Грудский показал лучший результат на первой доске, набрав 8 очков из 10. Интересно, что в прошлом году с таким же итогом пришли к финишу Алиса Галямова и ленинградец Костя Сакаев.

А вот пример из партии лидера литовских пионеров.

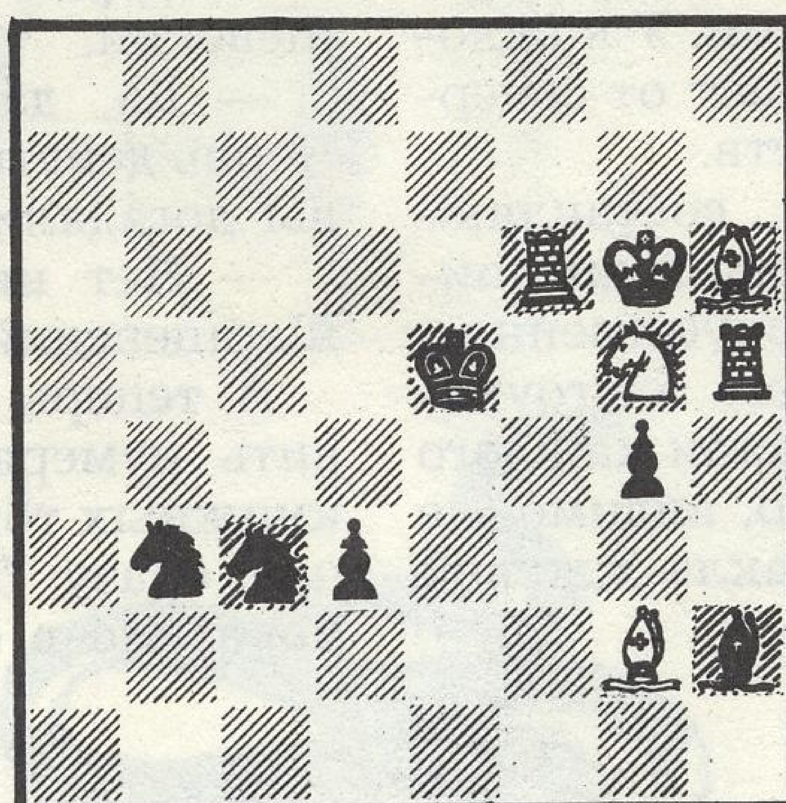
Донатас Даугела —
Ян Теплицкий
(Ташкент, школа № 50)

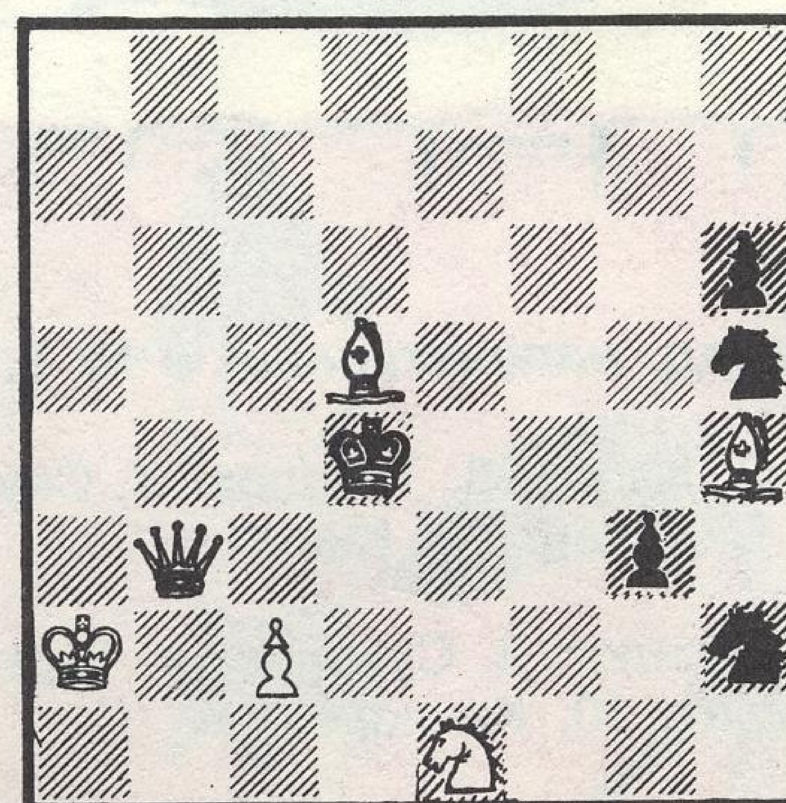
18. с4—с5! е5—е4 (на 18. ...dc есть сильный ответ 19. d6!, и нельзя 19. ... С:d6 ввиду 20. Фd5+) 19. Фf3—g3 d6:c5 20. Сс1:h6 Лf8—f7 21. Сh6—f4 Се7—h4 22. Фg3—b3 Сh4—g5 23. Сf4—d6 Сg5—d2 24. Ле1—d1 Сd2:b4 25. Сd6—h2 Лf7—f6 26. Сh2—с7! Фd8—е8 (нельзя 26... Ф:с7 из-за 27. d6+ с4 28. С:с4+, белые выигрывают) 27. а2—а3! Сb4:а3 (черные не могут спасти слона) 28. Фb3:а3 b7—b6 29. Сf1—b5 Фе8—с8 30. Сb5—с6. Черные сдались.

На конкурс

Продолжаем конкурс решений задач и этюдов. Напоминаем, что ребятам, добившимся лучших результатов, по итогам конкурса будут присвоены спортивные разряды.

Предлагаем решить две задачи. В первой белые начинают и дают мат в два хода, во второй — мат в три хода.

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

От чего зависит победа?

Победа в спорте зависит от таланта, мускулов, воли. Но достаточно ли этого? На Олимпийских играх 1948 года в Хельсинки шли соревнования прыгуний в длину. Дальше всех «улетела» польская спортсменка Эльжбета Кшесиньская. Она и заняла бы первое место, если бы не ее коса...

Длину прыжка измеряют от места отталкивания атлета до начала следа на песке при приземлении. След же от косы Эльжбеты начинался за 30 сантиметров до того места, которого коснулись ноги. Коса и «украла» у нее золотую медаль.

— Все дело в прическе,— решила спортсменка и сделала короткую стрижку.

На следующей Олимпиаде Кшесиньская стала чемпионкой.

Розовый конфуз

Даже с закрытыми глазами колбасу не спутаешь с клубникой, а шоколад — с нафталином. У каждого предмета свой запах, который зависит от содержания различных химических веществ.

«А что если определить вещества, составляющие, например, аромат розы? — подумали английские химики.— И затем создать его искусственно».

Сказано — сделано. В неповторимом благоухании цветка определили 40 веществ. Взяли каждого побольше, смешали в колбе, но что-то, видимо, не учли в пропорциях... Короче, смесь пахла жженой резиной.

Услышать — значит увидеть

Человек это был удивительный! Он помнил абсолютно все, что когда-нибудь видел, слышал или читал. Книгу, прочитанную лет 20—30 назад, он мог повторить слово в слово от первой до последней страницы, и наоборот. Для него не составляло труда назвать по порядку все цифры увиденного мельком 1000-значного числа. Он без запинки воспроизводил текст любого спектакля, фильма или лекции, на которых присутствовал. Он мог... Впрочем, примеры можно продолжать до бесконечности. Важнее другое: почему у журналиста В. Шершевского, а именно о нем идет речь, была такая феноменальная память?

Причин много. Одна из них в том, что Шершевский воспринимал окружающее буквально всеми органами чувств одновременно, и это резко усиливало процесс запоминания. Например, слова он не только читал и слышал, но также чувствовал их на вкус и цвет, видел как реальные, осязаемые предметы. И это видение нередко приходило ему на помощь в самых неожиданных ситуациях...

Как-то во время встречи Шершевского со школьниками в Доме пионеров к нему обратился один пятиклассник.

— На книжной полке друг за дружкой стоят первый и второй тома энциклопедии,— начал мальчик.— В первом томе 734 страницы, во втором — 719 страниц. Книжный червь проделал ход от первой страницы первого тома до последней — второго. Сколько всего страниц он продырявил?

— Две,— мгновенно ответил Шершевский.

Ребята, начавшие было считать в уме, не поняли.

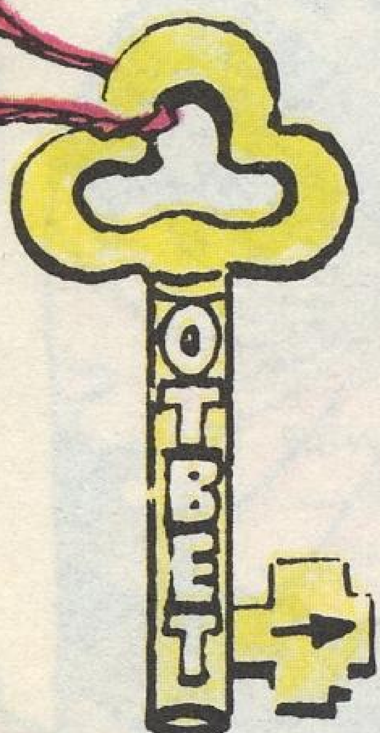
— Что две? — послышались недоуменные голоса.

— Червь прогрыз две страницы,— сказал Шершевский.

— Да, да,— радостно закивал пятиклассник.— Червь действительно прогрыз две страницы, но как вы догадались?

— Нет ничего проще,— удивился его вопросу Шершевский.— Это же... сразу видно.

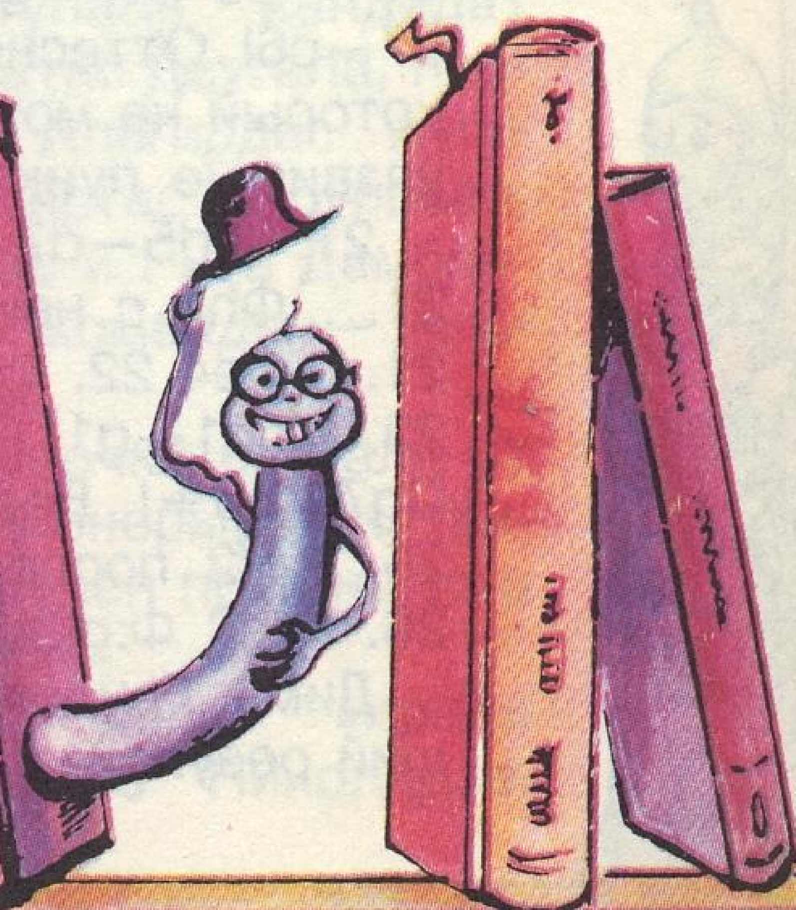
А теперь, дорогой читатель, попробуй представить нумерацию страниц в стоящих по порядку книжных томах. Тогда и ты сможешь «увидеть» то, что сразу было видно Шершевскому и что так поразило в его ответе всех ребят.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 9.

По горизонтали: 2. Капот. 6. Туполев. 8. Скутер. 9. Пещера. 11. Биллион. 12. Кивер.

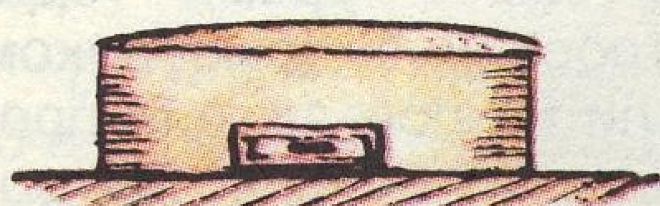
По вертикали: 1. Эпилог. 3. Сувенир. 4. Теремок. 5. Бекар. 7. Пират. 10. Клюква.

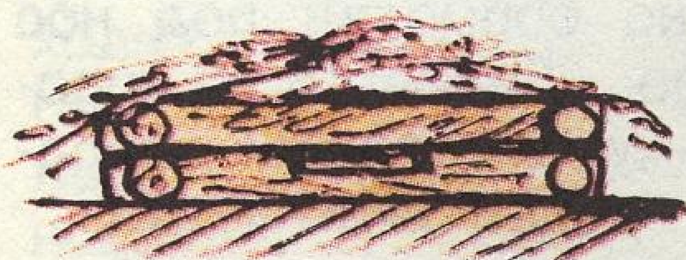
КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Планета, на которой Фаддей Сеткин становился сетом Фа-Дейком. (Смотри повесть В. Крапивина «Оранжевый портрет с крапинками». «Пионер» №№ 4—8, 1987 год.)

5. ДОТ.

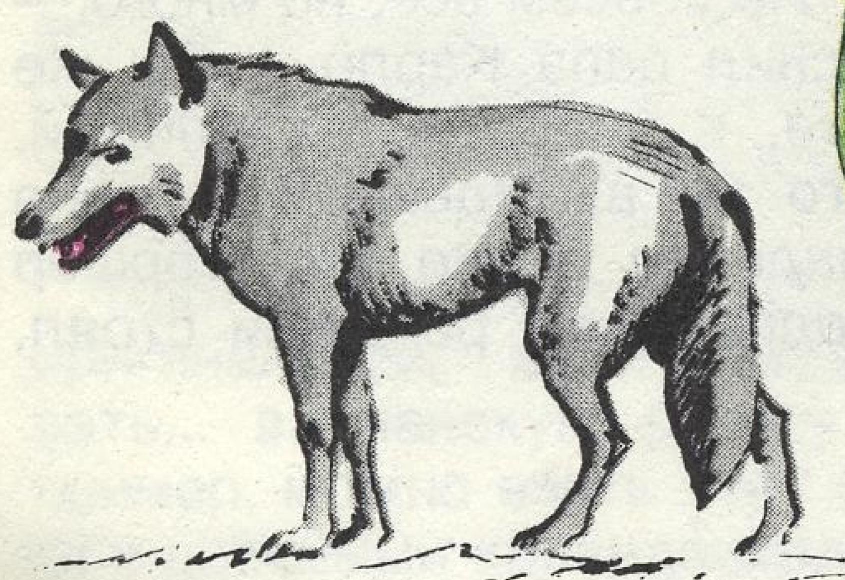

.......?

7. Garage.

9. Ты ходишь тихий,
словно мышь,
И ото всех........ таишь.
Наверно, знает целый свет
Твой замечательный........
(Какое слово пропущено?)

11. Починка чего-либо.
12. Восточное кушанье из риса.
13. Отверстие во льду для рыбалки.
14.

16. Столица европейского государства.
17. (Писатель, придумавший этот персонаж.)

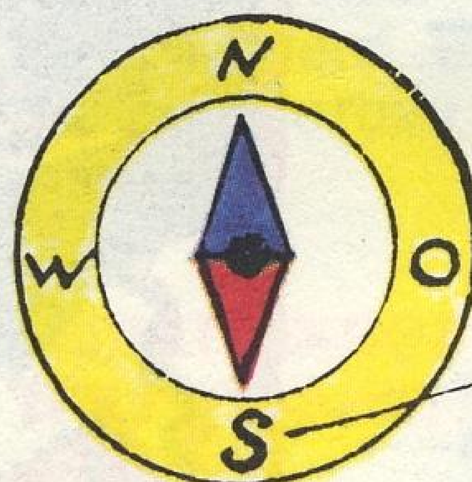

18.

По вертикали:

1. Напиток.
2. Кастрюля для быстрого приготовления пищи.
3.

4.

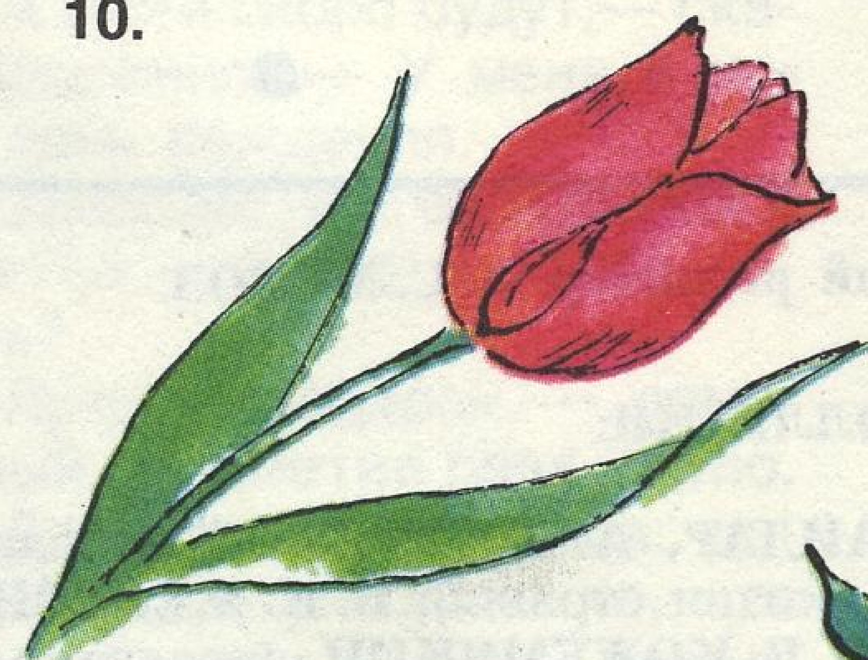

5.

6. Сладкий подарок.
8. Новелла, рассказ, повесть, ...

10.

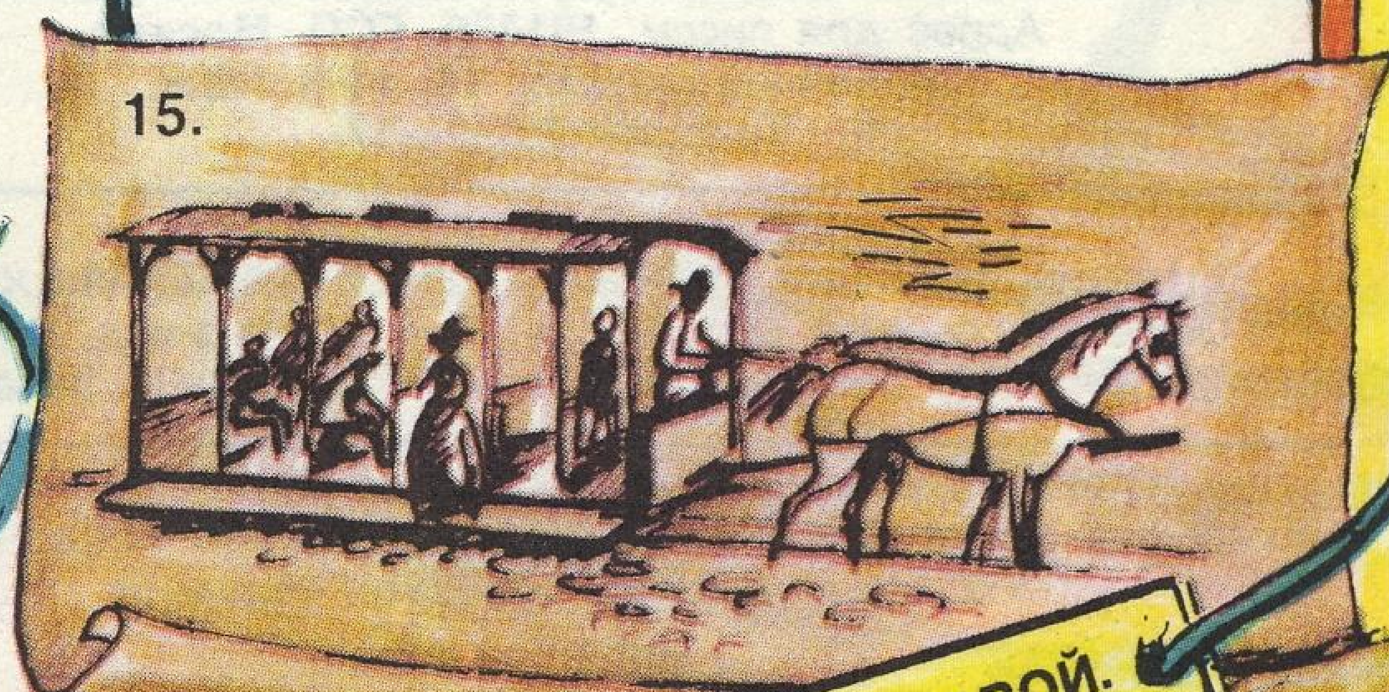

11. Химическая реакция, химический ....

12. (Владелец кепки.)

15.

Рисунки Н. ФЕДОРОВОЙ.

Содержание

На обложке:
Рисунок А. Борисова.

Адрес для писем: 101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 05.08.87.
Подписано к печати 19.08.87. А 05127. Формат 84 × 60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 750 000 экз. Изд. № 2400. Заказ № 1124.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Все шло по незыблемым законам природы, и ночь упорно отбирала у дня минуту за минутой. Светать стало поздно, а темнеть — рано.

— Нет бы наоборот,— ворчал Винни-Пух, не жаловавший темное и сырое время года. Лишь Матроскин с Домовенком не сетовали на погоду: они прекрасно видят в темноте. Матроскин изучал толстый том Брема про жизнь животных, а Домовенок грустно бормотал под нос пушкинское: «Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают...» Он предпочитал стихи.

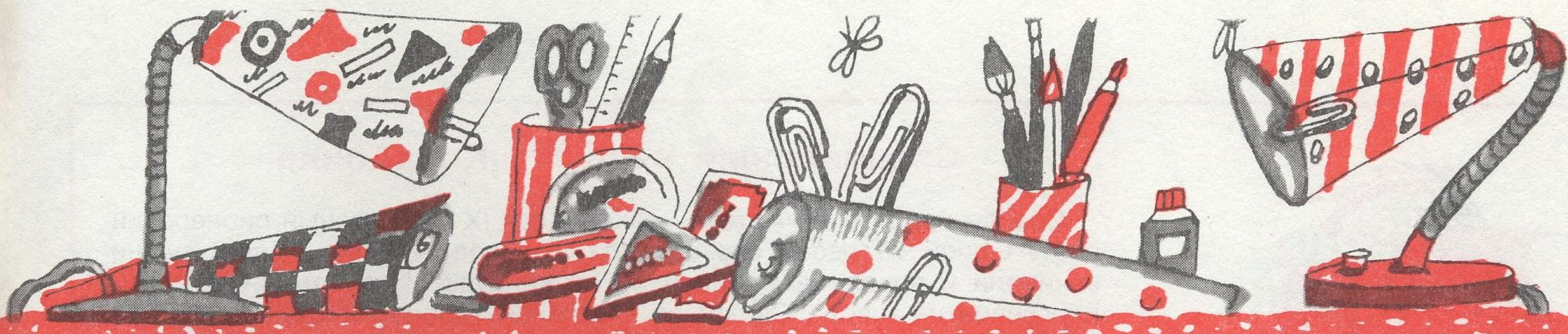
Винни-Пуху было очень обидно. Он не хотел жить в темноте. Ни в какой. И тут к нему пришла мысль, которой он поделился с Белоснежкой и папой Карло. На целый день они втроем заперлись в мастерской папы Карло.

Затворники показались на пороге лишь вечером. Папа Карло нес люстру, Белоснежка держала настольную лампу, а Винни-Пух сам светился от удовольствия.

— Сами сделали!— горделиво сказал Винни-Пух.

— Все-все сами?— не поверил Матроскин.

— Не совсем все, но много,— объяснил папа Карло.— Вы же знаете, я человек запасливый, ничего не выкидываю. У меня в кладовке давно уже торшер с ободранными рожками стоял,

лампа настольная без абажура и люстра без плафона. Вот все это мы заново и переделали!

ВО ЧТО ВОПЛОТИЛАСЬ «СВЕТЛАЯ» МЫСЛЬ ВИННИ-ПУХА

Висячая люстра выйдет очень нарядной, если сшить ей новое «одеяние». Любой тонкий белый материал кроится трапецией того размера, который подходит к имеющемуся каркасу. На эту трапецию сверху параллельно верхнему и нижнему основаниям ее нашиваем ленту. Ленту можно взять капроновую или шелковую. Нижний край ленты оставляем непришитым, получается как бы оборка. Берем следующую ленту, другого цвета, и пришиваем ее так, чтобы она высовывалась из-под первой оборки. Таким образом трапецию украшаем ленточными оборками донизу. Затем торчащие концы срезаем. Прикладываем ткань к каркасу так, чтобы ленты лежали ровными кругами. Сшиваем края трапеции, получается своеобразный чехол, который уже легко надевается сверху на люстру. Верхний край подгибаем внутрь и иголкой делаем аккуратный шов по всему диаметру, чтобы самодельный абажур держался.

Настольная лампа получится оригинальной, если использовать... ватманскую бумагу. Например, можно взять лист бумаги и цветными карандашами или фломастерами нарисовать на нем различные геометрические узоры. Потом свернуть лист кульком и надеть на лампу. Острый верх ровно обрезать и прикрепить к каркасу лампы большими скрепками. Нижний край можно вырезать, наоборот, фигурно. В том месте, где нижние края находят друг на друга, также закрепить их скрепкой.

Ватман можно обклеивать яркими картинками, этикетками, фантиками... Можно лист бумаги разрисовать разноцветными горошками. Половина маленького кружка обводится с внешней стороны черным фломастером или карандашом, тогда они кажутся выпуклыми. Во всех случаях инструмент нехитрый: ножницы, линейка, скрепки, клей.

Когда люстру повесили, а лампу поставили на стол и зажгли, в гостиной стало очень уютно. Но вылезли на свет и те недостатки, которые раньше оставались в тени. Лежебоку Матроскина и аккуратистку Белоснежку расстроил вид дивана: обивка вытерлась.

— Надо это безобразие чем-то прикрыть!— решительно высказалась Белоснежка.— Винни-Пух, тащи свои старые джинсы! Домовенок, неси швейную машинку. Матроскин, подвинься, я диван измерю...

И все засуетились, еще не зная точно, для чего. Все, кроме Белоснежки. Потому что она вспомнила,

КАК ДЕЛАТЬ КОВРИКИ ИЗ ТРЕУГОЛЬНИКОВ

Возьмите какие-нибудь старые джинсы, или брюки, или платье, которые уже никто не будет носить. Подберите еще какую-нибудь ненужную вещь из ткани, сочетающейся по цвету с первой. Из картона вырежьте лекало того размера, каким должен быть ваш треугольник. Удобен равнобедренный треугольник со сторонами по 15 сантиметров. Нарежьте по этому лекалу тряпичные треугольники из имеющихся тканей и сшивайте их по диагонали, чтобы получались квадраты. Потом надо пришить квадрат к квадрату, соблюдая геометрический рисунок, который вы заранее нарисовали. Получится лента из квадратов. Затем пришивайте ленту к ленте. Наложите получившуюся ткань на ватин, с другой стороны ватина положите кусок любого материала (чтобы изделие держало форму и было достаточно плотным). Приколите все это булавками и простегивайте толстыми нитками. Через каждые 4—5 стежков делайте стежок иголкой назад для крепости шва. Размер такого коврика должен соответствовать дивану или креслу, на которое вы собираетесь его положить.

— Хорошо мы сегодня поработали,— довольно оглядел гостиную папа Карло.— Теперь и гостей пригласить не стыдно.

— А гости скоро будут,— сказал Домовенок.— У меня в ноябре день рождения.

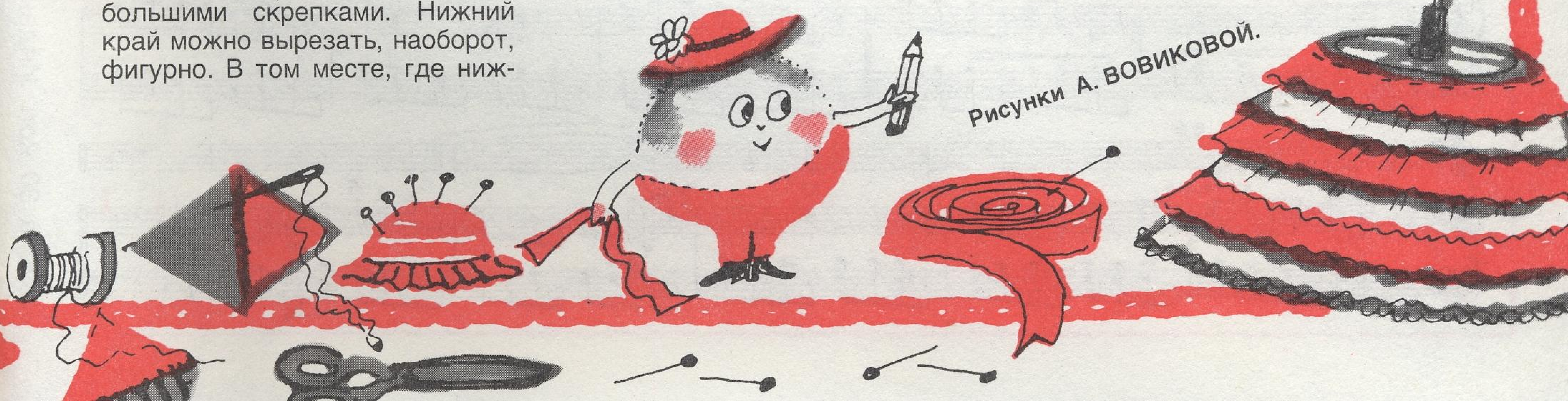
— Здорово! — обрадовался Винни-Пух.— А что же тебе подарить?

— Лучший подарок — самодельный,— заметил папа Карло.

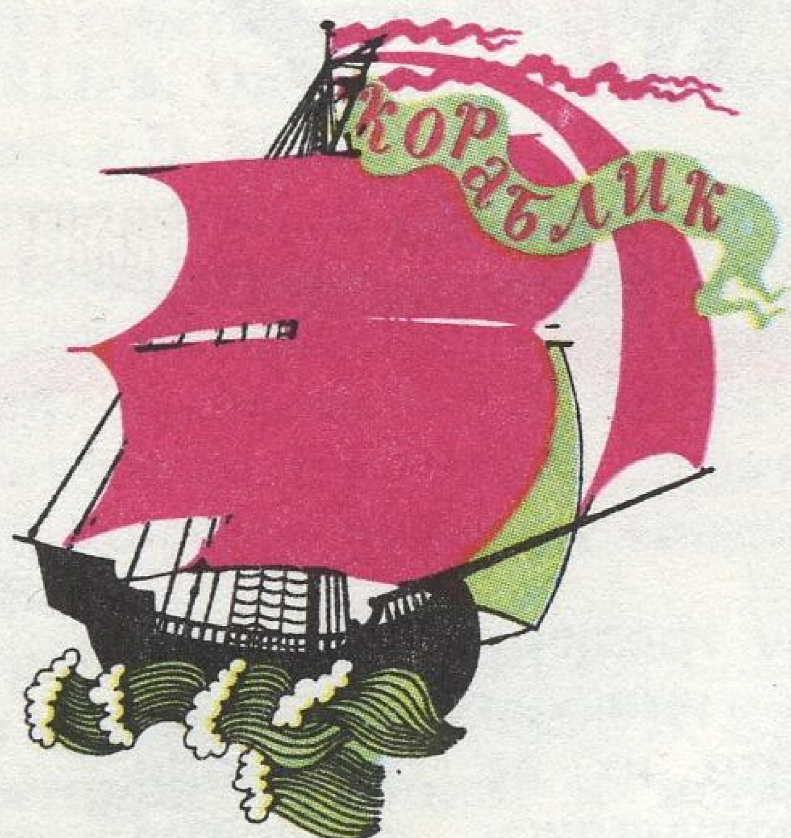
— Давайте договоримся: дарить друг другу только то, что сделали своими руками,— предложил Колобок.

— Прекрасная идея, — поддержали его все.— Ребята тоже могут поделиться с нами секретами разных самоделок. И сделать подарок Домовенку.

ОБЪЯВЛЯЕМ КОНКУРС на лучший подарок.
Присылать подарки можно до 30 ноября 1987 года.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Специальный выпуск «Кораблика»

Совсем недавно в «Артеке» закончился IX Всесоюзный пионерский слет. Одной из песен слета стала — «Тебе, «Артек». Текст песни сочинила и прислала в «Пионер» на конкурс «Песня-молния» семиклассница из города Сафоново Смоленской области **Лариса ШИБИНИНА**. Она и стала главной победительницей конкурса.

Музыку написал московский композитор **Игорь ПИНХАСОВ.**

Еще раз поздравляем Ларису с победой!

ТЕБЕ, «АРТЕК»

Нам птицы, как горны, подъем пропоют,
Друзьям отдадим пионерский салют,
И солнце, как знамя, над нами взлетит
И песней о дружбе в сердцах зазвучит.

Припев:
Пусть песня, как лодка, плывет по морям
К далеким и близким, надежным друзьям.
Мы встретились и подружились навек
В стране пионерской. Ей имя — «Артек».

Нас горы встречают, и море нас ждет.
Отряд пионерский уходит в поход.
Он песню о дружбе с собою унес
В последний поход на высокий утес.

Припев.

Стихает багровый закат в вышине —
Вечерний салют пионерской стране.
Мы в лагере нашем у моря и гор
Зажжем пионерский прощальный костер.

С движением

Хор

Ф-но

1. Нам пти-цы, как гор-ны, подъ-ём про-по-ют, друзь-ям от-да-дим пи-о-нер-ский са-лют, и солн-це как зна-мя, над на-ми взле-тит и пес-ней о друж-бе в серд-цах заз-ву-чит.

Припев

Пусть пес-ня, как лод-ка плы-вет по мо-рям, к да-ле-ким и близ-ким, на-деж-ным друзь-ям. Мы встре-ти-лись и под-ру-жи-лись на-век в стра-не пи-о-нер-ской. Ей

(Для окончания)

и-мя- „Ар-тек." тек."

3. Сти-и- мя- „Ар-тек."

Цена 30 коп. Индекс 70694.